

УТВЕРЖДЕН
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
15 ноября 2017 г.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 4 (2017)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

По уголовным делам

1. В силу положений ч. 3 ст. 66 и ч. 1 ст. 62 УК РФ срок или размер наказания за покушение на убийство не может превышать 10 лет лишения свободы.

Мнение потерпевшего о назначении виновному лицу строгого наказания не может учитываться при определении вида и размера наказания.

По приговору суда (оставленного судом кассационной инстанции без изменения) М. осужден по пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 14 годам лишения свободы, по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 11 годам лишения свободы, по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ к 9 годам лишения свободы, на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно к 21 году лишения свободы.

Осужденный М. в надзорной жалобе просил о пересмотре судебных решений и смягчении наказания по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, указывая, что максимальное наказание в виде лишения свободы за данное преступление при наличии смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, – активного содействия раскрытию преступления – с учетом положений ч. 3 ст. 66 УК РФ не может превышать 10 лет лишения свободы. Кроме того, из содержания приговора следует, что суд назначил ему более строгое наказание, основываясь на просьбе потерпевшей, что не соответствует требованиям закона.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил судебные решения в части назначенного осужденному М. наказания по следующим основаниям.

Срок или размер наказания за покушение на преступление не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса за оконченное преступление (ч. 3 ст. 66 УК РФ).

Согласно положениям ч. 1 ст. 62 УК РФ при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ (к которым относится активное содействие раскрытию и расследованию преступлений, изобличению и уголовному преследованию соучастников), при отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса.

Из материалов дела усматривается, что суд первой инстанции обстоятельствами, смягчающими наказание осужденных, признал активное содействие раскрытию и расследованию преступлений, изобличению и уголовному преследованию соучастников. Обстоятельств, отягчающих наказание, судом не установлено.

Таким образом, осужденному М. за преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, с учетом положений ч. 1 ст. 62 УК РФ могло быть назначено наказание, не превышающее 10 лет лишения свободы, однако ему было назначено 11 лет лишения свободы.

Кроме того, при назначении наказания осужденному суд счел чрезмерно мягким окончательный срок наказания в виде лишения свободы, который государственный обвинитель просил назначить подсудимому с учетом обстоятельств дела, учитывая при этом просьбу потерпевшей, настаивающей на суровом наказании, суд принял решение о назначении более строгого окончательного наказания.

Между тем в силу ч. 1 ст. 6 и ч. 3 ст. 60 УК РФ в их взаимосвязи при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления, обстоятельства его совершения и личность виновного лица, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного.

Однако мнение потерпевшего о суровом наказании виновных лиц не включено законодателем в перечень отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ, который расширительному толкованию не подлежит.

При таких обстоятельствах ссылка суда на назначение М. сурового наказания с учетом просьбы потерпевшей является неправомерной и подлежит исключению из описательно-мотивировочной части приговора.

На основании изложенного Президиум изменил приговор и кассационное определение и смягчил осужденному М. наказание, назначенное по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, до 9 лет

11 месяцев лишения свободы, по пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ – до 13 лет 9 месяцев лишения свободы, по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ – до 8 лет 9 месяцев лишения свободы; на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105, пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, путем частичного сложения наказаний окончательно назначил М. 20 лет лишения свободы.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 77-П17*

2. Срок давности уголовного преследования за вымогательство исчисляется с того момента, когда передача денежных средств была прекращена и требования об их выплате не возобновлялись.

Установлено, что в один из дней января-февраля 2000 г. Б. в целях осуществления единого умысла с соучастниками преступления незаконно потребовал от потерпевшего Г. ежемесячной безвозмездной передачи денежных средств, угрожая в случае невыплаты применением насилия и уничтожением его имущества. Потерпевший воспринял угрозы реально и с указанного времени и до июня 2005 г. ежемесячно передавал осужденному по 5000 руб.

За указанные действия Б. осужден по приговору суда от 23 июня 2014 г. по п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ.

Осужденный Б., оспаривая приговор в части осуждения по эпизоду вымогательства денежных средств у потерпевшего, утверждал, что срок давности следует исчислять с того момента, когда потерпевшему были предъявлены требования о выплате денежных средств, т.е. с января-февраля 2000 г.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации оставил приговор в части осуждения Б. по п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ (по эпизоду в отношении потерпевшего Г.) без изменения по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 78 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности за особо тяжкое преступление, если со дня его совершения до вступления приговора в законную силу истекло 15 лет.

Преступление, предусмотренное п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ, относится к категории особо тяжких, срок давности за которое не истек.

По данному делу установлено, что осужденные после предъявления требований получали денежные средства от потерпевшего путем вымогательства до июня 2005 г.

Срок давности привлечения к уголовной ответственности за вымогательство (преступление, посягающее в том числе на отношения собственности и иные имущественные отношения) в данном случае

подлежит исчислению с того момента, когда передача денежных средств была прекращена и требования об их выплате не возобновлялись.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 186-П16*

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров, связанных с исполнением обязательств

3. Лицо, представившее расписку, подтверждающую частичное погашение долга перед контрагентом, не вправе впоследствии ссылаться на незаключенность между ними договора займа.

К. обратился в суд с иском к М. об обращении взыскания на заложенное имущество.

В обоснование заявленных требований истец указал, что 14 февраля 2014 г. между В. и М. заключен договор займа, согласно которому М. передана денежная сумма в размере 3 677 211 руб. со сроком возврата не позднее 30 апреля 2014 г.

В обеспечение исполнения обязательств по договору займа В. и М. в тот же день заключили договор залога принадлежавшей последнему двухкомнатной квартиры. Общая залоговая стоимость квартиры определена в размере 9 000 000 руб.

24 июля 2014 г. между В. и К. заключен договор уступки прав, в соответствии с которым В. передал К. в полном объеме права (требования) по договору займа от 14 февраля 2014 г.

Уведомление об уступке прав (требований) по договору займа вручено ответчику 6 августа 2014 г. Возражений новому кредитору должником не предъявлено.

Поскольку заемщик своих обязательств не исполнил и не возвратил сумму займа в установленный договором срок, истец просил суд обратиться взыскание на указанную квартиру.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования, суд исходил из того, что ответчиком не исполнено обязательство по возврату суммы займа, исполнение которого обеспечено договором залога квартиры. Заложенная квартира была продана с торгов. Частичное удовлетворение от продажи имущества получили истец К., а также ряд других кредиторов М.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции после проведения торгов, указал, что истец в нарушение ст. 56 ГПК РФ не представил доказательств, с достоверностью подтверждающих, что ответчику были переданы денежные средства в размере 3 677 211 руб. во исполнение договора займа от 14 февраля 2014 г., а потому оснований

для обращения взыскания на предмет залога, обеспечивающий исполнение указанного договора займа, не имеется.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами суда апелляционной инстанции не согласилась по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 807 ГК РФ по договору займа одна сторона (займодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) деньги или другие вещи, определенные родовыми признаками, а заемщик обязуется возвратить займодавцу такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество других полученных им вещей того же рода и качества.

Договор займа считается заключенным с момента передачи денег или других вещей.

Пунктом 1 ст. 810 ГК РФ предусмотрена обязанность заемщика возвратить займодавцу полученную сумму займа в срок и в порядке, которые предусмотрены договором займа.

Исполнение обязательств может обеспечиваться неустойкой, залогом, удержанием имущества должника, поручительством, банковской гарантией, задатком и другими способами, предусмотренными законом или договором. Недействительность основного обязательства влечет недействительность обеспечивающего его обязательства, если иное не установлено законом (пп. 1 и 3 ст. 329 ГК РФ в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений).

В соответствии с ч. 2 ст. 56 ГПК РФ суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

В силу приведенных выше норм права юридически значимым обстоятельством, от которого зависело правильное разрешение спора, являлось, в частности, установление того, был ли заключен договор займа, в том числе передал ли В. деньги М. Также суду следовало установить, имелась ли на момент вынесения судом решения задолженность М. перед К., поскольку только в этом случае возможно обратиться взыскание на заложенное имущество.

Истцом в материалы дела представлена расписка, подписанная М., в которой ответчик подтверждает погашение долга по договору займа от 14 февраля 2014 г., заключенному между В. и М., на сумму 3 677 211 руб. в пользу К. и обязуется погасить всю задолженность в срок до 1 июня 2017 г. В судебном заседании суда апелляционной инстанции ответчик подтвердил подлинность указанной расписки и пояснил, что она составлена после 26 июля 2016 г.

Суд апелляционной инстанции, оценивая названную расписку, указал, что она не содержит сведений о получении ответчиком займы денежных средств.

При этом суд не применил правило, согласно которому сторона, подтвердившая каким-либо образом действие договора, не вправе ссылаться на незаключенность этого договора («эстоппель»).

Данное правило вытекает из общих начал гражданского законодательства и является частным случаем проявления принципа добросовестности, согласно которому при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно; никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (пп. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ).

На момент написания расписки в июле 2016 года правило «эстоппель» было закреплено в п. 3 ст. 432 ГК РФ.

В расписке М. подтвердил погашение долга по договору займа от 14 февраля 2014 г., заключенному между В. и М., на сумму 3 677 211 руб. в пользу К., а потому суду апелляционной инстанции, принявшему данную расписку как доказательство, надлежало дать ей оценку с учетом правила «эстоппель», чего сделано не было.

Определение № 5-КГ17-94

Разрешение споров, связанных с защитой прав потребителей

4. Злоупотребление доверием потребителя при предоставлении ему информации о товаре недопустимо.

Н. обратился в суд с иском к торговой компании о защите прав потребителя, в обоснование которого указал, что по предложению представителя ответчика, прибывшего в квартиру истца, последним был приобретен прибор Биомедис стоимостью 30 800 руб. Ранее в результате телефонного разговора между Н. и представителем торговой компании (ответчика), истцу было предложено пройти медицинское обследование в частной клинике, по итогам которого сообщено о возможности наличия онкологического заболевания и рекомендовано лечение на общую сумму 384 800 руб. Истец, находясь под впечатлением от данной информации, заключил с прибывшим в его квартиру курьером договор купли-продажи ряда препаратов. Подписывая данный договор, истец предполагал, что покупает лекарственные средства. В дальнейшем выяснилось, что ему были назначены биологически активные добавки. После посещения муниципальной поликлиники истцу стало известно об отсутствии оснований для постановки указанного диагноза, проведения процедур посредством прибора Биомедис и употребления приобретенных под влиянием обмана препаратов, о чем было незамедлительно сообщено ответчику с предложением добровольно вернуть денежные средства и получить товар обратно. Претензия истца осталась без ответа.

Н. просил суд взыскать уплаченные за товар 414 800 руб., неустойку за отказ удовлетворить требования покупателя в добровольном порядке в сумме 400 000 руб., компенсацию морального вреда 70 000 руб., судебные расходы.

Разрешая спор и отказывая Н. в удовлетворении иска, суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что биологически активные добавки приобретены истцом по собственному волеизъявлению, при этом вся необходимая и достоверная информация о товаре была доведена до его сведения ответчиком.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, рассматривая дело в кассационном порядке, признала, что выводы судебных инстанций сделаны с существенным нарушением норм материального и процессуального права.

В соответствии с п. 1 ст. 10 ГК РФ не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

По общему правилу п. 5 ст. 10 ГК РФ, добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное.

Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались.

Если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (п. 2 ст. 10 ГК РФ).

В соответствии со ст. 10 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее по тексту – Закон о защите прав потребителей) изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность их правильного выбора.

Информация о товарах в обязательном порядке должна содержать в том числе сведения об основных потребительских свойствах, сроке годности товаров, а также сведения о необходимых действиях потребителя

по истечении указанного срока и возможных последствиях при невыполнении таких действий, если товары по истечении указанных сроков представляют опасность для жизни, здоровья и имущества потребителя или становятся непригодными для использования по назначению.

В силу ст. 12 Закона о защите прав потребителей, если потребителю не предоставлена возможность незамедлительно получить при заключении договора информацию о товаре, он вправе в разумный срок отказаться от исполнения заключенного договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за товар суммы и возмещения других убытков. При рассмотрении требований потребителя о возмещении убытков, причиненных недостоверной или недостаточно полной информацией о товаре, необходимо исходить из предположения об отсутствии у потребителя специальных познаний о свойствах и характеристиках товара.

Как разъяснено в п. 36 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», при определении разумного срока, предусмотренного п. 1 ст. 12 Закона о защите прав потребителей, в течение которого потребитель вправе отказаться от исполнения договора и потребовать возврата уплаченной за товар суммы и возмещения других убытков, необходимо принимать во внимание срок годности товара, сезонность его использования, потребительские свойства и т.п.

Продавец несет ответственность по договору за любое несоответствие товара, которое существует в момент перехода риска на покупателя, даже если это несоответствие становится очевидным только позднее, а также за любое несоответствие товара, которое возникает после передачи товара покупателю и является следствием нарушения им любого своего обязательства, включая нарушение любой гарантии того, что в течение того или иного срока товар будет оставаться пригодным для обычных целей или какой-либо конкретной цели либо будет сохранять обусловленные качества или свойства.

Продавец несет ответственность в случае, если несоответствие товара связано с фактами, о которых он знал или не мог не знать и о которых он не сообщил покупателю.

Юридически значимым обстоятельством, имеющим существенное значение для правильного разрешения данного спора, являлось выяснение судом вопроса о том, была ли Н. предоставлена информация об основных потребительских свойствах товара, обеспечивающая возможность его правильного выбора, при которых он смог бы оценить необходимость и объективную нуждаемость в данных биологически активных добавках.

Именно от выяснения указанного обстоятельства зависело решение судом вопроса об удовлетворении или отказе в удовлетворении исковых требований Н.

Определение № 4-КГ16-40

5. Потребитель вправе отказаться от исполнения договора подряда в случае, когда исполнителем нарушены сроки выполнения работ или когда стало очевидным, что она не будет выполнена в срок. При этом исполнитель не вправе требовать оплаты и возмещения расходов, если потребитель не принял выполненную работу.

Ю. обратился в суд с иском к обществу о расторжении договора подряда, взыскании уплаченной во исполнение этого договора денежной суммы в размере 5 410 000 руб., а также о взыскании неустойки в размере 1 200 000 руб.

Судом установлено, что 28 февраля 2012 г. между Ю. как заказчиком и обществом как подрядчиком заключен договор подряда, по условиям которого подрядчик обязался своими силами и средствами выполнить работы на принадлежащем истцу объекте недвижимости.

Названные работы включали разработку и согласование проекта, оформление разрешительной документации для получения технических условий, установку и наладку трансформаторной подстанции, осуществление фактических действий по присоединению и обеспечению работы энергопринимающих устройств в электрической сети, оформление разрешительной документации на включение.

Общая стоимость работ по договору составляла 12 600 000 руб., которые заказчик обязался выплатить подрядчику в следующем порядке: предоплату в размере 35% от общей стоимости работ заказчик выплачивает в течение 10 рабочих дней с момента подписания договора; оплату в размере 20% от общей стоимости работ заказчик выплачивает после подписания сетевой организацией технических условий на технологическое присоединение объекта в течение 10 рабочих дней с момента выставления счета и передачи этих технических условий заказчику; оплату в размере 25% от общей стоимости работ заказчик выплачивает в течение 10 рабочих дней с момента подписания им актов выполненных строительно-монтажных работ; сверка расчетов и окончательные расчеты по договору производятся после получения актов разграничения балансовой принадлежности, технологического присоединения и допуска в эксплуатацию, а также после заключения договора с энергоснабжающей организацией.

Условиями договора подряда предусмотрено, что подрядчик обязуется выполнить все предусмотренные договором работы в течение 90 рабочих дней с момента заключения этого договора и приступить к

выполнению работ после поступления согласованной сторонами суммы предоплаты.

18 апреля 2012 г. Ю. выплатил обществу денежные средства в размере 4 410 000 руб. (35% от общей цены работы) в качестве предоплаты по договору подряда.

13 августа 2012 г. истец выплатил ответчику еще 1 000 000 руб., что составляет 7,94% от общей цены работы.

24 августа 2012 г. ОАО «Московская объединенная электросетевая компания» выдала истцу технические условия для присоединения к электрическим сетям.

Решением суда исковые требования удовлетворены, постановлено расторгнуть заключенный сторонами договор подряда, взыскать с общества в пользу Ю. уплаченные по договору 5 410 000 руб., неустойку в размере 1 200 000 руб. и судебные расходы – 27 500 руб.

Удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что обществом были существенно нарушены условия заключенного с истцом договора подряда, поскольку первый этап работ, состоявший в получении технических условий для присоединения к электрическим сетям, был выполнен подрядчиком по истечении срока, предусмотренного договором подряда для выполнения всего комплекса работ. Суд также указал, что ответчиком не представлено доказательств извещения истца о готовности технических условий и передачи ему этих условий путем оформления актов сдачи-приемки в порядке, предусмотренном договором подряда.

Отменяя решение суда первой инстанции в части взыскания с общества уплаченной Ю. по договору денежной суммы, а также неустойки и принимая в этой части новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции сослался на то, что предоплата по договору подряда вносилась истцом с нарушением предусмотренных договором сроков, в том числе за пределами установленного договором срока выполнения подрядчиком всего комплекса работ, что свидетельствует о согласии истца с изменением условий договора подряда о сроках выполнения работ. Кроме того, судебная коллегия указала, что заключенный сторонами договор подряда не предусматривал безусловное обязательство подрядчика по отдельности передавать результат каждого этапа работ.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что выводы суда апелляционной инстанции сделаны с существенным нарушением норм материального и процессуального права.

Судом апелляционной инстанции оставлено в силе решение суда в части расторжения договора, основанное на существенном нарушении подрядчиком сроков выполнения обязательств.

Пунктом 4 ст. 453 ГК РФ предусмотрено, что в том случае, когда до расторжения или изменения договора одна из сторон, получив от другой стороны исполнение обязательства по договору, не исполнила свое обязательство либо предоставила другой стороне неравноценное исполнение, к отношениям сторон применяются правила об обязательствах вследствие неосновательного обогащения (гл. 60), если иное не предусмотрено законом или договором либо не вытекает из существа обязательства.

В соответствии с п. 1 ст. 1102 данного кодекса лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных ст. 1109 названного кодекса.

Из приведенных правовых норм следует, что в случае нарушения равноценности встречных предоставлений сторон на момент расторжения договора сторона, передавшая деньги либо иное имущество во исполнение договора, вправе требовать от другой стороны возврата исполненного в той мере, в какой встречное предоставление является неравноценным.

Отменяя решение суда первой инстанции в части, суд апелляционной инстанции исходил из того, что во исполнение договора подряда истец передал ответчику денежные средства, а ответчик выполнил работы по получению технических условий для подключения принадлежащего истцу объекта к электрическим сетям.

При этом суд апелляционной инстанции не оценил равноценность предоставленного обществом исполнения (получение технических условий для присоединения к электрическим сетям) уплаченной Ю. денежной сумме в размере 5 410 000 руб. с учетом всего объема работ, предусмотренных договором, и общей цены договора.

В нарушение приведенных выше правовых норм данный вопрос судом апелляционной инстанции был оставлен без какой-либо оценки.

Кроме того, судом апелляционной инстанции фактически не рассмотрены доводы о правомерном отказе истца от исполнения договора вследствие его существенного нарушения ответчиком.

Так, договором подряда предусматривалось выполнение ответчиком следующих работ: разработка и согласование проекта, оформление разрешительной документации для подключения технических условий, установка и наладка трансформаторной подстанции, осуществление фактических действий по присоединению и обеспечению работы энергопринимающих устройств в электрической сети, оформление разрешительной документации на включение, в том числе получение справки о выполнении технических условий, оформление актов разграничения балансовой принадлежности и разграничения

эксплуатационной ответственности, оформление акта допуска в эксплуатацию, оказание необходимого содействия в подписании договора с энергоснабжающей организацией.

По условиям договора весь комплекс работ должен был быть выполнен ответчиком в течение 90 дней с момента заключения договора подряда, при этом подрядчик приступает к выполнению предусмотренных договором работ после поступления суммы предоплаты, предусмотренной этим договором.

Из установленных судом обстоятельств следует, что предварительная оплата произведена истцом 18 апреля 2012 г., а следовательно, с этого момента ответчик, не предъявивший каких-либо претензий истцу и не поставивший вопрос о расторжении договора, должен был приступить к работе и выполнить ее в установленный договором срок – 90 дней.

В соответствии со ст. 405 ГК РФ должник, просрочивший исполнение, отвечает перед кредитором за убытки, причиненные просрочкой, и за последствия случайно наступившей во время просрочки невозможности исполнения (п. 1).

Если вследствие просрочки должника исполнение утратило интерес для кредитора, он может отказаться от принятия исполнения и требовать возмещения убытков (п. 2).

Должник не считается просрочившим, пока обязательство не может быть исполнено вследствие просрочки кредитора (п. 3).

Из установленных судом обстоятельств дела следует, что с момента внесения истцом предусмотренной договором предоплаты просрочка кредитора по отношению к ответчику отсутствовала.

Ответчик к работе приступил и, как посчитал установленным суд апелляционной инстанции, выполнил только начальный этап работ по получению технических условий за пределами 90 дней, предусмотренных для выполнения всего комплекса работ по договору.

Истец заявил, что вследствие просрочки должника исполнение потеряло для него интерес.

Судом апелляционной инстанции этому обстоятельству оценка не дана, вопрос о применении положений п. 2 ст. 405 ГК РФ не обсуждался.

Удовлетворяя иски требования, суд первой инстанции применил также положения ст. 28 Закона о защите прав потребителей, предусматривающей, что, если исполнитель нарушил сроки выполнения работы (оказания услуги) – сроки начала и (или) окончания выполнения работы (оказания услуги) и (или) промежуточные сроки выполнения работы (оказания услуги) или во время выполнения работы (оказания услуги) стало очевидным, что она не будет выполнена в срок, потребитель по своему выбору вправе в том числе отказаться от исполнения договора о выполнении работы (п. 1).

При отказе от исполнения договора о выполнении работы (оказании услуги) исполнитель не вправе требовать возмещения своих затрат, произведенных в процессе выполнения работы (оказания услуги), а также платы за выполненную работу (оказанную услугу), за исключением случая, если потребитель принял выполненную работу (п. 4).

Требования потребителя, установленные п. 1 названной статьи, не подлежат удовлетворению, если исполнитель докажет, что нарушение сроков выполнения работы (оказания услуги) произошло вследствие непреодолимой силы или по вине потребителя (п. 6).

Суд первой инстанции указал, что вины потребителя как в нарушении срока выполнения всей работы, так и в нарушении срока получения технических условий с момента внесения предоплаты не имеется, ответчик существенно нарушил срок выполнения работы, в том числе и по получению технических условий, а следовательно, истец был вправе отказаться от договора без возмещения подрядчику затрат на их выполнение.

Отменяя решение суда первой инстанции в части взыскания с общества в пользу Ю. денежной суммы, а также неустойки и отказывая в удовлетворении исковых требований в этой части, суд апелляционной инстанции выводы суда первой инстанции о применении к спорным правоотношениям положений Закона о защите прав потребителей под сомнение не поставил.

В таком случае выводы суда апелляционной инстанции об отказе в удовлетворении исковых требований о взыскании с ответчика переданной истцом этому обществу во исполнение договора подряда денежной суммы и неустойки не соответствуют как положениям ст. 405 ГК РФ, так и приведенным выше положениям Закона о защите прав потребителей.

Отказывая в удовлетворении исковых требований Ю. о взыскании с общества переданной во исполнение договора подряда денежной суммы и неустойки, суд апелляционной инстанции сослался на отсутствие существенных нарушений условий этого договора со стороны подрядчика.

При этом суд апелляционной инстанции не учел, что суд первой инстанции принял решение о расторжении заключенного между Ю. и обществом договора подряда именно в связи с существенным нарушением подрядчиком условий этого договора о сроке выполнения работ, в этой части решение суда ответчиком не оспаривалось и оставлено в силе судом апелляционной инстанции.

В соответствии с ч. 1 ст. 195 ГПК РФ решение должно быть законным и обоснованным.

Согласно ч. 1 ст. 196 данного кодекса при принятии решения суд оценивает доказательства, определяет, какие обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения дела, установлены и какие обстоятельства не установлены, каковы правоотношения сторон, какой закон должен быть применен по данному делу и подлежит ли иск удовлетворению.

Как разъяснено в пункте постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении», решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права (п. 2).

Решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (ст. 55, 59–61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов (п. 3).

В силу ч. 4 ст. 198 ГПК РФ в мотивировочной части решения суда должны быть указаны обстоятельства дела, установленные судом; доказательства, на которых основаны выводы суда об этих обстоятельствах; доводы, по которым суд отвергает те или иные доказательства; законы, которыми руководствовался суд.

В соответствии с ч. 1 ст. 56 названного кодекса каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Факт надлежащего исполнения обязательств, равно как и отсутствие вины в неисполнении либо ненадлежащем исполнении обязательства, по общему правилу, доказывается обязанным лицом (п. 2 ст. 401 ГК РФ).

Решение суда апелляционной инстанции об отказе в иске о взыскании уплаченной по договору подряда денежной суммы и неустойки основано на выводе об исполнении ответчиком части работ по получению технических условий и о принятии этого исполнения истцом.

Между тем каких-либо доказательств этого суд апелляционной инстанции не привел, в частности доказательств того, что полученные истцом технические условия ОАО «Московская объединенная электросетевая компания» являются результатом работ ответчика и что они были приняты истцом в качестве таковых.

Напротив, истцом представлены доказательства того, что он заключил замещающую сделку с третьим лицом, осуществившим тот комплекс работ, который должен был выполнить ответчик, в том числе и получение технических условий.

Однако, как указала Судебная коллегия, этим доказательствам суд апелляционной инстанции в нарушение приведенных выше норм процессуального права оценки не дал.

Определение № 4-КГ17-5

6. Отказ продавца предоставить покупателю автомобиля оригинал паспорта транспортного средства, который покупатель (заемщик) по условиям автокредитования обязан предъявить в банк, влечет для продавца наступление предусмотренной Законом о защите прав потребителей ответственности.

Р. обратилась в суд с иском к обществу (продавцу), официальному дилеру о защите прав потребителей, указав в обоснование заявленных требований, что заключила с обществом договор купли-продажи автомобиля, в счет частичного исполнения обязательств по которому уплатила сумму в размере 202 000 руб., недостающая денежная сумма в размере 807 000 руб. перечислена банком на основании заключенного с истцом кредитного договора. В обеспечение исполнения обязательств по кредитному договору между Р. и банком также заключен договор залога приобретенного транспортного средства, по которому на истца возложена обязанность не позднее 10 рабочих дней с даты заключения договора передать залогодержателю оригинал паспорта транспортного средства (далее – ПТС). Вместо оригинала ПТС Р. от общества была получена его копия, из которой следовало, что собственником автомобиля значится данное общество. На неоднократные просьбы вручить оригинал ПТС ответчик отвечал отказом, полагая, что он вправе удерживать у себя ПТС в течение 30 рабочих дней в соответствии с условиями заключенного договора купли-продажи.

Заочным решением суда первой инстанции исковые требования удовлетворены частично; с общества в пользу Р. взыскана неустойка в размере 540 005 руб. 40 коп., страховая премия по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств в размере 6484 руб. 48 коп., страховая премия по договору страхования транспортного средства в размере 59 390 руб. 50 коп., расходы по оплате круглосуточной аренды автостоянки в размере 13 940 руб., компенсация морального вреда в размере 5000 руб., штраф в размере 312 410 руб. 19 коп., а всего 937 230 руб. 57 коп. На общество возложена обязанность передать Р. оригинал ПТС на приобретенный автомобиль.

Определением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено в части взыскания с общества неустойки, страховых премий по договорам страхования, расходов по оплате круглосуточной автостоянки, в указанной части постановлено новое решение, которым в удовлетворении исковых требований отказано. Решение суда изменено в части взысканного в пользу Р. штрафа, его размер снижен до 2500 руб. В остальной части решение суда оставлено без изменения.

Отменяя решение суда первой инстанции в указанной части и отказывая в удовлетворении названных требований, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что Закон о защите прав потребителей

в части взыскания неустойки не подлежит применению, поскольку рассматриваемые правоотношения урегулированы ст. 464 ГК РФ, предусматривающей право покупателя отказаться от товара вследствие неисполнения продавцом обязанности передать документы, относящиеся к товару. Также судебная коллегия указала, что убытки, понесенные истцом в связи с заключением договоров страхования и оплатой стоянки, не обусловлены действиями ответчика и совершены Р. добровольно.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшееся по делу апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 454 ГК РФ по договору купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену).

Согласно п. 1 ст. 456 ГК РФ продавец обязан передать покупателю товар, предусмотренный договором купли-продажи.

Если иное не предусмотрено договором купли-продажи, продавец обязан одновременно с передачей вещи передать покупателю ее принадлежности, а также относящиеся к ней документы (технический паспорт, сертификат качества, инструкцию по эксплуатации и т.п.), предусмотренные законом, иными правовыми актами или договором (п. 2 ст. 456 ГК РФ).

В силу с п. 59 постановления Правительства Российской Федерации от 19 января 1998 г. № 55 «Об утверждении Правил продажи отдельных видов товаров, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование покупателя о безвозмездном предоставлении ему на период ремонта или замены аналогичного товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену на аналогичный товар других размера, формы, габарита, фасона, расцветки или комплектации» при передаче товара покупателю одновременно передаются установленные изготовителем комплект принадлежностей и документы, в том числе сервисная книжка или иной заменяющий ее документ, а также документ, удостоверяющий право собственности на транспортное средство или номерной агрегат, для их государственной регистрации в установленном законодательством Российской Федерации порядке.

Как указано в ст. 464 ГК РФ, если продавец не передает или отказывается передать покупателю относящиеся к товару принадлежности или документы, которые он должен передать в соответствии с законом, иными правовыми актами или договором купли-продажи (п. 2 ст. 456), покупатель вправе назначить ему разумный срок для их передачи. В случае, когда принадлежности или документы, относящиеся к товару, не

переданы продавцом в указанный срок, покупатель вправе отказаться от товара, если иное не предусмотрено договором.

Приведенная правовая норма предоставляет покупателю право при соблюдении указанных в ней условий отказаться от товара, при ненадлежащем исполнении продавцом обязанности по передаче покупателю относящихся к товару документов, но не предусматривает каких-либо мер гражданско-правовой ответственности, подлежащих применению к продавцу в случае причинения покупателю убытков данными действиями.

Закон о защите прав потребителей регулирует отношения, возникающие между потребителями и изготовителями, исполнителями, импортерами, продавцами при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг), устанавливает права потребителей на приобретение товаров (работ, услуг) надлежащего качества и безопасных для жизни, здоровья, имущества потребителей и окружающей среды, получение информации о товарах (работах, услугах) и об их изготовителях (исполнителях, продавцах), просвещение, государственную и общественную защиту их интересов, а также определяет механизм реализации этих прав.

В указанном законе недостаток товара (работы, услуги) определен как несоответствие товара (работы, услуги) или обязательным требованиям, предусмотренным законом либо в установленном им порядке, или условиям договора (при их отсутствии или неполноте условий обычно предъявляемым требованиям), или целям, для которых товар (работа, услуга) такого рода обычно используется, или целям, о которых продавец (исполнитель) был поставлен в известность потребителем при заключении договора, или образцу и (или) описанию при продаже товара по образцу и (или) по описанию.

В пп. 1 и 2 ст. 4 Закона о защите прав потребителей установлено, что продавец (исполнитель) обязан передать потребителю товар (выполнить работу, оказать услугу), качество которого соответствует договору. При отсутствии в договоре условий о качестве товара (работы, услуги) продавец (исполнитель) обязан передать потребителю товар (выполнить работу, оказать услугу), соответствующий обычно предъявляемым требованиям и пригодный для целей, для которых товар (работа, услуга) такого рода обычно используется.

Согласно п. 1 ст. 20 названного закона, если срок устранения недостатков товара не определен в письменной форме соглашением сторон, эти недостатки должны быть устранены изготовителем (продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) незамедлительно, то есть в минимальный срок, объективно необходимый для их устранения с учетом обычно применяемого способа. Срок устранения недостатков

товара, определяемый в письменной форме соглашением сторон, не может превышать сорок пять дней.

Пунктом 3 ст. 23¹ Закона о защите прав потребителей предусмотрено, что в случае нарушения установленного договором купли-продажи срока передачи предварительно оплаченного товара потребителю, продавец уплачивает ему за каждый день просрочки неустойку (пени) в размере 0,5 процента суммы предварительной оплаты товара. Неустойка (пени) взыскивается со дня, когда по договору купли-продажи передача товара потребителю должна была быть осуществлена, до дня передачи товара потребителю или до дня удовлетворения требования потребителя о возврате ему предварительно уплаченной им суммы. Сумма взысканной потребителем неустойки (пени) не может превышать сумму предварительной оплаты товара.

Данная норма устанавливает меру гражданско-правовой ответственности (неустойку) за неисполнение продавцом обязанности по передаче покупателю предварительно оплаченного товара.

Поскольку положения ст. 464 ГК РФ не предусматривают меру гражданско-правовой ответственности продавца перед потребителем, они не являются специальной нормой, регулирующей правоотношения покупателя и продавца в случае причинения последним убытков при ненадлежащем исполнении им обязанности по передаче покупателю относящихся к товару документов.

Таким образом, вывод суда апелляционной инстанции о невозможности применения к возникшим по данному спору правоотношениям положений п. 3 ст. 23¹ Закона о защите прав потребителей ввиду урегулирования их нормой специального закона признан Судебной коллегией неправильным.

Отсутствие ПТС является недостатком переданного Р. товара, препятствующим использованию товара по прямому назначению, что влечет право истца требовать устранения данного недостатка в соответствии с положениями названного закона, а в случае неустранения данного недостатка и невыполнения требований потребителя в порядке и сроки, предусмотренные законом, – корреспондирующую указанному праву обязанность ответчика нести установленную ст. 20, 23¹ Закона о защите прав потребителей ответственность.

Определение № 41-КГ16-44

7. Пятьдесят процентов определенной судом суммы штрафа за нарушение прав потребителя взыскиваются с ответчика в пользу потребителя и обратившегося в суд в его защиту общественного объединения потребителей.

Общественное объединение по защите прав потребителей, действуя в интересах К., обратилось в суд с иском к индивидуальному предпринимателю (далее – ИП), указав, что К. заключил с ответчиком договор розничной купли-продажи дверей на сумму 450 630 руб. и договор оказания услуг на доставку, сборку, монтаж дверей на сумму 44 655 руб. Расчет по договорам К. произвел в полном объеме. Полагая, что заказанный товар ответчиком поставлен не в полном объеме, а также имеют место недостатки по его качеству, истец направил в адрес ответчика претензию об устранении недостатков. Требование об устранении недостатков исполнено не было, ввиду чего истец просил возложить на ответчика обязанность устранить недостатки, взыскать неустойку в сумме 495 285 руб., компенсировать моральный вред в размере 50 000 руб., возместить судебные расходы на оплату услуг представителя в размере 20 000 руб., а также взыскать штраф.

Ответчик иск не признал, указывал, что проведен весь оплаченный объем работ по монтажу и установке дверей в доме К., за исключением установки трех комплектов наличника, одного доборного элемента в проем и декоративной планки с карнизом, все недостатки были устранены в течение срока, согласованного с К., однако последний уклонился от подписания акта выполненных работ без указания причин. ИП предъявил встречный иск к К. о возложении обязанности подписать двухсторонний акт выполненных работ к заключенному между ними договору на оказание услуг, а также возмещении расходов на оплату государственной пошлины в размере 300 руб.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, первоначальные исковые требования удовлетворены: на ИП возложена обязанность устранить недостатки выполненных работ, с него в пользу К. взыскана неустойка за нарушение сроков устранения недостатков 495 285 руб., компенсация морального вреда в размере 50 000 руб., судебные расходы в размере 20 000 руб., а также штраф в размере 247 642 руб. 5 коп.; в пользу организации взыскан штраф в сумме 123 821 руб. 25 коп.; в доход Российской Федерации взыскана государственная пошлина в размере 8852 руб. 85 коп. В удовлетворении встречных исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся судебные постановления в кассационном порядке и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав, в частности, следующее.

В п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей определено, что при удовлетворении судом требований потребителя, установленных законом, суд взыскивает с изготовителя (исполнителя, продавца, уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера) за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя штраф в размере 50 % от суммы, присужденной

судом в пользу потребителя. Если с заявлением в защиту прав потребителя выступают общественные объединения потребителей (их ассоциации, союзы) или органы местного самоуправления, 50 % суммы взысканного штрафа перечисляются указанным объединениям (их ассоциациям, союзам) или органам.

Данная норма не предусматривает возложение на ответчика дополнительной ответственности за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя в случае, когда с заявлением в защиту прав последнего выступают общественные объединения потребителей (их ассоциации, союзы) или органы местного самоуправления, а лишь регулирует распределение в таком случае подлежащей к взысканию суммы штрафа.

Между тем суд взыскал с ответчика в пользу потребителя штраф в размере 50% от присужденной к взысканию суммы и одновременно с этим дополнительно взыскал сумму, равную половине от присужденного потребителю штрафа, в пользу общественного объединения по защите прав потребителей, таким образом, судом в общей сложности взыскан штраф в размере 75% от суммы, присужденной ко взысканию, что противоречит требованиям действующего законодательства.

Определение № 18-КГ16-66

Разрешение споров, связанных с защитой нематериальных благ

8. Право на компенсацию морального вреда в связи с проведением в жилище обыска, признанного судом незаконным, возникает как у лиц, в отношении которых судебным решением было санкционировано его проведение, так и у иных лиц, проживающих в жилом помещении, подвергнутом обыску.

С. обратилась в суд с иском к Министерству финансов Российской Федерации, управлению Федерального казначейства по субъекту Российской Федерации о взыскании компенсации морального вреда, указав, что в ее жилище был произведен обыск, впоследствии признанный судом незаконным. Учитывая, что неправомерно произведенное следственное действие причинило ей нравственные страдания, а также нарушило ее права на неприкосновенность собственности, частной и семейной жизни, истец полагала, что она имеет право на получение соответствующего возмещения вреда за счет казны Российской Федерации.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда, в удовлетворении исковых требований С. отказано.

Отказывая в удовлетворении требований С., судебные инстанции исходили из того, что в отношении истца каких-либо незаконных следственных действий не проводилось. Кроме того, истцом не представлено доказательств наличия причинно-следственной связи между незаконным производством обыска и перенесенными нравственными страданиями, на которые она ссылалась при обращении в суд.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с вынесенными судебными постановлениями, указав следующее.

В соответствии со ст. 25 Конституции Российской Федерации жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения.

В развитие указанного конституционного положения ст. 3 ЖК РФ также закрепляет правило о том, что никто не вправе проникать в жилище без согласия проживающих в нем на законных основаниях граждан иначе как в предусмотренных названным кодексом целях и в предусмотренных другим федеральным законом случаях и в порядке или на основании судебного решения. Проникновение в жилище без согласия проживающих в нем на законных основаниях граждан допускается в случаях и в порядке, которые предусмотрены федеральным законом, только в целях спасения жизни граждан и (или) их имущества, обеспечения их личной безопасности или общественной безопасности при аварийных ситуациях, стихийных бедствиях, катастрофах, массовых беспорядках либо иных обстоятельствах чрезвычайного характера, а также в целях задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений, пресечения совершаемых преступлений или установления обстоятельств совершенного преступления либо произошедшего несчастного случая.

Согласно части первой ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» органы (должностные лица), осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, при проведении оперативно-розыскных мероприятий должны обеспечивать соблюдение прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции.

В соответствии с частью второй ст. 8 указанного федерального закона проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения и при наличии информации о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния или о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших

противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно, а также о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации.

На основании ст. 53 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом, а государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52 Конституции Российской Федерации).

Из содержания названных конституционных норм следует, что действия (или бездействие) органов государственной власти или их должностных лиц, причинившие вред любому лицу, влекут возникновение у государства обязанности этот вред возместить, а каждый пострадавший от незаконных действий органов государственной власти или их должностных лиц наделяется правом требовать от государства справедливого возмещения вреда.

В силу ст. 1069 ГК РФ вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. Вред возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования.

На основании п. 2 ст. 1070 ГК РФ вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконной деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, не повлекший последствий, предусмотренных п. 1 этой статьи, возмещается по основаниям и в порядке, которые предусмотрены ст. 1069 данного кодекса.

В соответствии со ст. 150 ГК РФ жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом (п. 1).

Нематериальные блага защищаются в соответствии с данным кодексом и другими законами в случаях и в порядке, ими предусмотренных, а также в тех случаях и пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (ст. 12) вытекает из

существа нарушенного нематериального блага или личного неимущественного права и характера последствий этого нарушения. В случаях, если того требуют интересы гражданина, принадлежащие ему нематериальные блага могут быть защищены, в частности, путем признания судом факта нарушения его личного неимущественного права, опубликования решения суда о допущенном нарушении, а также путем пресечения или запрещения действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения личного неимущественного права либо посягающих или создающих угрозу посягательства на нематериальное благо (п. 2).

Согласно п. 1 ст. 1099 ГК РФ основания и размер компенсации гражданину морального вреда определяются правилами, предусмотренными гл. 59 и ст. 151 данного кодекса.

Как указано в абзаце втором ст. 151 ГК РФ, при определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред.

В силу ст. 1101 ГК РФ компенсация морального вреда осуществляется в денежной форме (п. 1). Размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда.

Для применения такой меры ответственности, как компенсация морального вреда, юридически значимыми и подлежащими доказыванию являются обстоятельства, связанные с тем, что потерпевший перенес физические или нравственные страдания в связи с посягательством причинителя вреда на принадлежащие ему нематериальные блага, при этом на причинителе вреда лежит бремя доказывания правомерности его поведения, а также отсутствия его вины.

Судом установлены факт проведения органами следствия обыска в жилище истца, неправомерность указанных действий, а также то, что согласно показаниям свидетеля истец претерпела нравственные страдания.

Таким образом, суд фактически установил юридически значимые обстоятельства, необходимые для правильного разрешения возникшего спора, однако сделанные им выводы являются ошибочными.

Ссылаясь на то, что каких-либо незаконных следственных действий в отношении С. не проводилось, а также на отсутствие причинно-следственной связи между незаконным производством обыска в жилище супруга истицы – С.А. и нравственными страданиями истицы, суды не учли, что нравственные страдания С. испытывала по поводу нарушения незаконным обыском своих личных неимущественных прав – права на жилище и неприкосновенность частной жизни.

Вывод судов об отсутствии причинно-следственной связи между незаконным обыском в жилище С.А. и перенесенными истицей нравственными страданиями также является ошибочным, поскольку такой обыск проводился в отношении жилища, принадлежащего в том числе истцу.

Не была принята во внимание судами и правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, неоднократно указывавшего в своих решениях, что обыск в жилище относится к числу тех следственных действий, которые существенным образом ограничивают конституционные права лица, в том числе права на неприкосновенность жилища и тайну частной жизни. Поскольку обыск в жилище, как правило, в равной мере ограничивает права как лиц, в отношении которых судебным решением санкционируется его проведение, так и иных лиц, проживающих в жилом помещении, подвергнутом обыску, судебная защита прав и законных интересов, являющаяся гарантией реализации конституционного права на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органов государственной власти или их должностных лиц, должна быть обеспечена пострадавшим лицам обеих категорий. Иное нарушало бы закрепленные Конституцией Российской Федерации права на неприкосновенность жилища (ст. 25) и частной жизни (ст. 23), а также право на судебную защиту (ст. 46).

Определение № 47-КГ17-6

Разрешение споров, связанных с трудовыми отношениями

9. Выплата работнику выходного пособия или сохранение среднего заработка на период трудоустройства в случае прекращения деятельности его работодателя – индивидуального предпринимателя действующим законодательством не предусмотрены.

Такие гарантии могут быть определены условиями трудового договора, заключенного между работником и индивидуальным предпринимателем (работодателем).

Р. обратилась в суд с иском к Ф. о признании увольнения незаконным, взыскании выходного пособия, заработной платы, оплаты за дни временной нетрудоспособности, возложении на ответчика обязанности внести в трудовую книжку запись о прекращении трудового договора с указанием статьи, на основании которой с ней прекращены трудовые отношения, компенсации морального вреда.

Судом установлено, что Р. состояла в трудовых отношениях с индивидуальным предпринимателем Ф., работала в должности продавца в магазине.

С Р. был заключен трудовой договор от 1 января 2012 г., предусматривающий обязанность работодателя соблюдать законы и иные нормативные правовые акты, локальные нормативные акты, условия коллективного договора, соглашений и трудового договора; предоставлять работнику работу, обусловленную трудовым договором; обеспечивать безопасность труда и условия, отвечающие требованиям охраны и гигиены труда; обеспечивать работника оборудованием, инструментами, технической документацией и иными средствами, необходимыми для исполнения им трудовых обязанностей; выплачивать в полном размере причитающуюся работнику заработную плату в сроки, установленные Трудовым кодексом Российской Федерации, правилами внутреннего трудового распорядка организации, трудовым договором; осуществлять обязательное социальное страхование работника в порядке, установленном федеральными законами; исполнять иные обязанности, предусмотренные Трудовым кодексом Российской Федерации, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права.

31 августа 2015 г. Р. была уволена с работы в связи с прекращением деятельности Ф. в качестве индивидуального предпринимателя.

9 сентября 2015 г. Ф. снята с учета в налоговом органе в качестве индивидуального предпринимателя.

Разрешая спор и отказывая Р. в удовлетворении исковых требований о взыскании с ответчика выходного пособия и среднего заработка на период трудоустройства в связи с увольнением, суд первой инстанции руководствовался положениями ст. 20, 22, ч. 1 ст. 178, ч. 2 ст. 307 ТК РФ и исходил из того, что условиями трудового договора, заключенного между Р. как работником и индивидуальным предпринимателем Ф. как работодателем, таких гарантий при увольнении, как выплата выходного пособия и среднего заработка, сохраняемого на период трудоустройства, не предусмотрено. При этом суд указал, что регулирование труда работников, работающих у работодателей – физических лиц, к категории которых относится Ф., имеет установленные гл. 48 ТК РФ особенности, в том числе определение трудовым договором случаев и размеров выплачиваемых таким работникам выходного пособия и других компенсационных выплат при прекращении трудового договора. Трудовой кодекс Российской Федерации не предоставляет работникам данной категории гарантий в виде сохранения заработка на период трудоустройства, как это предусмотрено ч. 1 ст. 178 ТК РФ для лиц, работающих в организациях.

Отменяя решение суда первой инстанции в части отказа в удовлетворении требований Р. о взыскании выходного пособия и среднего заработка на период трудоустройства, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о нарушении ответчиком при увольнении истца требований ст. 318 ТК РФ и с учетом установленного судом первой

инстанции размера заработной платы истца в месяц, взыскал с Ф. в пользу Р. выходное пособие в размере среднего заработка за три месяца.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы суда апелляционной инстанции основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения.

Согласно ч. 1 ст. 20 ТК РФ сторонами трудовых отношений являются работник и работодатель.

Работником в силу ч. 2 ст. 20 ТК РФ является физическое лицо, вступившее в трудовые отношения с работодателем, работодателем – физическое либо юридическое лицо (организация), вступившее в трудовые отношения с работником. В случаях, предусмотренных федеральными законами, в качестве работодателя может выступать иной субъект, наделенный правом заключать трудовые договоры (ч. 4 ст. 20 ТК РФ).

По смыслу ч. 5 ст. 20 ТК РФ к работодателям – физическим лицам относятся в том числе физические лица, зарегистрированные в установленном порядке в качестве индивидуальных предпринимателей и осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица.

Трудовые отношения, как следует из положений ч. 1 ст. 16 ТК РФ, возникают между работником и работодателем на основании трудового договора, заключаемого в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации.

Трудовой договор может быть расторгнут работодателем в случаях ликвидации организации либо прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем; сокращения численности или штата работников организации, индивидуального предпринимателя (пп. 1, 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ).

Главой 27 ТК РФ установлены гарантии и компенсации работникам, связанные с расторжением трудового договора.

Так, ч. 1 ст. 178 ТК РФ определено, что при расторжении трудового договора в связи с ликвидацией организации (п. 1 части первой ст. 81 Кодекса) либо сокращением численности или штата работников организации (п. 2 части первой ст. 81 Кодекса) увольняемому работнику выплачивается выходное пособие в размере среднего месячного заработка, а также за ним сохраняется средний месячный заработок на период трудоустройства, но не свыше двух месяцев со дня увольнения.

Разделом XII Трудового кодекса Российской Федерации установлены особенности регулирования труда отдельных категорий работников, к числу которых отнесены работники, работающие у работодателей – физических лиц (гл. 48 ТК РФ) и лица, работающие в районах Крайнего Севера (гл. 50 ТК РФ).

Согласно ст. 318 ТК РФ работнику, увольняемому из организации, расположенной в районах Крайнего Севера и приравненных к ним

местностях, в связи с ликвидацией организации (п. 1 части первой ст. 81 названного кодекса) либо сокращением численности или штата работников организации (п. 2 части первой ст. 81 данного кодекса), выплачивается выходное пособие в размере среднего месячного заработка, за ним также сохраняется средний месячный заработок на период трудоустройства, но не свыше трех месяцев со дня увольнения (с зачетом выходного пособия).

В исключительных случаях средний месячный заработок сохраняется за указанным работником в течение четвертого, пятого и шестого месяцев со дня увольнения по решению органа службы занятости населения при условии, если в месячный срок после увольнения работник обратился в этот орган и не был им трудоустроен.

Выплата выходного пособия в размере среднего месячного заработка и сохраняемого среднего месячного заработка, предусмотренных чч. 1 и 2 данной статьи, производится работодателем по прежнему месту работы за счет средств этого работодателя.

Исходя из буквального толкования положений ч. 1 ст. 178 и ст. 318 ТК РФ сохранение работнику среднего месячного заработка на период трудоустройства и выплата ему выходного пособия в случае ликвидации организации, сокращения численности или штата ее работников предусмотрены только при увольнении работника из организации.

Регулирование труда работников, работающих у работодателей – физических лиц, имеет особенности, установленные гл. 48 ТК РФ.

По смыслу ч. 2 ст. 303 ТК РФ в письменный договор, заключаемый работником с работодателем – физическим лицом, в обязательном порядке включаются все условия, существенные для работника и работодателя.

Согласно ч. 2 ст. 307 ТК РФ сроки предупреждения об увольнении, а также случаи и размеры выплачиваемых при прекращении трудового договора выходного пособия и других компенсационных выплат определяются трудовым договором.

Из приведенных нормативных положений следует, что Трудовым кодексом Российской Федерации установлено различное правовое регулирование труда работников, состоящих в трудовых отношениях с работодателем – физическим лицом, в том числе индивидуальным предпринимателем, и работников, работающих у работодателей – организаций. При этом выплата работодателем работнику выходного пособия и сохранение за ним среднего заработка на период его трудоустройства в связи с увольнением по п. 1 или п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ гарантированы законом (Трудовым кодексом Российской Федерации) только в случае увольнения работника из организации. Работникам, работающим у физических лиц, включая индивидуальных предпринимателей, указанная гарантия Трудовым кодексом Российской Федерации не предусмотрена. Прекращение трудового договора для этой категории работников урегулировано специальной нормой – ст. 307 ТК РФ, содержащей отличное от установленного ч. 1 ст. 178 данного

кодекса правило о том, что случаи и размеры выплачиваемого при прекращении трудового договора выходного пособия и других компенсационных выплат работникам, работающим у работодателей – физических лиц, могут быть определены трудовым договором, заключаемым между работником и работодателем – физическим лицом, в том числе индивидуальным предпринимателем. Таким образом, работодатель – индивидуальный предприниматель, увольняющий работников в связи с прекращением предпринимательской деятельности, обязан выплатить работнику выходное пособие, иные компенсационные выплаты, в том числе средний заработок, сохраняемый на период трудоустройства, только если соответствующие гарантии специально предусмотрены трудовым договором с работником.

Как установлено судом и следует из материалов дела, условиями трудового договора, заключенного между Р. (работником) и индивидуальным предпринимателем Ф. (работодателем), такие гарантии в случае увольнения в связи с прекращением деятельности индивидуальным предпринимателем, как выплата выходного пособия или сохранение среднего заработка на период трудоустройства, не предусмотрены.

С учетом установленных обстоятельств суд первой инстанции правильно отказал Р. в удовлетворении исковых требований о взыскании с Ф. выходного пособия и среднего заработка, сохраняемого на период трудоустройства, в связи с прекращением деятельности индивидуальным предпринимателем, применив к спорным отношениям подлежащие применению в данном случае положения ст. 303, 307 гл. 48 ТК РФ, устанавливающие особенности регулирования труда работников, работающих у работодателей – физических лиц.

Отменяя в указанной части решение суда первой инстанции и возлагая на ответчика обязанность по выплате истцу выходного пособия, суд апелляционной инстанции неправильно истолковал положения ч. 1 ст. 178, ст. 318 ТК РФ и распространил их действие на правоотношения между работниками и работодателями – физическими лицами, которые ими не регулируются.

Таким образом, у суда апелляционной инстанции отсутствовали предусмотренные законом основания для отмены решения суда первой инстанции об отказе Р. в удовлетворении исковых требований о взыскании выходного пособия и среднего заработка, сохраняемого на период трудоустройства, и удовлетворения данных требований Р. с возложением на ответчика обязанности по выплате истцу указанных сумм на основании не подлежащих применению к спорным правоотношениям положений ст. 178, 318 ТК РФ.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение в части отмены решения суда об отказе Р. в удовлетворении исковых требований к Ф. о взыскании выходного пособия и принятия в

указанной части нового решения о взыскании с Ф. в пользу Р. выходного пособия, оставив в отмененной части в силе решение суда первой инстанции.

Определение № 74-КГ16-23

10. При разрешении споров работников с организациями-работодателями, не получающими бюджетного финансирования, по поводу индексации заработной платы подлежат применению положения локальных нормативных актов, устанавливающие системы оплаты труда, порядок индексации заработной платы работников в таких организациях.

Л. обратилась 14 декабря 2015 г. в суд с иском к Банку (работодатель) о взыскании задолженности по заработной плате, компенсации за несвоевременную выплату причитающихся работнику денежных сумм, компенсации морального вреда, расходов на нотариальное удостоверение доверенности представителя.

Судом по делу установлено, что 17 февраля 2014 г. между Банком и Л. был заключен трудовой договор, в соответствии с которым Л. принята на работу в Банк на должность главного юрисконсульта в судебно-претензионный отдел юридического управления.

4 марта 2014 г. президентом Банка издан приказ об индексации заработной платы. В п. 1 приказа было предусмотрено, что в случае достижения Банком экономических показателей деятельности по итогам работы Банка в 2014 году, указанных в приложении 1 к приказу, провести индексацию заработной платы сотрудникам Банка путем увеличения должностных окладов на 8% начиная с 1 января 2015 г. Исходя из п. 2 названного приказа в случае недостижения Банком показателей, указанных в п. 1 приказа, индексация заработной платы сотрудникам Банка не проводится.

17 сентября 2015 г. между сторонами по делу было заключено соглашение о расторжении трудового договора и в тот же день Л. была уволена с работы по п. 1 ч. 1 ст. 77 ТК РФ (по соглашению сторон).

Судом также установлено, что в связи с недостижением Банком экономических показателей деятельности по итогам работы в 2014 году индексация заработной платы работников Банка проведена не была, приказ президента Банка от 4 марта 2014 г. был отменен приказом от 20 января 2016 г., а приказом от 21 января 2016 г. был установлен иной механизм индексации заработной платы работников Банка за 2013–2015 годы и на 2016 год.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении требований, суд первой инстанции сослался на положения ст. 392 ТК РФ (в редакции, действующей до 3 октября 2016 г.) и пришел к выводу о пропуске Л.

установленного данной нормой трехмесячного срока для обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора, связанного с невыплатой сумм индексации заработной платы, о чем было заявлено в ходе судебного разбирательства ответчиком. Суд первой инстанции исходил из того, что Л., получая с февраля 2014 года ежемесячно заработную плату без индексации, не могла не знать с этого времени о нарушении ее трудовых прав, однако в суд с иском о взыскании задолженности по индексации заработной платы за период с февраля 2014 года по сентябрь 2015 года обратилась только 14 декабря 2015 г. Учитывая заявление ответчика о пропуске истцом срока на обращение в суд и принимая во внимание, что Л. не представлено доказательств уважительности причин пропуска установленного ст. 392 ТК РФ срока на обращение в суд с данными требованиями, суд первой инстанции принял решение об отказе Л. в удовлетворении иска.

Кроме того, суд первой инстанции в обоснование отказа Л. в иске указал на то, что непроведение Банком индексации заработной платы работников в связи с недостижением экономических показателей деятельности по итогам работы в 2014 году полностью соответствует приказу президента Банка от 4 марта 2014 г. и установленному работодателем механизму такой индексации.

Суд апелляционной инстанции не согласился с выводом суда первой инстанции о пропуске истцом срока на обращение в суд за разрешением индивидуального спора и отменил решение суда первой инстанции. Суд апелляционной инстанции полагал, что нарушение работодателем права Л. на своевременную индексацию заработной платы имело место вплоть до ее увольнения, в связи с чем установленный ст. 392 ТК РФ на тот момент трехмесячный срок на обращение в суд за разрешением индивидуального трудового спора следует исчислять с даты увольнения истца – 17 сентября 2015 г. Поскольку исковое заявление в суд подано Л. 14 декабря 2015 г., то, по мнению суда апелляционной инстанции, предусмотренный законом срок на обращение в суд истцом не пропущен.

Удовлетворяя требования Л. о возложении на Банк обязанности произвести индексацию заработной платы истца согласно индексу потребительских цен за период работы с 17 февраля 2014 г. по 17 сентября 2015 г. и о взыскании с ответчика в пользу Л. задолженности по заработной плате, суд апелляционной инстанции со ссылкой на нормы ст. 134 ТК РФ, Положения об оплате труда работников банка, утвержденного правлением Банка 23 января 2014 г. (далее – Положение об оплате труда работников банка), исходил из того, что проведение индексации заработной платы является не правом, а обязанностью любого работодателя независимо от его организационно-правовой формы. Однако Банк в период с 17 февраля 2014 г. по 17 сентября 2015 г., вопреки требованиям ст. 134 ТК РФ, не осуществлял индексацию заработной платы Л. в связи с ростом потребительских цен на товары и услуги. С учетом

того, что конкретные сроки проведения индексации в Положении об оплате труда работников банка не установлены, работодатель был обязан произвести выплату Л. причитающихся ей сумм индексации заработной платы в день ее увольнения.

Суд апелляционной инстанции признал вывод суда первой инстанции о том, что заработная плата не была проиндексирована Л. в связи с недостижением Банком финансово-экономических показателей, противоречащим Положению об оплате труда работников банка, не содержащему норм о том, что проведение индексации заработной платы зависит от достижения Банком каких-либо результатов. Ссылка суда первой инстанции на недостижение Банком финансово-экономических показателей, по мнению суда апелляционной инстанции, не может являться основанием для отказа в удовлетворении иска Л., так как отсутствие достаточных денежных средств не освобождает работодателя от соблюдения трудовых прав работников.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы суда апелляционной инстанции не соответствующими требованиям закона.

В соответствии со ст. 392 ТК РФ (в редакции, действовавшей до 3 октября 2016 г.) работник имеет право обратиться в суд за разрешением индивидуального трудового спора в течение трех месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права, а по спорам об увольнении – в течение одного месяца со дня вручения ему копии приказа об увольнении или со дня выдачи трудовой книжки (ч. 1). Работодатель имеет право обратиться в суд по спорам о возмещении работником ущерба, причиненного работодателю, в течение одного года со дня обнаружения причиненного ущерба (ч. 2). При пропуске по уважительным причинам сроков, установленных частями первой и второй данной статьи, они могут быть восстановлены судом (ч. 3).

Из приведенных положений ст. 392 ТК РФ, действовавших в период работы Л. в Банке и на момент ее увольнения 17 сентября 2015 г., следует, что срок на обращение работника в суд за разрешением индивидуального трудового спора, в том числе касающегося невыплаты или неполной выплаты заработной платы, составлял три месяца. Течение этого срока начинается со дня, когда работник узнал или должен был узнать о том, что его право нарушено.

Следовательно, при рассмотрении заявления ответчика о пропуске Л. предусмотренного законом трехмесячного срока для обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора, связанного с невыплатой сумм индексации заработной платы, подлежало установлению такое юридически значимое обстоятельство, как определение даты, с которой истец узнала или должна была узнать о том, что ее право на индексацию заработной платы нарушено.

Суд апелляционной инстанции сделал вывод о том, что истцом не пропущен срок на обращение в суд за разрешением индивидуального трудового спора, так как нарушение работодателем права Л. на своевременную индексацию заработной платы имело место вплоть до ее увольнения, соответственно, работодатель был обязан произвести выплату Л. причитающихся ей сумм индексации заработной платы в день ее увольнения, и именно с даты увольнения истца (17 сентября 2015 г.) следует исчислять трехмесячный срок на обращение ее в суд с требованием о взыскании задолженности по заработной плате.

В п. 56 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» содержатся разъяснения о том, что при рассмотрении дела по иску работника, трудовые отношения с которым не прекращены, о взыскании начисленной, но не выплаченной заработной платы надлежит учитывать, что заявление работодателя о пропуске работником срока на обращение в суд само по себе не может служить основанием для отказа в удовлетворении требования, поскольку в указанном случае срок на обращение в суд не пропущен, так как нарушение носит длящийся характер и обязанность работодателя по своевременной и в полном объеме выплате работнику заработной платы, а тем более задержанных сумм, сохраняется в течение всего периода действия трудового договора.

Суд апелляционной инстанции не принял во внимание данные разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, согласно которым для признания длящимся нарушения работодателем трудовых прав работника при рассмотрении дела по иску работника о взыскании невыплаченной заработной платы необходимо наличие определенного условия: заработная плата работнику должна быть начислена, но не выплачена.

Суд апелляционной инстанции не учел, что с 1 января 2015 г., то есть в срок, установленный приказом президента Банка от 4 марта 2014 г., индексация заработной платы работников Банка проведена не была и, как следствие, начисление заработной платы с учетом индексации работникам Банка, в том числе и Л., не производилось.

Кроме того, делая вывод об обязанности работодателя произвести выплату Л. причитающихся ей сумм индексации заработной платы в день ее увольнения, суд апелляционной инстанции исходил из данного им толкования положений ст. 134 ТК РФ, полагая, что этой нормой установлена безусловная обязанность любого работодателя независимо от его организационно-правовой формы проводить индексацию заработной платы своих работников.

Между тем согласно ст. 134 ТК РФ обеспечение повышения уровня реального содержания заработной платы включает индексацию заработной платы в связи с ростом потребительских цен на товары и услуги.

Государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения производят индексацию заработной платы в порядке, установленном трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, другие работодатели – в порядке, установленном коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами.

По смыслу нормативных положений приведенной статьи Трудового кодекса Российской Федерации порядок индексации заработной платы работников в связи с ростом потребительских цен на товары и услуги работодателями, которые не получают бюджетного финансирования, устанавливается коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами. Такое правовое регулирование направлено на учет особенностей правового положения работодателей, не относящихся к бюджетной сфере, обеспечивает им (в отличие от работодателей, финансируемых из соответствующих бюджетов) возможность учитывать всю совокупность обстоятельств, значимых как для работников, так и для работодателя. Трудовой кодекс Российской Федерации не предусматривает никаких требований к механизму индексации, поэтому работодатели, которые не получают бюджетного финансирования, вправе избрать любые порядок и условия ее осуществления (в том числе ее периодичность, порядок определения величины индексации, перечень выплат, подлежащих индексации) в зависимости от конкретных обстоятельств, специфики своей деятельности и уровня платежеспособности.

Исходя из буквального толкования положений ст. 134 ТК РФ индексация – это не единственный способ обеспечения повышения уровня реального содержания заработной платы. Обязанность повышать реальное содержание заработной платы работников может быть исполнена работодателем и путем ее периодического увеличения безотносительно к порядку индексации, в частности, повышением должностных окладов, выплатой премий и т.п.

В силу чч. 1 и 2 ст. 135 ТК РФ заработная плата работнику устанавливается трудовым договором в соответствии с действующими у данного работодателя системами оплаты труда. Системы оплаты труда, включая размеры тарифных ставок, окладов (должностных окладов), доплат и надбавок компенсационного характера, в том числе за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных, системы доплат и надбавок стимулирующего характера и системы премирования, устанавливаются коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права.

Ввиду изложенного при разрешении споров работников с работодателями, не получающими бюджетного финансирования, по

поводу индексации заработной платы, в том числе и при рассмотрении судом заявления ответчика (работодателя) о пропуске истцом (работником) срока на обращение в суд с данными требованиями подлежат применению положения локальных нормативных актов, устанавливающие системы оплаты труда, порядок индексации заработной платы работников в организациях, не получающих бюджетного финансирования.

Согласно имеющемуся в материалах дела Положению об оплате труда работников банка заработная плата и иные причитающиеся работнику денежные средства выплачиваются в денежной форме с учетом фактически отработанного времени два раза в месяц. Работодатель в письменной форме (электронная рассылка по внутрибанковской почте) извещает каждого работника о составных частях заработной платы, причитающейся ему за соответствующий период, размерах и основаниях произведенных удержаний, а также об общей денежной сумме, подлежащей выплате. Индексация заработной платы производится всем работникам ежегодно в пределах утвержденного Советом директоров бюджета на соответствующий финансовый год. Индексация может проводиться в несколько этапов. Размер индексации определяется президентом Банка. Основанием для проведения индексации является издание соответствующего приказа по основной деятельности, утвержденного президентом Банка. Данный приказ доводится до сведения всех работников Банка путем рассылки по внутрибанковской электронной почте (раздел 2 Положения об оплате труда работников банка).

Данным локальным нормативным актом Банка установлен механизм индексации заработной платы работников Банка, в том числе определена ее периодичность (ежегодно), основание проведения (издание соответствующего приказа по основной деятельности), размер индексации (определяется президентом Банка), способ ознакомления всех работников Банка с приказом о проведении индексации (путем рассылки по внутрибанковской электронной почте).

Суд апелляционной инстанции, в нарушение ст. 134 ТК РФ, не применил при рассмотрении дела положения локального нормативного акта и изданного в соответствии с ним приказа президента Банка от 4 марта 2014 г., установившего срок проведения очередной индексации заработной платы работников Банка (начиная с 1 января 2015 г.), величину индексации (путем увеличения должностных окладов на 8%) и условия ее осуществления (в случае достижения банком экономических показателей по итогам работы в 2014 году).

Вследствие этого судом апелляционной инстанции не установлены имеющие значение для правильного разрешения спора обстоятельства, в том числе касающиеся момента, когда Л., исходя из действовавшего в Банке в период ее работы механизма индексации заработной платы работников Банка и с учетом занимаемой ею должности главного

юрисконсульта судебного-претензионного отдела юридического управления, должна была узнать о нарушении своего права.

Не были предметом исследования суда апелляционной инстанции и не получили правовой оценки при принятии решения об удовлетворении исковых требований Л. доводы представителя Банка, которые приводились им в ходе судебного разбирательства в судах первой и апелляционной инстанций, о том, что Банк фактически обеспечивал повышение уровня реального содержания заработной платы своих работников, в том числе и истца, а также о том, что индексация заработной платы работников Банка по итогам деятельности за 2014 год не проводилась в связи с недостижением Банком экономических показателей деятельности, что соответствовало механизму индексации, установленному работодателем в локальном нормативном акте с соблюдением положений трудового законодательства. Эти доводы, содержащиеся в кассационной жалобе Банка, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала обоснованными и подлежащими проверке судом апелляционной инстанции при новом рассмотрении дела.

Определение № 18-КГ17-10

Процессуальные вопросы

11. Частичный отказ в иске является основанием для удовлетворения в разумных пределах требований ответчика о взыскании расходов на оплату услуг представителя.

Я. обратилась с заявлением о взыскании судебных расходов на оплату услуг представителя, понесенных в связи с ведением дела в суде. В обоснование требований указала, что решением суда от 1 июня 2015 г. иск ресурсоснабжающей организации к ней о взыскании задолженности за услуги по водоснабжению и водоотведению удовлетворен частично. Поскольку при разрешении дела Я. пользовалась услугами представителя, полагает, что она имеет право на возмещение понесенных ею расходов пропорционально той части исковых требований, в которой истцу было отказано. Просила взыскать с ответчика 13 050 руб.

Разрешая вопрос о присуждении судебных расходов на оплату услуг представителя, понесенных Я. при рассмотрении дела, суд первой инстанции исходил из того, что исковые требования ресурсоснабжающей организации к Я. удовлетворены частично, в связи с этим, по мнению суда, требования ответчика о взыскании судебных расходов являются законными и обоснованными, а расходы должны быть взысканы с истца в пользу ответчика. С учетом требований разумности (сложности дела, объема и характера защищаемого права, продолжительности рассмотрения

дела, количества судебных заседаний), суд определил размер суммы, подлежащей взысканию – 7500 рублей.

Отменяя определение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении требований Я. о возмещении расходов на оплату услуг представителя, суд апелляционной инстанции указал, что ответчик не имела права на возмещение судебных расходов, поскольку решение суда состоялось в пользу истца.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что вывод суда апелляционной инстанции сделан с нарушением норм процессуального законодательства.

Судебные расходы состоят из государственной пошлины и издержек, связанных с рассмотрением дела (ч. 1 ст. 88 ГПК РФ).

К издержкам, связанным с рассмотрением дела, помимо прочего относятся расходы на оплату услуг представителей (абзац пятый ст. 94 названного кодекса).

В силу ч. 1 ст. 98 ГПК РФ стороне, в пользу которой состоялось решение суда, суд присуждает возместить с другой стороны все понесенные по делу судебные расходы, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 96 данного кодекса. В случае, если иск удовлетворен частично, указанные в этой статье судебные расходы присуждаются истцу пропорционально размеру удовлетворенных судом исковых требований, а ответчику пропорционально той части исковых требований, в которой истцу отказано.

Из содержания указанных норм следует, что критерием присуждения судебных расходов является вывод суда о правомерности или неправомерности заявленного требования.

Вывод суда о правомерности или неправомерности заявленного в суд требования непосредственно связан с выводом суда, содержащимся в резолютивной части его решения (ч. 5 ст. 198 ГПК РФ), о том, подлежит ли заявление удовлетворению, поскольку только удовлетворение судом требования подтверждает правомерность принудительной реализации его через суд и приводит к необходимости возмещения судебных расходов.

Если иск удовлетворен частично, то это одновременно означает, что в части удовлетворенных требований суд подтверждает правомерность заявленных требований, а в части требований, в удовлетворении которых отказано, суд подтверждает правомерность позиции ответчика.

В силу ч. 1 ст. 100 ГПК РФ стороне, в пользу которой состоялось решение суда, по ее письменному ходатайству суд присуждает с другой стороны расходы на оплату услуг представителя в разумных пределах.

Данная правовая позиция, согласно которой при неполном (частичном) удовлетворении требований расходы на оплату услуг представителя присуждаются каждой из сторон в разумных пределах и распределяются в соответствии с правилом о пропорциональном распределении судебных расходов (ст. 98 и 100 ГПК РФ, ст. 111 и 112

КАС РФ, ст. 110 АПК РФ), изложена в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела».

Таким образом, частичный отказ в иске ресурсоснабжающей организации являлся основанием для удовлетворения в разумных пределах требований ответчика Я. о взыскании расходов на оплату услуг представителя.

Это судом апелляционной инстанции учтено не было и повлекло за собой вынесение неправомерного судебного постановления.

Определение № 19-КГ17-7

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о банкротстве

12. Исполнение третьим лицом обязательства должника на основании ст. 313 ГК РФ до введения первой процедуры банкротства не может быть признано злоупотреблением правом при отсутствии доказательств того, что поведение третьего лица причинило вред лицам, участвующим в деле о банкротстве.

Определением арбитражного суда принято к производству заявление компании о признании должника банкротом и назначено судебное заседание по проверке его обоснованности.

В целях погашения задолженности должника перед компанией банк на основании ст. 313 и 327 ГК РФ внес полную сумму задолженности на депозит нотариуса.

Полагая, что спорная задолженность в силу п. 5 ст. 313 ГК РФ перешла к нему, банк обратился в арбитражный суд с ходатайством о процессуальном правопреемстве.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении ходатайства отказано. Суды признали переход требования компании к банку несостоявшимся, указав на то, что банк совершил действия по погашению задолженности перед компанией исключительно с целью изменения очередности рассмотрения поданных в суд заявлений о банкротстве должника и введения «контролируемой» процедуры через утверждение собственного конкурсного управляющего.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила вопрос о процессуальном правопреемстве на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

По смыслу Закона о банкротстве законный материальный интерес любого кредитора должника, прежде всего, состоит в наиболее полном итоговом погашении заявленных им требований. Все предоставленные кредиторам права, а также инструменты влияния на ход процедуры несостоятельности направлены на достижение названной цели.

Одним из таких инструментов является полномочие первого заявителя по делу о банкротстве (чье требование признано обоснованным) на предложение кандидатуры арбитражного управляющего либо саморегулируемой организации, из числа которой подлежит назначению арбитражный управляющий для проведения первой введенной судом процедуры (п. 9 ст. 42 Закона о банкротстве). При этом интерес в осуществлении данного полномочия в любом случае должен быть обусловлен наличием конечного интереса в получении удовлетворения по включенному в реестр требованию.

Банк удовлетворил заявление компании в полном объеме, в том числе в части финансовых санкций, в силу чего у компании отсутствуют разумные мотивы отказываться от принятия исполнения и в дальнейшем участвовать в деле. Несмотря на то, что само по себе исполнение обязательства должника перед заявителем-кредитором для банка невыгодно, в конечном счете названные действия обусловлены стратегией поведения в деле, подразумевающей наличие возможности определять хозяйственные решения банкрота кредитором со значительным объемом требований, размер которых в данной ситуации несопоставим с размером требований, выкупленных у компании как первого заявителя по делу.

Квалификация судами действий банка в качестве злоупотребления правом исключительно по тому основанию, что он выкупил требование к должнику с намерением предложить свою кандидатуру арбитражного управляющего, является ошибочной, поскольку при таком подходе смысл участия первого заявителя в деле о банкротстве сводится только к возможности предложить свою кандидатуру арбитражного управляющего, а не к получению удовлетворения по заявленным требованиям, что не соответствует целям законодательного регулирования.

Определение № 304-ЭС17-1258

13. Не подлежит удовлетворению заявление аффилированного с должником лица о включении мнимого требования в реестр требований кредиторов, поданное исключительно с противоправной целью уменьшения в интересах должника количества голосов, приходящихся на долю независимых кредиторов.

В рамках дела о банкротстве физического лица (далее также – должник) общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов его требования по выплате

задолженности по арендной плате за пользование нежилыми помещениями в период с 2008 по 2010 гг. Наличие долга физическое лицо признавало ежегодно, подписывая двусторонние акты сверок.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление удовлетворено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Другой конкурсный кредитор должника приводил доводы, свидетельствующие о том, что все участники спорных арендных отношений – должник, собственники помещений и все цессионарии (в том числе общество) – принадлежат к одной группе компаний, контролируемой супругом должника как конечным бенефициаром. В рассматриваемом случае наличие внутригрупповых отношений и, как следствие, общности хозяйственных интересов имеет существенное значение для правильного разрешения спора, поскольку установление подобного факта позволяет дать надлежащую оценку добросовестности действий как кредитора, заявившего о включении своих требований в реестр, так и должника, обязанность которого при нормальном функционировании гражданского оборота состояла в своевременном внесении арендных платежей.

Вместе с тем обстоятельства, которые могли бы подтвердить либо опровергнуть доводы об аффилированности сторон спора, судами не исследовались, соответствующие доводы какой-либо правовой оценки не получили.

По смыслу п. 1 ст. 19 Закона о банкротстве к заинтересованным лицам должника относятся лица, которые входят с ним в одну группу лиц либо являются по отношению к нему аффилированными. Таким образом, критерии выявления заинтересованности в делах о несостоятельности через включение в текст закона соответствующей отсылки сходны с соответствующими критериями, установленными антимонопольным законодательством.

При представлении доказательств аффилированности должника с участником процесса (например, с лицом, заявившем о включении требований в реестр, либо с ответчиком по требованию о признании сделки недействительной) судом на такое лицо может быть возложена обязанность раскрыть разумные экономические мотивы совершения сделки либо мотивы поведения в процессе исполнения уже заключенного соглашения.

Именно на нестандартный характер сделки, на которой основано требование общества, ссылаясь конкурсный кредитор в своих возражениях против включения спорной задолженности в реестр: у должника – физического лица отсутствовали собственные экономические нужды по

аренде коммерческих помещений общей площадью более 10 000 кв.м, впоследствии названные помещения передавались должником в субаренду иным участникам группы компаний. Поведение арендодателей, а затем и цессионариев, на протяжении более чем пяти лет до банкротства не обращавшихся с требованием о взыскании долга по арендной плате (тем самым предоставлявших отсрочку исполнения обязательства на неопределенный срок), также не может быть объяснено с точки зрения такой цели коммерческого юридического лица как извлечение прибыли от своей деятельности.

Конкурсный кредитор отмечал, что внутри группы компаний имеется несколько требований, связанных с арендой одного и того же имущества в аналогичный период. Такой довод требовал от суда проверки реальности отношений по пользованию имуществом между аффилированными лицами, то есть того, прикрывала ли цепочка арендных соглашений один договор аренды между собственником помещений и конечным независимым арендатором.

Кроме того, выбор подобной структуры внутригрупповых юридических связей позволяет создать подконтрольную фиктивную кредиторскую задолженность для последующего уменьшения процента требований независимых кредиторов при банкротстве каждого из арендаторов (субарендаторов). Подобные факты могут свидетельствовать о подаче обществом заявления о включении требований в реестр исключительно с противоправной целью уменьшения в интересах должника и его аффилированных лиц количества голосов, приходящихся на долю независимых кредиторов (ст. 10 ГК РФ). При этом наличие в действиях сторон злоупотребления правом уже само по себе достаточно для отказа во включении требований заявителя в реестр (абзац четвертый п. 4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

Определение № 306-ЭС16-20056 (6)

14. Участником собрания кредиторов с правом голоса является конкурсный кредитор, требование которого включено в реестр требований кредиторов на дату проведения собрания кредиторов, даже если на этот момент кредитор уступил свое право требования к должнику третьему лицу и третье лицо не было включено в реестр требований кредиторов определением суда, либо приобретатель требования по доверенности.

На собрании кредиторов должника большинством голосов, в том числе 50,9% – общества, 0,03% – компания, 0,67% – физическое лицо, приняты решения о выборе кандидатуры арбитражного управляющего,

прекращении полномочий комитета кредиторов должника, определении кандидатуры представителя собрания кредиторов должника, утверждении Положения о порядке, сроках и условиях продажи имущества должника.

Физическое лицо обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными решений указанного собрания, ссылаясь на то, что общество и компания утратили право голоса ввиду состоявшейся ранее уступки их требований к должнику в пользу фирмы.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявление удовлетворено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении заявления физического лица по следующим основаниям.

Исходя из положений п. 1 ст. 12 Закона о банкротстве и разъяснений, содержащихся в п. 6 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», участниками собрания кредиторов с правом голоса являются конкурсные кредиторы, требования которых включены в реестр требований кредиторов на дату проведения собрания кредиторов. Поскольку определение о включении требований кредиторов в реестр требований кредиторов подлежит немедленному исполнению, право на участие в собрании кредиторов с правом голоса возникает у кредитора с момента вынесения определения о включении его требований в реестр.

В рассматриваемом случае на дату проведения спорного собрания требования общества и компании включены в реестр требований кредиторов должника на основании судебных актов арбитражного суда. На момент проведения собрания кредиторов названные лица обладали статусом конкурсных кредиторов и, как следствие, правом на участие в собрании с правом голоса.

Выводы судов об обратном со ссылкой на состоявшуюся до проведения собрания уступку требований ошибочны.

Пункт 6 ст. 16 Закона о банкротстве устанавливает специальное правило по отношению к п. 1 ст. 382 и п. 1 ст. 425 ГК РФ, согласно которому требования кредиторов включаются в реестр требований кредиторов и исключаются из него арбитражным управляющим или реестродержателем только на основании вступивших в силу судебных актов, устанавливающих их состав и размер.

На момент проведения спорного собрания процессуальная замена первоначальных кредиторов (общества и компании) на нового кредитора не произведена. Сама по себе замена в материальном правоотношении не наделила нового кредитора правом на участие в собрании и не ограничила право прежних до момента вынесения арбитражным судом судебного акта

об их замене в реестре требований кредиторов должника правопреемником по ранее включенным требованиям.

Исходя из принципа добросовестности (ст. 1 ГК РФ) до проведения процессуальной замены лица, включенное в реестр требований кредиторов, обязано выдать приобретателю требования доверенность на голосование или голосовать на общем собрании в соответствии с указаниями приобретателя (п. 1 ст. 6 ГК РФ, п. 2 ст. 57 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»). В рассматриваемом случае разногласия по голосованию между прежними и новым кредиторами отсутствовали.

Определение № 308-ЭС14-7166(4)

15. Арбитражный управляющий обязан возместить убытки, причиненные тем, что он, зная о реализации имущества должника в конкурсном производстве, формирующей налоговую базу, не предпринял мер, направленных на корректировку налогового периода, и не исчислил сумму налога на добавленную стоимость, подлежащую уплате в бюджет.

В ходе процедуры конкурсного производства конкурсным управляющим реализовано имущество должника, в том числе являющееся предметом залога. Вырученные от продажи имущества денежные средства направлены управляющим на погашение реестровых требований залогового кредитора, подлежащих удовлетворению в третью очередь, а оставшаяся часть – на погашение текущих платежей.

Уполномоченный орган обратился в арбитражный суд с иском к конкурсному управляющему о возмещении убытков, причиненных при проведении процедуры банкротства. В обоснование иска уполномоченный орган сослался на то, что при перечислении реестровому и залоговому кредитору денежных средств управляющий необоснованно не уплатил в бюджет текущий налог на добавленную стоимость (далее – НДС).

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении искового требования отказано. Суды исходили из того, что у конкурсного управляющего отсутствовала обязанность по исчислению и уплате НДС, поскольку согласно п. 4.1 ст. 161 НК РФ (в редакции, действовавшей в спорный период) при реализации имущества должника, признанного в соответствии с законодательством Российской Федерации банкротом, налоговыми агентами по НДС выступали покупатели имущества.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В спорный период отсутствовала правовая неопределенность по вопросу об уплате НДС при реализации имущества должника в процедуре конкурсного производства.

Так, в соответствии с правовой позицией, изложенной в п. 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 января 2013 г. № 11 «Об уплате налога на добавленную стоимость при реализации имущества должника, признанного банкротом», НДС в отношении операций по реализации имущества (в том числе предмета залога) должника, признанного банкротом, подлежал исчислению должником как налогоплательщиком по итогам налогового периода и уплачивался им в сроки, установленные п. 1 ст. 174 НК РФ, с учетом того, что требование об уплате названного налога относится к четвертой очереди текущих требований.

Конкурсный управляющий, осуществляя на постоянной основе профессиональную деятельность в качестве арбитражного управляющего, должен был знать об этой правовой позиции.

Выводы судов о том, что на покупателей имущества должника как на налоговых агентов были возложены обязанности по исчислению, удержанию у должника - налогоплательщика и перечислению НДС в бюджет, не соответствуют разъяснениям, данным Пленумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.

Более того, в рамках настоящего спора участвующие в деле лица не оспаривали то обстоятельство, что должник при реализации имущества предъявил к уплате покупателям соответствующую сумму НДС дополнительно к цене сделки, а покупатели перечислили должнику как цену сделки, так и сумму НДС.

По смыслу пп. 3, 4 ст. 55 НК РФ при ликвидации организации до истечения налогового периода руководитель ликвидационной комиссии (для случаев добровольной ликвидации) или конкурсный управляющий (для случаев ликвидации через процедуру конкурсного производства) обязан произвести корректировку налоговых периодов в соответствии с требованиями указанной нормы, определить налогооблагаемую базу и принять меры к погашению фискальных обязательств, возникших в период ликвидации, в том числе по последним укороченным налоговым периодам, длящимся до момента завершения ликвидации.

Окончание ликвидационной процедуры без совершения указанных действий является неправомерным обходом закона - необоснованным односторонним прекращением налогоплательщиком обязательств перед бюджетом при наличии налогооблагаемой базы со ссылкой лишь на формальную подачу им заявления (ходатайства) о завершении процедуры ликвидации до истечения налогового периода (календарного года, месяца, квартала).

Конкурсный управляющий знал о фактической реализации имущества должника в конкурсном производстве, формирующей

налоговую базу (ст. 154 НК РФ) и, как следствие, свидетельствующей о наличии текущих налоговых обязательств. Однако он не предпринял мер, направленных на корректировку налогового периода исходя из особенностей, предусмотренных налоговым законодательством на случай ликвидации, не исчислил по правилам ст. 173 НК РФ сумму, подлежащую уплате в бюджет по итогам последнего налогового периода, который начал течь с начала квартала и истек в день завершения ликвидационных мероприятий. Арбитражный управляющий, не представив в налоговый орган по месту учета налогоплательщика соответствующую налоговую декларацию, распределил конкурсную массу без учета текущих обязательств перед бюджетом и ходатайствовал о завершении процедуры конкурсного производства.

Определение № 305-ЭС17-1599

16. Конкурсный управляющий вправе исчислить свое вознаграждение в соответствии с правилами п. 7 Положения о порядке и условиях финансирования процедур банкротства отсутствующих должников, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 21 октября 2004 г. № 573, в том числе в случаях, когда дебиторская задолженность не была им реализована с торгов, а взыскана в интересах конкурсной массы с должника.

В рамках процедуры банкротства должника, осуществлявшейся по правилам о банкротстве отсутствующего должника (§ 2 гл. XI Закона о банкротстве), конкурсный управляющий обнаружил имущество должника – денежные средства на расчетном счете, а также дебиторскую задолженность, впоследствии погашенную в полном объеме.

Полагая, что названные денежные средства формируют базу для выплаты вознаграждения в соответствии с п. 7 Положения о порядке и условиях финансирования процедур банкротства отсутствующих должников, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 21 октября 2004 г. № 573 (далее – положение № 573), конкурсный управляющий перечислил себе денежную сумму в качестве вознаграждения за проведение процедуры банкротства.

Считая указанные действия незаконными, уполномоченный орган обратился в арбитражный суд с жалобой на действия конкурсного управляющего, требуя обязать последнего также возместить убытки.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, требование удовлетворено. Суды исходили из того, что согласно буквальному толкованию п. 7 положения № 573 выплата конкурсному управляющему отсутствующим должником вознаграждения в размере 10% от стоимости имущества должника допускается только в случае реализации данного имущества.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении заявленных требований по следующим основаниям.

В ряде случаев интересы кредиторов и должника предполагают необходимость отказа от реализации имущества.

Общие положения Закона о банкротстве о продаже имущества на торгах должны применяться с учетом особенностей такого объекта прав как имущественное требование и цели процедуры конкурсного производства, заключающейся в максимальном наполнении конкурсной массы и соразмерном удовлетворении за ее счет требований кредиторов.

Действуя разумно и добросовестно в интересах должника и кредиторов, конкурсный управляющий должен определить стратегию наиболее эффективного обмена на денежный эквивалент поступившего в конкурсную массу требования к контрагентам должника, решив вопрос о целесообразности реализации этого требования на торгах либо прямого истребования дебиторской задолженности (оценив ликвидность требования, размер его дисконтирования при реализации, расходы на подготовку торгов и их проведение, вероятность получения долга напрямую от контрагента, временные и финансовые затраты на такое получение и т.п.)

В рассматриваемом случае конкурсный управляющий в результате подробного анализа движения денежных средств на расчетном счете должника и систематизации его контрагентов за 2012–2014 годы (по существу не располагая первичными документами) выявил дебиторскую задолженность завода, после чего приступил к осуществлению претензионной работы, итогом которой стало добровольное погашение контрагентом своего долга перед должником.

Такое поведение конкурсного управляющего является добросовестным и разумным, у него отсутствовала обязанность выставить спорную дебиторскую задолженность на торги.

Вместе с тем соблюдение интересов конкурсной массы, выразившееся в отказе от реализации имущества с целью получения наибольшего имущественного эффекта, не должно приводить к лишению конкурсного управляющего права на получение процентов по вознаграждению. Обратный подход к толкованию п. 7 положения № 573 мог бы спровоцировать злоупотребления со стороны конкурсных управляющих отсутствующими должниками, стимулируя их к реализации дебиторской задолженности в условиях, когда такая продажа для должника экономически нецелесообразна.

Определение № 301-ЭС17-834

17. В случае превышения конкурсным управляющим разумного периода реализации заложенного имущества образовавшаяся в этот

период сумма необоснованно понесенных эксплуатационных платежей, в том числе напрямую не связанных с обеспечением сохранности имущества должника, также подлежит вычету из пяти процентов, направляемых на погашение текущих расходов. Проценты по вознаграждению конкурсного управляющего выплачиваются из оставшейся суммы.

В рамках дела о банкротстве должника конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением об утверждении суммы процентов по вознаграждению конкурсного управляющего.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленные требования удовлетворены частично, сумма вознаграждения исчислена без учета сумм удовлетворения требований залоговых кредиторов в результате оставления имущества за собой.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Для правильного исчисления размера процентов по вознаграждению конкурсного управляющего при реализации предмета залога необходимо установить, в какой пропорции размер вырученных от реализационных процедур по каждому предмету залога средств погашает требование каждого отдельного залогового кредитора. В зависимости от этой пропорции определяется процентная ставка в соответствии с п. 13 ст. 20^б Закона о банкротстве, которая умножается на размер удовлетворенных требований залогового кредитора от реализации предмета залога.

При этом в случае реализации имущества по правилам п. 4.1 ст. 138 Закона о банкротстве, то есть путем оставления такого имущества за собой, под выручкой понимается цена, по которой залоговый кредитор принимает имущество, что ошибочно не было учтено судами при рассмотрении настоящего обособленного спора.

Исходя из указанной суммы, за вычетом пяти процентов текущих платежей и пятнадцати процентов платежей, погашающих требования кредиторов первой и второй очередей (при наличии таковых), отдельно исчисляется размер удовлетворенных требований каждого залогового кредитора, который в любом случае не может составлять менее 80% от суммы реализационной выручки (п. 2 ст. 138 Закона о банкротстве). При реализации имущества, обеспечивающего исполнение обязательств не по кредитному договору, размер вычитаемых процентов определяется по правилам п. 1 ст. 138. Пять процентов, перечисленных кредитором на специальный счет должника, подлежат направлению на погашение текущих расходов, в число которых по смыслу абзаца пятого п. 13.1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2013 г. № 97 «О некоторых вопросах, связанных

с вознаграждением арбитражного управляющего при банкротстве» (далее – постановление № 97) входят, в частности, как расходы, связанные с сохранностью заложенного имущества, его реализацией (для процедур, введенных до вступления в силу Федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 482-ФЗ, которым ст. 138 Закона о банкротстве дополнена п. 6), так и вознаграждение арбитражного управляющего.

Следует также отметить, что, действуя добросовестно и разумно, конкурсный управляющий обязан приступать к выплате собственного вознаграждения в виде процентов только после погашения иных видов текущих платежей (абзац пятый п. 13.1 постановления № 97).

Поскольку конкурсное производство является ликвидационной процедурой, эффективный арбитражный управляющий в целях недопущения наращивания текущей кредиторской задолженности обязан с соблюдением всех необходимых процедур (поиск, инвентаризация, оценка имущества и т.д.) в разумный срок произвести отчуждение принадлежащих должнику объектов для проведения расчетов с кредиторами.

Изложенный подход подлежит применению и к имуществу, составляющему предмет залога. В противном случае (при затягивании конкурсным управляющим реализационных процедур) происходит неоправданное увеличение текущих, в том числе эксплуатационных расходов, которые, будучи погашаемыми за счет основной части конкурсной массы, фактически перекладываются на незалоговых кредиторов, как правило, не получающих удовлетворения своих требований от реализации залогового имущества (при превышении размера обеспечиваемого требования над размером вырученных от реализации денежных средств), что не согласуется с целями законодательного регулирования отношений несостоятельности.

Следовательно, в случае превышения конкурсным управляющим разумного периода реализации заложенного имущества, образовавшаяся в этот период сумма необоснованно понесенных эксплуатационных платежей, в том числе напрямую не связанных с обеспечением сохранности имущества должника, также подлежит вычету из пяти процентов, направляемых на погашение текущих расходов. Проценты по вознаграждению конкурсного управляющего выплачиваются из оставшейся суммы.

Определение № 306-ЭС17-782

Практика применения земельного законодательства

18. Судебные акты о признании незаконным отказа уполномоченного органа в предоставлении в собственность земельного участка собственнику недвижимого объекта,

расположенного на этом участке, отменены, поскольку содержащиеся в них выводы не соответствуют нормам Градостроительного кодекса Российской Федерации о первичности генерального плана перед правилами землепользования и застройки.

Общество является собственником объекта недвижимости – станции технического обслуживания автомобилей, расположенной на земельном участке, предоставленном обществу в аренду до 2063 года на основании договора с уполномоченным органом муниципального образования (далее – администрация).

Ссылаясь на положения подп. 6 п. 2 ст. 39³ и п. 2 ст. 39²⁰ ЗК РФ, общество обратилось в администрацию с заявлением о предоставлении в собственность земельного участка под принадлежащим ему объектом недвижимости.

Администрация сообщила заявителю, что испрашиваемый земельный участок не подлежит предоставлению в частную собственность в силу п. 12 ст. 85 ЗК РФ, поскольку в соответствии с генеральным планом муниципального образования, он относится к зоне зеленых насаждений общего пользования.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании отказа администрации незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление общества удовлетворено. Суды исходили из того, что на земельном участке находится объект недвижимости, принадлежащий обществу, фактическое использование земельного участка соответствует виду его разрешенного использования и перечню разрешенных видов использования, предусмотренных Правилами землепользования и застройки муниципального образования, и пришли к выводу об отсутствии основания для отказа в предоставлении в собственность земельного участка на основании ст. 85 ЗК РФ. Суды также приняли во внимание, что решением законодательного органа муниципального образования были внесены изменения в Правила землепользования и застройки, в соответствии с которыми спорный участок расположен в территориальной зоне «коммунально-складская зона», одним из видов разрешенного использования которой является размещение мастерских, предназначенных для ремонта и обслуживания автомобилей. Изменения в правила были внесены после принятия генерального плана.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 18, 23 ГрК РФ генеральные планы включают в себя карты планируемого размещения объектов с указанием или описанием зон размещения названных объектов.

Частью 3 ст. 9, чч. 9, 10 ст. 31, п. 1 ч. 2 ст. 33, п. 2 ч. 1 ст. 34, ч. 15 ст. 35 ГрК РФ установлен принцип первичности генерального плана перед правилами землепользования и застройки как основополагающего документа территориального планирования, определяющего стратегию градостроительного развития территорий и содержащего долгосрочные ориентиры их развития. Несоответствие правил землепользования и застройки муниципального образования генеральному плану является основанием для рассмотрения вопроса о приведении их в соответствие с указанным документом территориального планирования.

Генеральный план, определяя назначение территорий исходя из планов развития территории города в целом, может не соответствовать ее фактическому использованию, допуская потенциальное изменение назначения территории, поскольку генеральные планы определяют стратегию его развития и условия формирования среды жизнедеятельности.

Исходя из изложенного, выводы судов о недоказанности отнесения спорного земельного участка к территории общего пользования со ссылкой как на правила землепользования и застройки, так и на его фактическое неиспользование по указанному назначению нельзя признать обоснованными, соответствующими приведенным выше нормам права.

Вместе с тем, исходя из содержания понятия территории общего пользования, данного в п. 12 ст. 1 ГрК РФ, и учитывая, что установленный запрет на приватизацию земель общего пользования направлен на обеспечение публичных интересов, свободного доступа граждан к местам общего пользования и природным объектам, предназначенным для удовлетворения общественных интересов населения, границы такой территории (как существующие, так и планируемые) должны быть установлены в соответствии с требованиями градостроительного законодательства. Установление границ территорий общего пользования в соответствии с ч. 1 ст. 42 ГрК РФ осуществляется при подготовке проектов планировки территории, основная часть которого включает в себя чертеж или чертежи планировки территории, на которых отображаются в том числе красные линии (ч. 3). Согласно ч. 6 ст. 43 ГрК РФ на чертежах межевания территории отображаются также красные линии, утвержденные в составе проекта планировки территории, или красные линии, утверждаемые, изменяемые проектом межевания территории в соответствии с п. 2 ч. 2 этой статьи.

Однако наличие красных линий с целью установления границ территории общего пользования, планируемой под размещение сквера (бульвара, парка) в соответствии с генеральным планом в границах спорного земельного участка, а также наличие утвержденной документации по планировке территории (проект планировки, проект межевания) суды не проверяли.

Судам следовало также проверить, отвечает ли земельный участок, испрашиваемый обществом в целях выкупа, требованиям к земельному участку, необходимому для эксплуатации объекта недвижимости, принадлежащего обществу, в том числе в отношении площади такого участка (ст. 39²⁰ ЗК РФ). В том случае, если будет установлено, что испрашиваемый участок всем требованиям не отвечает, необходимо установить, возможно ли образование земельного участка в иных границах и иной площади с соблюдением требований к образуемым или измененным земельным участкам, установленных градостроительным и земельным законодательством, в отношении которого обществом может быть реализовано его право на приобретение земельного участка в собственность.

Определение № 307-КГ16-18929

19. Отказ уполномоченного органа в предоставлении в собственность земельного участка собственнику недвижимого объекта, расположенного на этом участке, признан судом правомерным, поскольку спорный земельный участок входит в границы планируемого размещения объектов транспорта, а также автомобильных дорог федерального, регионального, межмуниципального или местного значения.

Общество обратилось в уполномоченный орган муниципального образования (далее – администрация) с заявлением о предоставлении в собственность за плату земельного участка, на котором расположены объекты недвижимости общества и который предоставлен обществу в аренду.

Администрация отказала обществу в предоставлении земельного участка в собственность, сославшись на то, что в соответствии с генеральным планом муниципального образования на участке расположен объект местного значения (дорога). Красные линии, пересекающие участок и обозначающие дорогу общегородского значения, утверждены постановлением главы муниципального образования в 2009 году (далее – постановление о планировке).

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании отказа администрации незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, заявление общества удовлетворено. Суд исходил из того, что установление красных линий по границам уже сформированных для эксплуатации объектов недвижимости земельных участков нормами земельного и градостроительного законодательства не предусмотрено, поэтому в силу ст. 12 и 13 ГК РФ является невозможным применение постановления о планировке; из представленных администрацией в материалы дела документов территориального планирования не усматривается, что на испрашиваемом

земельном участке планируется размещение объекта местного значения – дороги, поскольку предъявленный в судебном заседании генеральный план муниципального образования, в том числе его графическая часть (схемы и чертежи), напечатан в черно-белом варианте, в то время как схема транспортной инфраструктуры предполагает условное цветное обозначение различных зон, а условные обозначения (пояснительный текст на схеме) напечатаны нечитаемым мелким шрифтом, что не позволяет идентифицировать и соотнести место расположения испрашиваемого земельного участка и планируемой дороги.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Подпунктом 3 п. 5 ст. 39¹⁷ ЗК РФ предусмотрено, что уполномоченный орган принимает решение об отказе в предоставлении земельного участка при наличии хотя бы одного из оснований, перечисленных в ст. 39¹⁶ ЗК РФ.

В данной статье в числе прочих приведены следующие основания для отказа в предоставлении публичного участка в собственность физических и юридических лиц:

указанный в заявлении о предоставлении земельного участка земельный участок является изъятым из оборота или ограниченным в обороте и его предоставление не допускается на праве, указанном в заявлении о предоставлении земельного участка (п. 6);

указанный в заявлении о предоставлении земельного участка земельный участок в соответствии с утвержденными документами территориального планирования и (или) документацией по планировке территории предназначен для размещения объектов федерального значения, объектов регионального значения или объектов местного значения и с заявлением о предоставлении земельного участка обратилось лицо, не уполномоченное на строительство этих объектов (п. 17).

В соответствии с подп. 7 п. 5 ст. 27 ЗК РФ ограничиваются в обороте находящиеся в государственной или муниципальной собственности земельные участки, предназначенные для строительства, реконструкции и (или) эксплуатации объектов морского транспорта, внутреннего водного транспорта, воздушного транспорта, сооружений навигационного обеспечения воздушного движения и судоходства, объектов инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования, а также автомобильных дорог федерального значения, регионального значения, межмуниципального значения или местного значения.

Пунктом 12 ст. 85 ЗК РФ и п. 8 ст. 28 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» установлен запрет приватизации земельных участков общего пользования, занятых площадями, улицами, проездами, автомобильными дорогами, набережными, скверами, бульварами, водными

объектами, пляжами и другими объектами, которые могут включаться в состав различных территориальных зон.

В силу ч. 1 ст. 26 ГрК РФ реализация документов территориального планирования осуществляется путем подготовки и утверждения документации по планировке территории в соответствии с документами территориального планирования; создания объектов федерального значения, объектов регионального значения, объектов местного значения на основании документации по планировке территории.

Подготовка документации по планировке территории осуществляется в отношении застроенных или подлежащих застройке территорий в целях обеспечения устойчивого развития территорий, выделения элементов планировочной структуры (кварталов, микрорайонов, иных элементов), установления границ земельных участков, на которых расположены объекты капитального строительства, границ земельных участков, предназначенных для строительства и размещения линейных объектов (ст. 41 ГрК РФ).

Статьей 42 ГрК РФ предусмотрено, что подготовка проектов планировки территории осуществляется для выделения элементов планировочной структуры, установления границ территорий общего пользования, границ зон планируемого размещения объектов капитального строительства, определения характеристик и очередности планируемого развития территории. Согласно ч. 3 названной статьи основная часть проекта планировки территории включает в себя чертеж или чертежи планировки территории, на которых отображаются красные линии; границы существующих и планируемых элементов планировочной структуры; границы зон планируемого размещения объектов капитального строительства. Проект планировки и проект красных линий, утвержденный отдельным документом в составе документации по планировке территорий, могут быть оспорены заинтересованными лицами в судебном порядке. Пунктом 2 ч. 6 ст. 43 ГрК РФ предусмотрено, что красные линии также отображаются и на чертежах проекта межевания территорий.

Генеральный план муниципального образования и постановление о планировке, принятые до приобретения обществом в собственность объектов недвижимости, расположенных на спорном земельном участке, в установленном порядке не оспорены и не признаны недействующими. Тот факт, что спорный участок был сформирован до утверждения постановлением о планировке красных линий, обозначающих дорогу общегородского значения, не свидетельствует о незаконности оспариваемого отказа в предоставлении участка в собственность с учетом положений ст. 27 и 39¹⁶ ЗК РФ. Поэтому оснований для того, чтобы не применять и не принимать во внимание данные документы, у судов не имелось.

При наличии указанных документов территориального планирования суды были не вправе признать незаконным оспариваемый отказ

администрации со ссылкой на то, что представленные в судебное заседание оригинал официального генерального плана муниципального образования, приложенные к нему схемы, напечатанные мелким шрифтом и в черно-белом варианте, не позволили суду идентифицировать и соотнести место расположения испрашиваемого земельного участка и планируемой дороги. По правилам чч. 2 и 5 ст. 66 и ст. 87¹ АПК РФ суд был вправе истребовать указанные документы от органов местного самоуправления в необходимом для выяснения обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения спора, виде, а также привлечь специалиста для получения соответствующих разъяснений.

Определение № 308-КГ17-2697

Споры, возникающие из обязательственных правоотношений

20. В случае, когда арбитражный суд приходит к выводу о наличии оснований для снижения платы за односторонний отказ от договора (ст. 10, п. 3 ст. 310 ГК РФ), он не может снизить плату до размера, который не устраняет для другой стороны последствия отказа от договора и не может компенсировать иные возможные потери.

Комбинат (арендодатель) и общество (арендатор) заключили договор аренды нежилых помещений сроком на 15 лет. Арендная плата включала в себя сумму трех составляющих: базовую арендную плату, переменную арендную плату и постоянную арендную плату. Ежемесячный размер постоянной арендной платы составляет 282 344 руб. 44 коп. и вносится за весь срок аренды авансовым платежом в размере 50 822 033 руб. 90 коп.

В соответствии с условиями договора арендатор имеет право отказаться от исполнения договора, направив арендодателю уведомление о таком расторжении не менее чем за три месяца. При этом постоянная арендная плата удерживается арендодателем в качестве штрафа.

По истечении четырех лет арендатор отказался от договора аренды.

Ссылаясь на отсутствие оснований для удержания арендодателем суммы постоянной арендной платы в размере 43 032 236 руб. 66 коп., арендатор обратился в арбитражный суд с иском к арендодателю о ее взыскании.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, исковые требования удовлетворены частично.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, в удовлетворении требования о взыскании сумм постоянной арендной платы отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» (далее – постановление Пленума № 54) при осуществлении стороной права на одностороннее изменение условий обязательства или односторонний отказ от его исполнения она должна действовать разумно и добросовестно, учитывая права и законные интересы другой стороны. Нарушение этой обязанности может повлечь отказ в судебной защите названного права полностью или частично, в том числе признание ничтожным одностороннего изменения условий обязательства или одностороннего отказа от его исполнения (п. 2 ст. 10, п. 2 ст. 168 ГК РФ).

Таким образом, установленный законом принцип добросовестности участников гражданского оборота должен быть ими соблюден и при прекращении договора в случае одностороннего отказа стороны от договора, в частности при урегулировании размера денежной суммы, подлежащей в связи с этим выплате в соответствии с п. 3 ст. 310 ГК РФ, нарушение которого сторонами влечет в случае обращения одной из них за судебной защитой необходимость разрешения этого вопроса судом в каждом конкретном споре.

Как указано в п. 16 постановления Пленума № 54, если будет доказано очевидное несоответствие размера этой денежной суммы неблагоприятным последствиям, вызванным отказом от исполнения обязательства или изменением его условий, а также заведомо недобросовестное осуществление права требовать ее уплаты в этом размере, то в таком исключительном случае суд вправе отказать в ее взыскании полностью или частично (п. 2 ст. 10 ГК РФ).

Суд апелляционной инстанции пришел к выводу о наличии оснований для снижения платы за односторонний отказ от договора исходя из следующих обстоятельств. Договор предполагал условие о предварительной оплате арендатором всей спорной суммы – большей части арендной платы, причитающейся арендодателю, за весь период действия договора. Получение арендодателем существенного имущественного предоставления при исполнении договора впоследствии также позволило при непродолжительном периоде пользования арендованным имуществом удержать значительную часть уплаченной истцом суммы.

Вместе с тем суд апелляционной инстанции, оставляя решение суда первой инстанции без изменения, по существу согласился с размером, установленным судом первой инстанции, но который при снижении заявленной истцом суммы руководствовался положениями ст. 333 ГК РФ,

считая спорную сумму штрафом, и в результате чего взыскиваемая сумма была снижена более чем в пять раз.

Такой подход также не обеспечивает баланс интересов сторон договора, поскольку взысканная судом первой инстанции сумма фактически не устраняет для ответчика последствия отказа от договора, так как даже не восполняет утрату всех его доходов, которые он мог бы получить, предоставляя свое имущество другому лицу в период до заключения им договора аренды с новым арендатором, и более того, не может компенсировать иные потери, которые мог понести арендодатель в этом случае.

Определение № 309-ЭС17-1058

21. В случае, когда на арендуемом земельном участке, находящимся в публичной собственности, расположен незавершенный строительством объект недвижимости, возведенный на законных основаниях и принадлежащий арендатору, ст. 622 ГК РФ не может служить основанием для возложения на арендатора обязанности по освобождению этого земельного участка независимо от того, расторгнут или прекращен договор аренды.

В 2012 году уполномоченным органом муниципального образования (арендодатель; далее – администрация) и обществом (арендатор) заключен договор аренды земельного участка в целях использования для строительства детского сада. Срок действия договора установлен до 12 марта 2015 г.

На данном земельном участке обществом возведен объект до уровня первого этажа.

В апреле 2015 года администрация направила обществу уведомление об отказе от договора аренды и предложила обществу освободить и передать земельный участок администрации.

Отказ общества освободить земельный участок послужил основанием для обращения администрации в арбитражный суд с иском об освобождении обществом спорного участка на основании ст. 622 ГК РФ.

Решением суда первой инстанции исковые требования удовлетворены. Суд исходил из прекращения договора аренды с момента истечения срока его действия и отсутствия государственной регистрации обществом права собственности на объект незавершенного строительства с низкой степенью готовности.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении исковых требований отказано. Суд пришел к выводу, что возврат земельного участка на основании ст. 622 ГК РФ невозможен, поскольку на нем расположен

объект незавершенного строительства, обладающий признаками капитального строения, возведенного на законных основаниях.

Постановлением арбитражного суда округа постановление суда апелляционной инстанции отменено, решение суда первой инстанции оставлено в силе.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Пунктом 38 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что по смыслу ст. 131 ГК РФ закон в целях обеспечения стабильности гражданского оборота устанавливает необходимость государственной регистрации права собственности и других вещных прав на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение. При этом по общему правилу государственная регистрация права на вещь не является обязательным условием для признания ее объектом недвижимости (п. 1 ст. 130 ГК РФ). При разрешении вопроса о признании правомерно строящегося объекта недвижимой вещью (объектом незавершенного строительства) необходимо установить, что на нем, по крайней мере, полностью завершены работы по сооружению фундамента или аналогичные им работы (п. 1 ст. 130 ГК РФ). Замоещение земельного участка, не отвечающее признакам сооружения, является его частью и не может быть признано самостоятельной недвижимой вещью (п. 1 ст. 133 ГК РФ).

Обществом на законных основаниях в соответствии с договором аренды земельного участка и разрешением на строительство на спорном земельном участке возведен объект до уровня первого этажа, поэтому возведенный объект является недвижимой вещью (объектом незавершенного строительства) независимо от государственной регистрации прав на нее.

Следовательно, ст. 622 ГК РФ не может быть применена к рассматриваемым отношениям и служить основанием для возложения на общество обязанности по освобождению земельного участка независимо от того, расторгнут или прекращен договор аренды земельного участка.

Согласно подп. 5 п. 1 ст. 1 ЗК РФ одним из принципов земельного законодательства является принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, согласно которому все прочно связанные с земельными участками объекты следуют судьбе земельных участков, за исключением случаев, установленных федеральными законами. Эксплуатация и обслуживание объекта недвижимости возможны только на земельном участке, специально сформированном для этих целей.

В соответствии со ст. 271 ГК РФ собственник здания, сооружения или иной недвижимости, находящейся на земельном участке,

принадлежащем другому лицу, имеет право пользоваться предоставленным таким лицом под эту недвижимость частью земельного участка.

Согласно правовой позиции, изложенной в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 января 2011 г. № 10661/10, принятие публичными органами распорядительных актов, разрешающих осуществление строительства, следует расценивать как согласие публичного образования, от имени которого они действуют, с размещением на принадлежащем ему земельном участке объекта недвижимого имущества, в то время как возвращение участка предполагает его освобождение от находящегося на нем недвижимого имущества, что нарушает права и законные интересы арендатора.

Схожая правовая позиция сформулирована в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2011 г. № 14381/10, согласно которой прекращение договора аренды, в том числе в связи с отказом от договора со стороны арендодателя, не лишает арендатора права пользования земельным участком, необходимым для эксплуатации принадлежащей ему недвижимости.

В соответствии с правовой позицией, изложенной в п. 24 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды», истечение срока действия договора аренды земельного участка не препятствует государственной регистрации права собственности на созданный в период действия договора аренды объект незавершенного строительства.

Таким образом, требования администрации об освобождении земельного участка от объекта недвижимости фактически направлены на необоснованное лишение общества права осуществить государственную регистрацию права собственности на объект незавершенного строительства в соответствии с п. 4 ст. 25 Федерального закона от 21 июля 1997 г. «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним».

Определение № 304-ЭС16-20773

22. Лицо, совершившее противоправные умышленные действия по двойной продаже одного объекта, обязано возместить причиненные этим убытки лицу, являвшемуся конечным покупателем этого объекта по одной из цепочек перепродаж, однако не приобретшему на него право собственности.

Обществу уполномоченным органом предоставлен земельный участок для строительства многоквартирного дома. Общество заключило договор подряда с компанией-1 (подрядчик), по условиям которого в качестве оплаты подрядчику передается в собственность 105 жилых помещений в многоквартирном доме. Компания-1 заключила инвестиционный контракт с фирмой (инвестор), в соответствии с которым передало инвестору ряд жилых помещений в этом многоквартирном доме. Фирма передала в собственность физическому лицу-1 одну из квартир.

В отношении той же квартиры, что была передана фирмой в собственность физическому лицу-1, общество заключило договор купли-продажи будущей недвижимой вещи с компанией-2. По цепочке сделок данную квартиру приобрело физическое лицо-2, которое купило ее у физического лица-3.

Решением суда признана недействительной цепочка сделок, направленных на приобретение квартиры физическим лицом-2, признано право собственности физического лица-1 на спорную квартиру, право собственности физического лица-2 на спорный объект прекращено.

Решением суда по другому делу в связи с признанием недействительным договора купли-продажи с физического лица-3 в пользу физического лица-2 взыскано 5 400 000 руб. В рамках исполнительного производства решение исполнено частично (182 181,33 руб.), исполнительное производство окончено.

Ссылаясь на положения ст. 1064 ГК РФ, физическое лицо-2 (далее также – заявитель) обратилось в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов общества его требования о взыскании убытков в размере 10 296 818,67 руб. По мнению заявителя, указанная денежная сумма составляет расходы на приобретение квартиры, аналогичной утраченной в результате противоправных действий общества по отчуждению одного объекта дважды разным лицам.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано. Суды исходили из того, что заявитель реализовал свое право на судебную защиту путем обращения с иском к продавцу по сделке купли-продажи, оснований считать продавца и общество солидарными должниками на основании ст. 1080 ГК РФ не имеется, поскольку общество и физическое лицо-3 не действовали совместно, между действиями общества и убытками заявителя отсутствует прямая причинно-следственная связь.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Именно действия общества послужили причиной (источником) возникновения ситуации, в результате которой заявитель понес имущественные потери. Согласованность же действий участников цепочки

перепродаж могла иметь значение лишь для целей привлечения этих лиц к солидарной ответственности вместе с должником (ст. 1080 ГК РФ).

Наступление деликтной ответственности лица, совершившего противоправное действие (бездействие), в частности двойное отчуждение объекта недвижимости, не может зависеть от случайного факта (дальнейшей цепочки перепродаж).

Предъявление иска к продавцу и присуждение к взысканию с последнего в пользу заявителя уплаченных по признанному недействительным договору купли-продажи денежных средств само по себе не препятствует привлечению должника к гражданско-правовой ответственности в виде возмещения вреда при доказанности факта правонарушения и невозмещении потерь контрагентом по сделке. Обратное ведет к неправомерному отказу в судебной защите и восстановлении нарушенных прав.

Определение № 303-ЭС16-19319

Практика применения законодательства о налогах и сборах

23. Налогоплательщик несет ответственность за неисполнение обязанности по сообщению налоговому органу сведений о созданных обособленных подразделениях в соответствии со ст. 126 НК РФ, а не п. 2 ст. 116 НК РФ.

В ходе проведения проверки налоговым органом установлено, что общество не осуществило постановку на налоговый учет по месту нахождения двух обособленных подразделений, через которые осуществлялась хозяйственная деятельность в проверяемый налоговый период.

Данное обстоятельство послужило основанием для привлечения налогоплательщика к ответственности по п. 2 ст. 116 НК РФ в виде штрафа.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа о привлечении к ответственности незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленного обществом требования отказано. Суды исходили из того, что налогоплательщиком на территории иных муниципальных образований созданы стационарные рабочие места на срок более одного месяца, где осуществлялась предпринимательская деятельность без постановки на налоговый учет, в связи с чем пришли к выводу о наличии в действиях налогоплательщика состава налогового правонарушения.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила заявление общества по следующим основаниям.

Непредставление в установленный срок налогоплательщиком (плательщиком сбора, плательщиком страховых взносов, налоговым агентом) в налоговые органы документов и (или) иных сведений, предусмотренных НК РФ и иными актами законодательства о налогах и сборах, если такое деяние не содержит признаков налоговых правонарушений, предусмотренных ст. 119, 129.4 и 129^б НК РФ, а также пп. 1.1 и 1.2 ст. 126 НК РФ, влечет ответственность, предусмотренную п. 1 ст. 126 НК РФ.

Из п. 2 ст. 116 НК РФ следует, что данной нормой установлена ответственность за ведение деятельности организацией или индивидуальным предпринимателем без постановки на учет в налоговом органе как одного из видов нарушений порядка постановки на указанный учет.

Порядок постановки на учет и снятия с учета организаций и физических лиц установлен ст. 84–85 НК РФ, в которых содержится упоминание о том, что в целях проведения налогового контроля организации ставятся на учет не только по месту своего нахождения, но и по месту нахождения обособленных подразделений.

Однако взаимосвязанные положения подп. 2 п. 1 и подп. 3 п. 2 ст. 23 НК РФ позволяют сделать вывод о том, что законодатель различает обязанность налогоплательщика встать на учет в налоговых органах и обязанность сообщить в налоговый орган обо всех обособленных подразделениях российской организации, созданных на территории Российской Федерации.

Непредставление же налоговому органу сведений, необходимых для осуществления налогового контроля, образует событие правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ст. 126 НК РФ.

Следовательно, в том случае, когда допущенное организацией нарушение порядка постановки на налоговый учет выражается в неисполнении обязанности по сообщению налоговому органу сведений о созданных на территории Российской Федерации обособленных подразделениях, такие действия подлежат квалификации по ст. 126 НК РФ.

Пункт 2 ст. 116 НК РФ предусматривает в качестве санкции за ведение деятельности без постановки на учет в налоговом органе взыскание штрафа в размере 10 процентов от доходов, полученных в течение указанного времени в результате такой деятельности, но не менее 40 000 руб.

Сам факт установления законодателем приведенной санкции позволяет сделать вывод о том, что предусмотренное в п. 2 ст. 116 НК РФ изъятие соответствующей части дохода организации или индивидуального предпринимателя сопряжено с отсутствием у налогового органа

возможности идентифицировать налогоплательщика в рамках налогового контроля и, соответственно, определить, какие налоги и в каком размере должен уплатить налогоплательщик в связи с ведением сокрытой от налогообложения деятельности.

В том случае, когда у налогового органа имеется возможность определить размер налоговой обязанности организации или индивидуального предпринимателя, соответствующее лицо подлежит привлечению к ответственности, предусмотренной ст. 122 НК РФ за неуплату (неполную уплату) налогов.

В рамках налоговой проверки инспекция установила величину доходов, полученных налогоплательщиком через обособленные подразделения, при этом обществом не было допущено неполной уплаты налогов от деятельности, осуществляемой через названные обособленные подразделения.

При таких обстоятельствах у налогового органа отсутствовали законные основания для привлечения общества к ответственности, предусмотренной п. 2 ст. 116 НК РФ, и применения к налогоплательщику санкции в виде изъятия части дохода, с которого обществом уплачены налоги.

Определение № 303-КГ17-2377

***Практика применения законодательства
о защите конкуренции и о контрактной системе в сфере закупок
товаров для государственных и муниципальных нужд***

24. При отсутствии утвержденного в соответствии с законодательством перечня лекарственных средств, закупка которых осуществляется согласно их торговым наименованиям, государственный и муниципальный заказчики вправе приобретать медицинские препараты по торговому наименованию при условии представления обоснования необходимости такой закупки с учетом объективной потребности в соответствующих препаратах.

Уполномоченный орган (далее – заказчик) опубликовал извещение о проведении электронного аукциона и сопутствующую аукционную документацию на право заключения контракта на поставку лекарственного препарата «Инсулин растворимый (человеческий генно-инженерный)», торговое наименование Инсуман Рапид ГТ, раствор для инъекций, 100 МЕ/мл 3 мл № 5.

Антимонопольный орган принял решение, в соответствии с которым в действиях заказчика установлены нарушения п. 6 ч. 1 ст. 33, п. 1 ч. 1 ст. 64 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения

государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе), поскольку описание объекта закупки с использованием торгового наименования лекарственного препарата конкретного производителя ограничивает количество участников закупки.

Заказчик обратился в арбитражный суд с заявлением о признании решения антимонопольного органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленные требования удовлетворены.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменено, в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Закупка лекарственных средств в соответствии с их торговыми наименованиями возможна в случае осуществления данной закупки в соответствии с пунктом 7 части 2 статьи 83 Закона о контрактной системе (осуществление закупки лекарственных препаратов, которые необходимы для назначения пациенту при наличии медицинских показаний), а также в случае закупки лекарственных средств, входящих в перечень лекарственных средств, закупка которых осуществляется в соответствии с их торговыми наименованиями.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2013 г. № 1086 утверждены Правила формирования перечня лекарственных средств, закупка которых осуществляется в соответствии с их торговыми наименованиями (далее – Правила). Однако данный перечень лекарственных средств до настоящего времени Правительством Российской Федерации не утвержден.

Вместе с тем согласно п. 2 Правил основанием для включения лекарственного средства в перечень является невозможность замены лекарственного средства в рамках одного международного непатентованного наименования лекарственного средства или при отсутствии такого наименования химического, группировочного наименования, определяемая с учетом показателей эффективности и безопасности лекарственных препаратов. Основанием для исключения лекарственного средства из перечня является возможность такой замены.

Из документации об аукционе следует, что установление заказчиком в описании объекта проводимой закупки требования к торговому наименованию обусловлено необходимостью обеспечения названным препаратом пациентов, а его замена невозможна.

Не обладая специальными познаниями в рассматриваемой области медицины, антимонопольный орган в обоснование правомерности его

вывода о нарушении заказчиком требований действующего законодательства обязан представить надлежащие доказательства (ст. 67, 68 АПК РФ), опровергающие доводы заказчика о несовместимости и не взаимозаменяемости препаратов, содержащих инсулин. Такие доказательства антимонопольным органом суду представлены не были.

Таким образом, формирование документации на закупку препаратов инсулина осуществлялось заказчиком в целях достижения максимального результата лечения заболеваний, с соблюдением принципов, закрепленных ст. 41 Конституции Российской Федерации и ст. 4 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах здоровья граждан в Российской Федерации», предусматривающих обеспечение прав граждан в сфере охраны здоровья, приоритет интересов пациента, доступность и качество при оказании медицинской помощи.

Отсутствие утвержденного в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 33 Закона о контрактной системе Перечня лекарственных средств не исключает возможности приобретения заказчиком медицинских препаратов по торговому наименованию, при условии представления обоснования необходимости такой закупки с учетом объективной потребности в соответствующих препаратах, и не может служить непреодолимым препятствием для разрешения спорных вопросов, если от этого зависит реализация вытекающих из Конституции Российской Федерации прав и законных интересов граждан (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. № 3-П).

Определение № 310-КГ17-1939

25. В силу чч. 9, 10 ст. 17¹ Закона о защите конкуренции преимущественное право на заключение договора аренды государственного и муниципального имущества на новый срок предоставлено арендатору только в том случае, если предшествующий договор аренды был заключен в порядке, предусмотренном чч. 1 и 3 указанной статьи, то есть по результатам проведения конкурса или аукциона.

Обществом и уполномоченным органом субъекта Российской Федерации (далее – департамент) в 2004 году заключен договор аренды нежилого помещения, находящегося в собственности субъекта Российской Федерации, сроком на 5 лет. В 2009 году дополнительным соглашением срок договора продлен до 1 июля 2015 г.

В 2014 году за государственным унитарным предприятием зарегистрировано право хозяйственного ведения на указанное помещение. Письмом от 31 марта 2015 г. предприятие уведомило общество о расторжении договора аренды.

Решением антимонопольного органа предприятие признано виновным в нарушении ч. 9 ст. 17¹ Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции) ввиду отказа в реализации права арендатора на заключение договора аренды помещения на новый срок, предприятию предписано заключить с обществом договор аренды на новый срок.

Предприятие обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения и предписания антимонопольного органа недействительными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано. Суды исходили из того, что по истечении срока действия договора аренды государственного или муниципального имущества, принадлежащего на праве хозяйственного ведения государственному унитарному предприятию, арендодатель не вправе отказать арендатору, надлежащим образом исполнявшему свои обязанности, в заключении договора аренды на новый срок (если иное не установлено договором и срок действия договора не ограничен законодательством Российской Федерации) без проведения конкурса, аукциона (при одновременном соблюдении условий о сроке и порядке определения размера арендной платы, предусмотренных ч. 9 статьи 17¹ Закона о защите конкуренции), за исключением случаев, прямо предусмотренных в ч. 10 указанной статьи.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила заявление предприятия, признав решение и предписание антимонопольного органа недействительными, по следующим основаниям.

В силу чч. 9, 10 ст. 17¹ Закона о защите конкуренции преимущественное право на заключение договора аренды государственного и муниципального имущества на новый срок предоставлено арендатору только в том случае, если предшествующий договор аренды был заключен в порядке, предусмотренном чч. 1 и 3 ст. 17¹ Закона о защите конкуренции, то есть по результатам проведения конкурса или аукциона.

При заключении договора на новый срок, в том числе при продлении срока действия договора путем подписания дополнительного соглашения, у сторон возникают новые правоотношения, которые в соответствии с п. 1 ст. 422 ГК РФ должны соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующим на момент их возникновения.

Таковыми правилами, наряду со ст. 17¹ Закона о защите конкуренции, являлись положения ч. 4 ст. 53 Закона о защите конкуренции (в редакции Федерального закона, действовавшего до 1 июля 2013 г.), в соответствии с которыми до 1 июля 2015 г. разрешалось заключение на новый срок без

проведения конкурсов или аукционов договоров аренды, указанных в чч. 1 и 3 ст. 17¹ Закона о защите конкуренции и заключенных до 1 июля 2008 г. с субъектами малого или среднего предпринимательства при условии отсутствия на момент заключения такого договора аренды на новый срок оснований для его досрочного расторжения, предусмотренных гражданским законодательством. При этом заключение предусмотренных данной нормой договоров аренды возможно на срок не более чем до 1 июля 2015 г. Таким образом, на всех остальных арендаторов данная преференция не распространялась и заключение на новый срок договоров аренды, заключенных до 1 июля 2008 г. вне процедуры торгов, было возможно только по правилам чч. 1 и 3 ст. 17¹ Закона о защите конкуренции.

В соответствии с Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 144-ФЗ ч. 4 ст. 53 Закона о защите конкуренции утратила силу с 1 июля 2013 г. В настоящий момент заключение договоров на новый срок (которые были заключены до 1 июля 2015 г.), предусматривающих переход прав владения и (или) пользования в отношении государственного или муниципального имущества по правилам, предусмотренным чч. 9–11 ст. 17¹ Закона о защите конкуренции, допускается только в отношении субъектов малого и среднего предпринимательства, расположенных на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя (ч. 4¹ ст. 53 Закона о защите конкуренции).

Таким образом, законодатель установил условия перезаключения на новый срок договоров аренды государственного и муниципального имущества, ограничив возможность заключения названных договоров без проведения публичных процедур только для определенной категории субъектов предпринимательской деятельности.

Судами установлено и подтверждается материалами дела, что договор аренды в 2004 году был заключен обществом без соблюдения публичных процедур до вступления в силу ст. 17¹ Закона о защите конкуренции. Являясь субъектом малого предпринимательства, общество реализовало свое право на перезаключение договора аренды помещения на новый срок до 1 июля 2015 г. без торгов, тем самым реализовав преимущества, установленные ст. 53 Закона о защите конкуренции. Между тем оснований для неоднократного перезаключения арендаторами договоров аренды государственного и муниципального имущества, минуя конкурентные процедуры, предусмотренные ч. 1 ст. 17¹ Закона о конкуренции, действующим законодательством не предусмотрено. На основании вышеизложенного действия предприятия по отказу в реализации права общества (арендатора) на заключение договора аренды помещения на новый срок являются законными и обоснованными.

Практика применения таможенного законодательства

26. Законодательством о правонарушениях в сфере таможенных отношений не предусмотрена ответственность за ввоз товара в меньшем объеме и количестве, чем задекларировано, если такое деяние не привело к неуплате таможенных платежей, нарушению запретов и ограничений и иному ущербу.

Решением таможенного органа обществу отказано в выпуске товара для внутреннего потребления, поскольку таможенная декларация содержала недостоверные сведения о количественных характеристиках товара (вес брутто, вес нетто и рабочая площадь). Сведения в декларации указаны в большем значении, чем установлено при таможенном досмотре, то есть товар ввозится фактически в меньшем объеме и весе, чем указано в декларации.

При этом таможенные платежи уплачены обществом в отношении заявленного, а не фактически ввезенного товара, то есть в большем размере.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным решения таможенного органа.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила заявление общества по следующим основаниям.

Отказ в выпуске товаров в связи с их ввозом в меньшем объеме (весе), чем указано в декларации, по существу приобретает характер санкции, применяемой к субъекту внешнеэкономической деятельности и состоящей в ограничении права такого субъекта на использование ввозимых товаров в гражданском обороте.

Между тем выявленное расхождение в весе и объеме товара в сторону их уменьшения при ввозе на таможенную территорию Таможенного союза, исходя из фактических обстоятельств настоящего дела (при отсутствии нарушений запретов и ограничений), не свидетельствует о наличии в действиях заявителя состава правонарушения в понимании п. 2 ст. 201 ТК ТС.

Любое привлечение к ответственности за нарушение норм таможенного законодательства, по смыслу ст. 54 (ч. 2) Конституции Российской Федерации, предполагает, что ее основанием может быть лишь обладающее опасностью для личности, общества или государства деяние, содержащее все признаки состава правонарушения, предусмотренные законом.

Также необходимо учитывать критерии необходимости, пропорциональности и соразмерности ограничения прав и свобод участников экономического оборота конституционно значимым целям (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П).

Согласно действующим нормам таможенного законодательства, законодательства об административных правонарушениях и судебной практике их применения, а также практике применения их самими таможенными органами недостоверное декларирование в части заявления недостоверных сведений о весе, объеме товара признается элементом состава правонарушения только при заявлении сведений в меньшем размере, объеме, количестве, поскольку такое деяние направлено на ввоз товара, не оплаченного таможенными пошлинами и налогами, либо состоит в ввозе товара в нарушение квотирования или иных запретов или ограничений (гл. 16 КоАП РФ). Во всех этих случаях в качестве необходимого элемента объективной стороны состава правонарушения выступает вред общественным отношениям, то есть причинение ущерба публичному порядку.

Ввоз товара в меньшем объеме, чем задекларировано, при условии оплаты таможенных пошлин и налогов, соблюдения всех условий и ограничений, иных требований таможенного режима в отношении ввезенного товара, не называется законодателем в качестве признака объективной стороны такого правонарушения, как недостоверное декларирование. Кроме того, в данном случае отсутствует какой-либо вред общественным отношениям, поскольку такая ошибка в декларировании не влияет на исчисление таможенных платежей в отношении фактически ввезенного объема, количества товара, таможенные платежи в объеме, соответствующем ввезенному товару, уплачены.

Определение № 308-КГ16-21316

***Практика применения положений Кодекса Российской Федерации
об административных правонарушениях***

27. Лицо, оказывающее поставщику товаров (работ, услуг) иные услуги, помимо услуги по приему платежей от физических лиц и перечислению этих платежей поставщику, не является платежным агентом и не может быть привлечено к административной ответственности на основании ч. 2 ст. 15.1 КоАП РФ.

На основании заключенного с перевозчиком договора общество за вознаграждение осуществляло деятельность по продаже билетов с получением от физических лиц денежных средств и перечислением этих средств перевозчику.

Постановлением налогового органа общество привлечено к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 15.1 КоАП РФ, с назначением наказания в виде административного штрафа.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании постановления налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявления отказано. Суды признали общество платежным агентом в силу положений Федерального закона от 3 июня 2009 г. № 103-ФЗ «О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами» (далее – Закон № 103-ФЗ). Суды пришли к выводу о наличии в действиях общества состава административного правонарушения, поскольку общество в нарушение требований чч. 14, 15 ст. 4 Закона № 103-ФЗ осуществляет упомянутую деятельность без использования специального банковского счета.

Определением арбитражного суда округа прекращено производство по кассационной жалобе общества применительно к п. 1 ч. 1 ст. 150, ч. 2 ст. 282 АПК РФ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции и удовлетворила заявление общества по следующим основаниям.

Из положений Закона № 103-ФЗ следует, что деятельность платежного агента заключается только в приеме от физических лиц денежных средств, направленных на исполнение денежных обязательств этих лиц перед поставщиком по оплате товаров (работ, услуг), и последующем перечислении платежным агентом этих средств поставщику товаров (работ, услуг). При этом платежный агент не принимает участия в оказании услуг между плательщиком и поставщиком услуг и не оказывает иных самостоятельных услуг, кроме приема и передачи денежных средств. Согласно ст. 1 Закона № 103-ФЗ принятие платежей от физических лиц не во всех случаях порождает обязанность открыть специальный расчетный счет.

Таким образом, действие Закона № 103-ФЗ распространяется на отношения, связанные с оказанием платежным агентом единственной услуги – услуги по приему платежей от физических лиц и перечислению этих платежей поставщику товаров (работ, услуг).

В рамках заключенного с перевозчиком договора на агентские услуги по продаже билетов по междугородним маршрутам осуществляемая обществом деятельность, помимо продажи билетов на междугородние маршруты перевозчика, включает в себя оказание обществом услуг по информированию пассажиров по всем вопросам, касающимся междугородних перевозок (об отправлении/прибытии автотранспортного средства, наличии свободных мест, предварительной и

иной продаже билетов и др.); осуществлению отметок в путевых листах автотранспорта, принадлежащего перевозчику; обеспечению стоянки автотранспорта перевозчика; предоставлению заявок на дополнительные туристические услуги, и др. При этом общество является организацией, осуществляющей самостоятельный вид деятельности – услуги автовокзала, обязательства предоставления которых возникают у общества перед физическими лицами, приобретшими билеты перевозчика.

Следовательно, общество не может быть признано платежным агентом, на которого распространяется действие Закона № 103-ФЗ, поскольку общество в рамках указанного договора оказывает перевозчику иные услуги, помимо продажи билетов на междугородние маршруты перевозчика.

Определение № 302-АД16-16468

28. Действия органа по сертификации по выдаче сертификата соответствия продукции уполномоченному иностранным изготовителем лицу не являются нарушением законодательства о техническом регулировании и не образуют состав правонарушения, предусмотренный ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ.

В ходе внеплановой документарной проверки органа по сертификации (далее – организация) административный орган установил, что организация выдала обществу сертификат соответствия, подтверждающий соответствие продукции требованиям Технического регламента Таможенного союза ТР ТС 020/2011 «Электромагнитная совместимость технических средств», утвержденного Решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 879 (далее – ТР ТС 020/2011). Общество является представителем иностранного изготовителя продукции по обеспечению соответствия продукции требованиям технических регламентов на территории Таможенного союза на основании соглашения (далее – уполномоченное изготовителем лицо).

Согласно положениям п. 1 ст. 7 ТР ТС 020/2011 подтверждение соответствия продукции осуществляется по схемам в соответствии с Положением о порядке применения типовых схем оценки (подтверждения) соответствия в технических регламентах Таможенного союза, утвержденным Решением Комиссии Таможенного союза от 7 апреля 2011 г. № 621 (далее – Положение о порядке применения типовых схем оценки).

Процедура соответствия продукции проводилась по предусмотренной Положением о порядке применения типовых схем оценки схеме сертификации 1С, которая устанавливает, что в качестве заявителя на проведение сертификации продукции на соответствие требованиям технических регламентов может выступать изготовитель, в

том числе иностранный, при наличии уполномоченного изготовителем лица на территории Таможенного союза.

Поскольку в нарушение схемы сертификации 1С заявителем, обратившимся в организацию за подтверждением соответствия продукции, являлось уполномоченное изготовителем лицо, а не сам изготовитель продукции, административный орган пришел к выводу о выдаче организацией сертификата соответствия продукции ненадлежащему лицу.

Указанные обстоятельства послужили основанием для составления административным органом в отношении организации протокола об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ, и обращения в арбитражный суд с заявлением о привлечении организации к административной ответственности.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, организация привлечена к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ, с назначением наказания в виде административного штрафа.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении заявления административного органа о привлечении организации к ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ, по следующим основаниям.

Заявителем на проведение работ по сертификации в рассматриваемом случае являлось уполномоченное на основании соглашения иностранным изготовителем лицо.

С 1 января 2015 г. вступил в силу Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.). Согласно п. 1 ст. 99 Договора о Евразийском экономическом союзе международные договоры государств-членов, заключенные в рамках формирования договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства, действующие на дату вступления в силу настоящего Договора, входят в право Союза в качестве международных договоров в рамках Союза и применяются в части, не противоречащей настоящему Договору.

В соответствии с разделом X «Техническое регулирование» Договора о Евразийском экономическом союзе разработан Протокол о техническом регулировании в рамках Евразийского экономического союза (приложение № 9 к Договору о Евразийском экономическом союзе), который определяет порядок, правила и процедуры технического регулирования в рамках Союза (далее – Протокол о техническом регулировании).

Согласно п. 2 Протокола о техническом регулировании «уполномоченное изготовителем лицо» это зарегистрированные в установленном законодательством государства-члена порядке на его территории юридическое лицо или физическое лицо в качестве

индивидуального предпринимателя, которые на основании договора с изготовителем, в том числе иностранным изготовителем, осуществляют действия от имени этого изготовителя при оценке соответствия и выпуске в обращение продукции на территории Союза, а также несут ответственность за несоответствие продукции требованиям технических регламентов Союза.

Пункт 5 Протокола о техническом регулировании устанавливает, что при оценке соответствия заявителем могут быть зарегистрированные на территории государства-члена в соответствии с его законодательством юридическое лицо или физическое лицо в качестве индивидуального предпринимателя, являющиеся изготовителем или продавцом либо уполномоченным изготовителем лицом.

Таким образом, указанные положения Договора о Евразийском экономическом союзе, изменяя с 1 января 2015 г. круг лиц, которые могут выступать в качестве заявителей при сертификации продукции, устанавливают, что при оценке соответствия требованиям технических регламентов продукции иностранного изготовителя заявителем на проведение работ по сертификации может быть только уполномоченное таким изготовителем лицо.

На момент составления административным органом протокола об административном правонарушении, а также на момент вынесения судом первой инстанции решения о привлечении к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ действия организации по выдаче сертификата соответствия продукции уполномоченному иностранным изготовителем лицу не являлись нарушением законодательства о техническом регулировании и, соответственно, не образовывали состав правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ.

Определение № 305-АД16-19542

Процессуальные вопросы

29. В случае направления стороной жалобы о пересмотре судебного акта в кассационном порядке в Верховном Суде Российской Федерации последним судебным актом для целей применения ст. 112 АПК РФ является определение об отказе в передаче дела на рассмотрение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации либо определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

Решением суда первой инстанции от 3 декабря 2014 г. обществу отказано в удовлетворении исковых требований о взыскании с компании неосновательного обогащения.

Постановлением суда апелляционной инстанции от 1 апреля 2015 г., оставленным в силе постановлением арбитражного суда округа от 6 июня 2015 г., названное решение суда отменено, иск удовлетворен частично.

Определением Верховного Суда Российской Федерации от 14 сентября 2015 г. отказано в передаче кассационной жалобы общества на названные судебные акты для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

Общество 2 марта 2016 г. обратилось в суд первой инстанции с заявлением о взыскании судебных расходов.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление общества оставлено без удовлетворения. Суды пришли к выводу о пропуске обществом шестимесячного срока на подачу этого заявления, исчисленного с 6 июня 2015 г., то есть с даты вынесения постановления арбитражного суда округа как последнего судебного акта, принятием которого закончилось рассмотрение дела по существу. Суды констатировали, что с учетом выходных и праздничных дней срок для подачи заявления о взыскании судебных расходов истек 11 января 2016 г. Ходатайство о восстановлении срока общество не заявляло.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Разъяснения о том, какой судебный акт считать последним, принятием которого закончилось рассмотрение дела по существу, для целей исчисления шестимесячного срока, установленного ст. 112 АПК РФ, содержатся в п. 30 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2011 г. № 12 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации». Из абзацев первого и четвертого этого пункта следует, что по общему правилу последним судебным актом является решение суда первой инстанции или постановление суда апелляционной инстанции, если соответствующий судебный акт не был предметом рассмотрения суда вышестоящей инстанции, либо постановление суда кассационной инстанции, принятое по результатам рассмотрения жалобы на такие судебные акты. Однако в случае направления стороной заявления о пересмотре судебного акта в порядке надзора последним судебным актом по ранее действовавшему процессуальному законодательству являлось определение Высшего Арбитражного Суда Российской

Федерации об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации или постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.

Таким образом, лицу, требующему возмещения судебных расходов, процессуальным законом гарантировалось такое право по результатам последовательного рассмотрения дела в судебных инстанциях.

Оснований полагать, что эти гарантии снизились с изменением процессуального законодательства и включением в АПК РФ норм, предусматривающих возможность пересмотра судебных актов арбитражных судов Верховным Судом Российской Федерации в порядке кассационного производства, не имеется.

Напротив, из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» следует, что высшая судебная инстанция указала на судебный акт кассационной инстанции как один из возможных актов, завершающих производство по делу (п. 1), и подтвердила право участвующего в деле лица обратиться в суд с заявлением по вопросу о судебных издержках, понесенных в связи с рассмотрением дела, о возмещении которых не было заявлено при его рассмотрении, после принятия итогового судебного акта по делу (п. 28).

В связи с тем, что определение Верховного Суда Российской Федерации об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании судебной коллегии вынесено 14 сентября 2015 г., а заявление о возмещении судебных расходов подано обществом 2 марта 2016 г., у судов не было оснований для вывода о пропуске шестимесячного срока на его подачу.

Определение № 305-ЭС15-11039

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Назначение наказания

30. По смыслу ст. 53 УК РФ, осужденные не вправе совершать действия, установленные им в качестве ограничений при отсутствии на это согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы.

По приговору суда Р., ранее судимый 2 августа 2012 г. по ч. 3 ст. 264 УК РФ к 2 годам лишения свободы с применением ст. 73 УК РФ, условно, с испытательным сроком на 2 года, осужден к лишению свободы: по ч. 1

ст. 209 УК РФ на 11 лет с ограничением свободы на 1 год с установлением перечисленных ограничений; по п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ (за каждое из совершенных 19, 29 мая, 10 июня 2014 г. преступлений) на 8 лет 6 месяцев с ограничением свободы на 9 месяцев, с установлением перечисленных ограничений; по п. «а» ч.4 ст. 162 УК РФ (за каждое из совершенных 26 мая, 19 июня 2014 г. преступлений) на 9 лет 6 месяцев с ограничением свободы на 1 год, с установлением перечисленных ограничений; по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 3 ст. 161 УК РФ на 6 лет 6 месяцев с ограничением свободы на 6 месяцев, с установлением перечисленных ограничений.

На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения назначенных наказаний Р. назначено 13 лет лишения свободы с ограничением свободы на 1 год 9 месяцев, с установлением перечисленных ограничений.

В соответствии со ст. 70 УК РФ путем частичного сложения наказания, назначенного по данному приговору, с неотбытой частью наказания по приговору суда от 2 августа 2012 г., отменив условное осуждение, Р. окончательно назначено 14 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима, с ограничением свободы на 1 год 9 месяцев, с установлением ограничений: не уходить из места постоянного проживания в ночное время суток без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, не изменять места жительства, не выезжать за пределы муниципального образования, в котором расположено место постоянного жительства, с возложением обязанности 2 раза в месяц являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор в части назначенного Р. наказания, указав следующее.

По смыслу ст. 53 УК РФ, осужденные не вправе совершать те либо иные действия, установленные им в качестве ограничений при условии отсутствия на это согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы.

Между тем, установив осужденным ограничения, суд указал, что лишь одно из них – не уходить из места постоянного проживания в ночное время суток – они не могут без согласия специализированного государственного органа, а другие запреты для них – не изменять места жительства, не выезжать за пределы муниципального образования, в котором расположено место постоянного жительства, – указаны как безусловные ограничения, что противоречит положениям ст. 53 УК РФ, предоставляющей право на совершение этих действий, но при согласии органа, ведающего исполнением наказания данного вида.

На основании изложенного Судебная коллегия изменила приговор в отношении Р. и указала в части назначенного ему дополнительного наказания за каждое преступление и по их совокупности на невозможность совершения всех установленных им в качестве ограничений действий без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы.

Определение № 4-АПУ17-2

31. При назначении ограничения свободы в виде основного наказания с последующим применением положений ст. 69 и 71 УК РФ суд обязан установить не только срок этого вида наказания, но и сам перечень ограничений.

По приговору суда А. осужден по пп. «б», «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ к ограничению свободы на 1 год, по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ на 13 лет лишения свободы с ограничением свободы на 1 год, по ч. 2 ст. 214 УК РФ к ограничению свободы на 2 года.

На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения назначенных основных наказаний по правилам п. «б» ч. 1 ст. 71 УК РФ, окончательно на 14 лет лишения свободы с ограничением свободы на 1 год, с установлением ограничений: не выезжать за территорию соответствующего месту его регистрации муниципального образования, не изменять место жительства, учебы или работы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, с возложением обязанности являться в этот орган 2 раза в месяц для регистрации.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по апелляционной жалобе осужденного А., изменила приговор в части назначенного ему наказания по следующим основаниям.

Назначив ограничение свободы по пп. «а», «в» ч. 2 ст. 115 и ч. 2 ст. 214 УК РФ в качестве основного наказания, а по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ как дополнительное наказание, суд после применения положений ч. 3 ст. 69 УК РФ установил ограничения, относящиеся только к ограничению свободы как к дополнительному виду наказания.

Между тем при назначении ограничения свободы в виде основного наказания суду следовало указать конкретно территорию – населенный пункт или муниципальное образование, за пределы которой осужденному запрещается выезжать, и такое ограничение является одним из обязательных.

В связи с тем, что по пп. «а», «в» ч. 2 ст. 115 и ч. 2 ст. 214 УК РФ суд назначил только срок ограничения свободы, не установив конкретные ограничения, подлежащие возложению на осужденного, данное наказание не может считаться назначенным.

С учетом изложенного Судебная коллегия изменила приговор в отношении А. и исключила указание о назначении ему наказания по пп. «а», «в» ч. 2 ст. 115, ч. 2 ст. 214 УК РФ, а также по правилам ч. 3 ст. 69 УК РФ. Этот же приговор в части осуждения А. по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ оставила без изменения.

Определение № 77-АПУ17-4

Процессуальные вопросы

32. Понятым не может являться родственник лица, проводящего следственное действие.

Ш. признан виновным в приготовлении к незаконному сбыту наркотических средств в составе организованной группы и осужден по ч. 1 ст. 30 и п. «а» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ.

В кассационной жалобе осужденный Ш. просил об исключении из числа доказательств протоколов всех следственных действий, в которых принимал участие в качестве понятого З., в связи с нарушением требований ч. 2 ст. 60 УПК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор и последующие судебные решения в отношении Ш. и исключила из числа доказательств его виновности по ч. 1 ст. 30 и п. «а» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ протокол добровольной выдачи сим-карты, составленный с участием понятого З., по следующим основаниям.

В соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 60 УПК РФ понятыми не могут быть участники уголовного судопроизводства, их близкие родственники и родственники.

Из материалов уголовного дела усматривается, что суд в приговоре сослался на протокол добровольной выдачи Ш. сим-карты МТС как на доказательство виновности Ш. в содеянном.

Между тем участвовавший в качестве понятого при проведении данного следственного действия З. являлся родственником оперуполномоченного З.И., проводившего данное оперативно-розыскное мероприятие, что в силу требований закона должно рассматриваться как препятствие для участия З. в проведении указанного следственного действия, ставящего под сомнение допустимость полученных по итогам его проведения результатов.

Допрошенный в ходе судебного разбирательства З. не отрицал наличие родственных связей с оперуполномоченным З.И., проводившим следственные действия по делу.

Несмотря на исключение указанного выше протокола, оснований для отмены судебных решений не имеется, поскольку в приговоре судом приведены другие достаточные доказательства, подтверждающие совершение осужденным приготовления к незаконному сбыту наркотических средств в составе организованной группы.

Определение № 11-УД17-3

33. В соответствии с требованиями ст. 401⁶ УПК РФ пересмотр в кассационном порядке оправдательного приговора допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления его в законную силу (с учетом требований ч. 2 ст. 390 УПК РФ).

Апелляционным приговором от 8 апреля 2015 г. обвинительный приговор мирового судьи в отношении Г. отменен и он был оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ, за отсутствием в его действиях состава преступления.

Постановлением президиума Верховного Суда Чеченской Республики от 27 июля 2016 г. оправдательный апелляционный приговор от 8 апреля 2015 г. отменен по кассационной жалобе потерпевшего, а уголовное дело направлено на новое апелляционное рассмотрение.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев дело по кассационной жалобе осужденного, отменила постановление президиума от 27 июля 2016 г. и последующие за ним судебные решения, указав следующее.

В соответствии же с требованиями ст. 401⁶ УПК РФ пересмотр в кассационном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, либо если были выявлены данные, свидетельствующие о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве.

Президиум Верховного Суда Чеченской Республики, принимая 27 июля 2016 г. решение об отмене оправдательного апелляционного приговора и о направлении уголовного дела на новое апелляционное рассмотрение, не учел, что предусмотренный ст. 401⁶ УПК РФ годичный

срок, в течение которого допускается поворот к худшему при рассмотрении дела в кассационном порядке, истек 8 апреля 2016 г.

Указанное нарушение, допущенное президиумом Верховного Суда Чеченской Республики при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке, в силу положений ч.1 ст. 401¹⁵ УПК РФ является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим отмену постановления президиума.

Апелляционный приговор от 8 апреля 2015 г., по которому Г. оправдан по предъявленному ему обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ, за отсутствием в его действиях состава преступления, оставлен без изменения.

Определение № 20-УД17-3

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

34. Действующим законодательством не предусмотрена возможность перечисления денежных средств соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации, присужденных гражданину, на банковский счет его представителя.

Определением суда с Минфина России в пользу Г. взысканы судебные расходы.

Представитель Г., действующий на основании нотариально удостоверенной доверенности, обратился в Минфин России с заявлением, в котором просил перечислить взысканные на основании названного судебного акта денежные средства на свой банковский счет.

Минфин России в удовлетворении указанного заявления отказал, ссылаясь на то, что эти денежные средства могут быть перечислены только на счет самого взыскателя.

Указанное решение было оспорено в суде.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, административное исковое заявление удовлетворено. Оспариваемое решение Минфина России признано незаконным, на названный орган возложена обязанность исполнить определение суда посредством перечисления взысканных денежных средств на банковский счет представителя Г., действующего на основании нотариально удостоверенной доверенности.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и приняла новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления по следующим основаниям.

В силу ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» условия и порядок исполнения судебных актов по передаче гражданам, организациям денежных средств соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации устанавливаются бюджетным законодательством Российской Федерации.

Согласно п. 2 ст. 242¹ БК РФ к исполнительному документу (за исключением судебного приказа), направляемому для исполнения судом по просьбе взыскателя или самим взыскателем, должны быть приложены копия судебного акта, на основании которого он выдан, а также заявление взыскателя с указанием реквизитов банковского счета взыскателя, на который должны быть перечислены средства, подлежащие взысканию.

Заявление подписывается взыскателем либо его представителем с приложением доверенности или нотариально удостоверенной копии доверенности или иного документа, удостоверяющего полномочия представителя.

Таким образом, действующим законодательством не предусмотрена возможность перечисления денежных средств соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации, присужденных взыскателю, на банковский счет его представителя, поскольку участником рассматриваемых правоотношений является именно взыскатель.

При этом данное обстоятельство не лишает представителя взыскателя возможности получения денежных средств с банковского счета взыскателя при наличии соответствующих полномочий, указанных в доверенности.

Кроме того, судом не установлено наличие обстоятельств, препятствовавших административному истцу, являющемуся взыскателем, представить в уполномоченный орган заявление с указанием реквизитов своего банковского счета.

Таким образом, правовых оснований для удовлетворения административного искового заявления не имелось.

Определение № 18-КГ17-126

35. Права на недвижимое имущество, возникшие до момента вступления в силу Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», признаются юридически действительными при отсутствии их государственной регистрации, введенной названным законом.

В этой связи срок нахождения недвижимого имущества в собственности физического лица для целей налогообложения исчисляется с момента возникновения права собственности такого

лица на это имущество в соответствии с требованиями ранее действовавшего законодательства.

В сентябре 1997 года Б. на основании договора купли-продажи приобретено жилое помещение. Свидетельство о государственной регистрации права собственности на это помещение получено в 2010 году.

Налоговый орган обратился в суд с административным иском с заявлением о взыскании с Б. недоимки по налогу на доходы физических лиц, ссылаясь на неуплату суммы этого налога в связи с продажей указанного недвижимого имущества, находившегося в собственности налогоплательщика менее срока, необходимого для освобождения от налогообложения.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, административное исковое заявление удовлетворено.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации названные судебные акты отменила, приняла новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления по следующим основаниям.

Пунктом 1 ст. 6 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» закреплено, что права на недвижимое имущество, возникшие до момента вступления в силу данного закона, признаются юридически действительными при отсутствии их государственной регистрации, введенной названным законом.

Государственная регистрация таких прав проводится по желанию их обладателей. Государственная регистрация прав, осуществляемая в отдельных субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях до вступления в силу названного закона, является юридически действительной.

Согласно п. «г» § 1 Инструкции о порядке регистрации строений в городах, рабочих, дачных и курортных поселках РСФСР, утвержденной приказом Министерства коммунального хозяйства РСФСР от 21 февраля 1968 г. № 83, в целях учета принадлежности строений в городах, рабочих, дачных и курортных поселках РСФСР бюро технической инвентаризации исполнительных комитетов местных Советов депутатов трудящихся ведут по установленным формам реестры и производят регистрацию строений, в том числе, жилых домов, принадлежащих гражданам на праве личной собственности.

При рассмотрении административного дела судом не учтено, что спорное недвижимое имущество приобретено Б. на основании договора купли-продажи в сентябре 1997 года, договор удостоверен нотариусом и зарегистрирован в бюро технической инвентаризации в соответствии с ранее действовавшим законодательством.

Таким образом, право собственности Б. на объект недвижимого имущества возникло до вступления в силу Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним».

При таких обстоятельствах сам по себе факт получения Б. свидетельства о государственной регистрации права собственности на квартиру в 2010 году не имеет правового значения при разрешении вопроса о сроке нахождения недвижимого имущества в собственности налогоплательщика для целей налогообложения.

Определение № 18-КГ17-40

36. Отсутствие возможности формирования земельного участка в том числе для индивидуального жилищного строительства в границах муниципального образования может быть обусловлено особенностями развития поселения и его статусом.

Законом субъекта Российской Федерации предусмотрено, что многодетный гражданин имеет право на бесплатное получение в собственность земельного участка, расположенного на территории муниципального образования, в котором многодетный гражданин имеет место жительства, за исключением территории закрытых административно-территориальных образований.

Многодетный гражданин, имеющий место жительства на территории закрытого административно-территориального образования, имеет право на бесплатное получение в собственность земельного участка, расположенного на территории любого муниципального образования этого субъекта Российской Федерации, за исключением города К.

Прокурор обратился в суд с административным иском с заявлением о признании недействующими со дня вступления решения суда в законную силу приведенных законоположений в той мере, в какой они ограничивают право многодетного гражданина на бесплатное получение в собственность земельного участка, расположенного на территории закрытых административно-территориальных образований и города К.

Решением суда первой инстанции административное исковое заявление удовлетворено.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указанное решение суда первой инстанции отменила, приняла новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления, указав следующее.

Исходя из положений ст. 15 ЗК РФ земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, могут быть предоставлены в собственность граждан, за исключением земельных

участков, которые в соответствии с Кодексом, федеральными законами не могут находиться в частной собственности.

Так, земельные участки, отнесенные к землям, ограниченным в обороте, не предоставляются в частную собственность, за исключением случаев, установленных федеральными законами (п. 2 ст. 27 названного кодекса).

Предусмотренное подп. 6 ст. 39⁵ ЗК РФ право граждан, имеющих трех и более детей, на предоставление земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, не отменяет особенностей оборота этих земельных участков.

Земельный кодекс Российской Федерации предписывает исполнительным органам государственной власти и органам местного самоуправления предпринимать необходимые меры по предоставлению земельных участков для удовлетворения потребностей населения в развитии жилищного строительства за пределами закрытого административно-территориального образования.

При этом в закрытом административно-территориальном образовании устанавливается особый режим использования земель (п. 4 ст. 93 ЗК РФ).

Для реализации права на получение в собственность земельного участка для индивидуального жилищного строительства должен быть соблюден порядок формирования этого участка и постановки его на государственный кадастровый учет, что предполагает необходимость предварительного проведения уполномоченными органами ряда связанных с этим мероприятий.

Отсутствие возможности формирования земельного участка в том числе для индивидуального жилищного строительства в границах того или иного муниципального образования может быть обусловлено особенностями развития поселения, что само по себе не может рассматриваться как нарушение конституционных прав и свобод граждан.

Таким образом, оспариваемое правовое регулирование не противоречит действующему федеральному законодательству, поскольку учитывает отсутствие возможности формирования земельного участка для индивидуального жилищного строительства в границах закрытых административно-территориальных образований и города К. в связи с особенностями развития этих поселений, а также их статусом.

В этой связи правовых оснований для удовлетворения административного искового заявления не имелось.

Определение № 53-АПГ17-33

Процессуальные вопросы

37. Административное исковое заявление об оспаривании нормативного правового акта может быть подписано и подано в суд административным истцом, не имеющим высшего юридического образования. При этом дальнейшее ведение административного дела в суде осуществляется через представителя, имеющего такое образование.

С. обратился в суд с административным иском о признании недействующим нормативного правового акта.

Определением судьи суда первой инстанции, административное исковое заявление оставлено без движения, предложено представить документ, подтверждающий наличие у С. высшего юридического образования.

Определением судьи суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, административное исковое заявление возвращено.

При этом суд исходил из того, что административный истец не устранил все обстоятельства, послужившие основанием для оставления административного искового заявления без движения, поскольку это заявление подписано С. и подано им без приложения документа, подтверждающего наличие у него высшего юридического образования.

Также суд указал, что ордер адвоката, выданный коллегией адвокатов для представления интересов С., не устраняет выявленные недостатки, поскольку административный иск подан и подписан лично С., а не его представителем.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что судом допущены существенные нарушения норм процессуального права, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов административного истца.

В соответствии с чч. 1 и 2 ст. 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Решения органов государственной власти и органов местного самоуправления могут быть обжалованы в суд.

Суды рассматривают и разрешают административные дела об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части (п. 1 ч. 2 ст. 1 КАС РФ).

Согласно ч. 1 ст. 208 КАС РФ с административным иском о признании недействующим нормативного правового акта полностью или в части вправе обратиться лица, в отношении которых применен этот акт, а также лица, которые являются субъектами отношений, регулируемых оспариваемым нормативным правовым актом,

если они полагают, что этим актом нарушены или нарушаются их права, свободы и законные интересы.

В ч. 9 ст. 208 КАС РФ определено, что при рассмотрении административных дел об оспаривании нормативных правовых актов в верховном суде республики, краевом, областном суде, суде города федерального значения, суде автономной области, суде автономного округа, в Верховном Суде Российской Федерации граждане, участвующие в деле и не имеющие высшего юридического образования, ведут дела через представителей, отвечающих требованиям, предусмотренным ст. 55 названного кодекса.

В силу чч. 1 и 3 ст. 55 КАС РФ (в редакции, действовавшей на момент обращения С. в суд) представителями в суде по административным делам могут быть лица, обладающие полной дееспособностью, не состоящие под опекой или попечительством и имеющие высшее юридическое образование. Представители должны представить суду документы о своем образовании, а также документы, удостоверяющие их статус и полномочия.

На основании ч. 1 ст. 125 КАС РФ административное исковое заявление подается в суд в письменной форме в разборчивом виде и подписывается с указанием даты внесения подписей административным истцом и (или) его представителем при наличии у последнего полномочий на подписание такого заявления и предъявление его в суд.

Согласно п. 5 ч. 1 ст. 126 КАС РФ к административному исковому заявлению прилагается доверенность или иные документы, удостоверяющие полномочия представителя административного истца, документ, подтверждающий наличие у представителя высшего юридического образования, если административное исковое заявление подано представителем.

Законодательство об административном судопроизводстве не устанавливает требование о том, что административное исковое заявление об оспаривании нормативного правового акта должно быть подписано только лицом, имеющим высшее юридическое образование (самим административным истцом или его представителем).

Таким образом, допускаются подписание и подача административного искового заявления в суд непосредственно административным истцом, не имеющим высшего юридического образования, тогда как дальнейшее ведение административного дела в суде осуществляется через представителя, имеющего такое образование.

При таких обстоятельствах правовые основания для возвращения административного искового заявления С. отсутствовали.

Определение № 57-КГ17-3

***Практика применения положений Кодекса Российской Федерации
об административных правонарушениях***

38. Наличие по одному и тому же факту совершения противоправных действий (бездействия) лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, постановления о назначении административного наказания и постановления о возбуждении уголовного дела является основанием для отмены постановления по делу об административном правонарушении.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения постановлением заместителя председателя областного суда, гражданин признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию за то, что он в нарушение п. 2.7 Правил дорожного движения, утвержденных постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090, управлял транспортным средством в состоянии опьянения.

В протесте, принесенном в Верховный Суд Российской Федерации, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации просил отменить указанные постановления, ссылаясь на их незаконность.

Частью 1 ст. 12.8 КоАП РФ установлена административная ответственность за управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

В силу п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ производство по делу об административном правонарушении не может быть начато, а начатое производство подлежит прекращению при наличии по одному и тому же факту совершения противоправных действий (бездействия) постановления о назначении административного наказания и постановления о возбуждении уголовного дела.

Из представленных материалов следует, что в отношении указанного гражданина возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 264 УК РФ, в связи с тем, что он управлял транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, не справился с управлением, съехал в кювет, где совершил наезд на препятствие, в результате чего пассажиру были причинены телесные повреждения, которые квалифицируются как тяжкий вред здоровью.

В соответствии с правовой позицией, выраженной в п. 12.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным

завладением без цели хищения», если в ходе судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении, предусмотренном чч. 2, 4 или 6 ст. 264 либо ст. 264.1 УК РФ, будет установлено, что лицо в связи с этим правонарушением привлечено к административной ответственности по ч. 1 или 3 ст. 12.8 либо по ст. 12.26 КоАП РФ, то суду следует направить уголовное дело прокурору на основании ст. 237 УПК РФ, поскольку вступившее в законную силу и неотмененное решение о привлечении к административной ответственности лица за совершение тех же действий, которые вменены ему органами предварительного расследования (управление транспортным средством в состоянии опьянения или невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения), является препятствием для вынесения приговора.

При таких обстоятельствах постановление мирового судьи и постановление заместителя председателя областного суда, вынесенные в отношении гражданина по делу об административном правонарушении, отменены судьей Верховного Суда Российской Федерации, производство по делу прекращено.

Постановление № 36-АД17-3

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

По административным делам

39. Проживание членов семьи административного истца в принадлежащей на праве собственности квартире его супруги указывает на необходимость учета доли занимаемого ими жилого помещения при определении нуждаемости административного истца и его супруги в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма.

Решением 224 гарнизонного военного суда от 29 февраля 2016 г., оставленным без изменения апелляционным определением Ленинградского окружного военного суда от 31 мая 2016 г., удовлетворено административное исковое заявление Т., в котором он просил признать незаконным решение начальника Федерального государственного казенного учреждения «Западное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации (далее – Управление ФГКУ «Западрегионжилье») от 31 декабря 2015 г. о снятии его вместе с супругой с учета нуждающихся в жилом помещении.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе представителя административного ответчика, Судебная коллегия по делам

военнослужащих не нашла оснований для удовлетворения кассационной жалобы.

Из материалов дела следует, что Т. после окончания в августе 1982 г. высшего военного училища до ноября 2011 г. проходил военную службу на Северном флоте, после чего был назначен заместителем Главнокомандующего Военно-Морским Флотом Вооруженных Сил Российской Федерации по вооружению и переведен в г. Москву, а в связи с переводом Главного Командования Военно-Морским Флотом Вооруженных Сил Российской Федерации в г. Санкт-Петербург – переведен в октябре 2013 г. в г. Санкт-Петербург.

Занимаемые жилые помещения в период военной службы на Северном флоте Т. сдал в установленном порядке, а по новому месту военной службы был обеспечен служебным жильем.

Супруга административного истца в период брака, в мае 2002 г., приобрела в г. Санкт-Петербурге в собственность двухкомнатную квартиру общей площадью 46,6 кв. м, в которую вселила своего и административного истца сына – Т., его супругу и двух внуков, после чего 16 июля 2010 г. подарила эту квартиру сыну. Другого жилья в собственности и пользовании Т. и его супруга не имели.

Решением врид директора Департамента жилищного обеспечения Министерства обороны Российской Федерации от 2 июля 2012 г. Т. на основании заявления был поставлен вместе с супругой на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма в избранном месте жительства в г. Москве, с учетом находившейся у его супруги до июля 2010 г. в собственности квартиры (до 16 июля 2015 г. – на основании ст. 53 ЖК РФ).

Приказом Министра обороны Российской Федерации от 7 октября 2013 г. Т. уволен с военной службы в запас по собственному желанию с оставлением в списках очередников на получение жилой площади в избранном месте жительства.

В октябре 2015 г. Т. обратился к директору Департамента жилищного обеспечения Министерства обороны Российской Федерации с заявлением о внесении изменений в реестр военнослужащих, нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма, изменив избранное им место жительства после увольнения с военной службы на г. Санкт-Петербург.

Решением начальника Управления ФГКУ «Западрегионжилье» от 31 декабря 2015 г. Т. снят с жилищного учета ввиду отсутствия оснований для постановки на жилищный учет, а также его увольнения с военной службы до истечения пятилетнего срока, предусмотренного ст. 53 ЖК РФ.

Удовлетворяя заявление административного истца о признании названного решения незаконным, суд первой инстанции исходил из того, что проживавшие в принадлежащей на праве собственности супруги административного истца квартире сын, невестка и внуки были вселены в

качестве членов семьи собственника, в связи с чем они подлежали учету при определении доли общей площади жилого помещения, приходящейся на Т. и его супругу. Поскольку на каждого из членов семьи собственника жилого помещения приходилось менее учетной нормы площади жилого помещения, суд признал правомерным решение жилищного органа о постановке административного истца на жилищный учет с учетом жилого помещения, которым в июле 2010 г. распорядилась его супруга.

С выводами суда первой инстанции согласился окружной военный суд.

Такие выводы судов соответствуют материалам дела и основаны на правильном применении норм материального права.

Согласно ч. 1 ст. 30 ЖК РФ собственник жилого помещения осуществляет права владения, пользования и распоряжения принадлежащим ему на праве собственности жилым помещением в соответствии с его назначением и пределами его использования, которые установлены ЖК РФ.

Частью 1 ст. 31 ЖК РФ определено, что к членам семьи собственника жилого помещения относятся проживающие совместно с данным собственником в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника. Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и в исключительных случаях иные граждане могут быть признаны членами семьи собственника, если они вселены собственником в качестве членов своей семьи.

Вселенные собственником жилого помещения члены его семьи, в силу ч. 2 ст. 31 ЖК РФ, имеют право пользования данным жилым помещением наравне с его собственником, если иное не установлено соглашением между собственником и членами его семьи.

В пункте 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» разъяснено, что вопрос о признании лица членом семьи собственника жилого помещения судам следует разрешать с учетом положений ч. 1 ст. 31 ЖК РФ, исходя из того, что для признания перечисленных в данной норме лиц, вселенных собственником в жилое помещение, членами его семьи достаточно установления только факта их совместного проживания с собственником в этом жилом помещении и не требуется установления фактов ведения ими общего хозяйства с собственником жилого помещения, оказания взаимной материальной и иной поддержки.

Данное разъяснение сделано применительно к ситуации наличия у собственника единственного жилого помещения для проживания.

В суде установлено, что супруга Т. вселила в принадлежащую ей на праве собственности квартиру своего сына, его супругу и детей без

заключения какого-либо соглашения, определяющего их права иначе, чем это предусмотрено ЖК РФ.

Сам Т. в этот период проходил военную службу в г. Северодвинске Архангельской области, где проживал вместе с супругой в предоставленном им за счет Министерства обороны Российской Федерации жилом помещении.

В судебном заседании Т. пояснил, что его сын, невестка и внуки были вселены в принадлежащее его супруге на праве собственности жилое помещение именно в качестве членов семьи. Это заявление не было опровергнуто допрошенной в судебном заседании в качестве свидетеля супругой административного истца.

При таких данных факт вселения сына административного истца, его супруги и их детей в принадлежавшую на праве собственности супруги Т. квартиру в качестве членов семьи сомнений не вызывает.

Это обстоятельство имеет существенное значение для дела, поскольку проживание названных лиц в принадлежащей на праве собственности квартире супруги административного истца в качестве членов семьи указывает на необходимость учета доли занимаемого ими жилого помещения при определении нуждаемости Т. и его супруги в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма.

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 51 ЖК РФ основаниями для признания граждан нуждающимися в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, является обеспеченность общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее учетной нормы.

Из материалов дела следует, что на момент отчуждения принадлежащей супруге административного истца квартиры в ней проживало четыре члена ее семьи и на всех них, а также на Т. и его супругу приходилось по 7,7 кв. м.

Согласно ст. 9 Закона г. Москвы от 14 июня 2006 г. № 29 «Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения» учетная норма площади жилого помещения на одного человека в г. Москве установлена в размере 10 квадратных метров площади жилого помещения.

В силу ст. 3 Закона Санкт-Петербурга от 19 июля 2005 г. № 407-65 «О порядке ведения учета граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях и предоставлении жилых помещений по договорам социального найма в Санкт-Петербурге» учетная норма площади жилого помещения на одного человека в г. Санкт-Петербурге составляет 9 квадратных метров общей площади жилого помещения.

Следовательно, как при постановке на жилищный учет в период прохождения военной службы в г. Москве, так и при перемене места жительства после увольнения с военной службы в г. Санкт-Петербурге административный истец являлся нуждающимся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма.

При таких данных решение врид директора Департамента жилищного обеспечения Министерства обороны Российской Федерации от 2 июля 2012 г. о постановке Т. вместе с супругой на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма в избранном месте жительства, с учетом находившейся у его супруги до июля 2010 г. в собственности квартиры является правильным, а решение начальника Управления ФГКУ «Западрегионжилье» от 31 декабря 2015 г. о снятии административного истца с учета нуждающихся в жилых помещениях не основано на законе.

В связи с изложенным суд первой инстанции правомерно признал незаконным оспариваемое решение жилищного органа о снятии административного истца с учета нуждающихся в жилом помещении, восстановив его права на обеспечение жильем в избранном месте жительства после увольнения с военной службы.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих оставила без изменения судебные акты по административному исковому заявлению Т., а кассационную жалобу представителя административного ответчика – без удовлетворения.

Определение № 202-КГ17-2

По гражданским делам

40. Материальный ущерб, возникший в воинской части вследствие ненадлежащего исполнения обязанностей как работником, с которым заключен договор о полной материальной ответственности, так и его командирами (начальниками) – военнослужащими, не принявшими необходимых мер к предотвращению утраты имущества, взыскивается исходя из установленной степени ответственности каждого из них в размере причиненного ущерба.

Решением Краснодарского гарнизонного военного суда от 29 июля 2015 г. с учетом внесенных изменений судом апелляционной инстанции удовлетворен частично иск командира воинской части о взыскании с М. 610 490 руб. 47 коп. в счет возмещения материального ущерба, причиненного в связи с утратой материальных ценностей.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе М., Судебная коллегия по делам военнослужащих судебные постановления отменила, дело направила на новое рассмотрение в Краснодарский гарнизонный военный суд в ином составе судей, указав в обоснование следующее.

Из материалов дела следует, что М. работал кладовщиком вещевого склада воинской части и с ним был заключен договор о полной материальной ответственности за недостачу вверенного ему имущества.

В результате проведенной инвентаризации вещевого имущества воинской части была выявлена недостача вещевого имущества на сумму 954 648 руб. 07 коп.

Приказом командира воинской части, изданным на основании материалов административного расследования, установлено, что недостача вещевого имущества образовалась вследствие халатного исполнения должностных обязанностей М. и отсутствия надлежащего контроля со стороны начальника вещевого склада воинской части Ш., а также слабого контроля за деятельностью подчиненных должностных лиц помощником командира воинской части по материально-техническому обеспечению Б.

В связи с этим на основании названного приказа Б. и Ш. привлечены к ограниченной материальной ответственности в размере одного оклада месячного денежного содержания и одной месячной надбавки за выслугу лет в счет частичного возмещения ими причиненного государству материального ущерба.

Другим приказом командира воинской части, изданным по результатам проверки хозяйственной деятельности воинской части и инвентаризации материальных средств, действительная сумма недостачи вещевого имущества составила 610 701 руб. 70 коп., в том числе у М. – 610 490 руб. 47 коп., у заведующей вещевым складом М.А. – 211 руб. 23 коп.

Удовлетворяя исковое заявление командира воинской части (с учетом уменьшения судом апелляционной инстанции суммы ущерба на 211 руб. 23 коп.), суд исходил из того, что утраченное вещевое имущество было вверено М. под отчет, в связи с чем в силу закона он подлежит привлечению к материальной ответственности в размере действительного ущерба.

Однако такой вывод сделан судом без учета имеющих значение для дела обстоятельств и основан на неправильном применении норм материального права.

В суде установлено, что недостача вещевого имущества воинской части образовалась вследствие халатного исполнения должностных обязанностей не только М., но и начальника вещевого склада воинской части Ш., а также помощника командира воинской части по материально-техническому обеспечению Б., в связи с чем с них в счет частичного возмещения причиненного государству материального ущерба были взысканы по одному окладу месячного денежного содержания и одной месячной надбавке за выслугу лет.

Эти обстоятельства являлись юридически значимыми для дела.

Согласно ст. 238 ТК РФ работник обязан возместить работодателю причиненный ему прямой действительный ущерб, под которым

понимается реальное уменьшение наличного имущества работодателя или ухудшение состояния указанного имущества, а также необходимость для работодателя произвести затраты либо излишние выплаты на приобретение, восстановление имущества либо на возмещение ущерба, причиненного работником третьим лицам.

Кроме того, в соответствии с ч. 3 ст. 4 Федерального закона от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» командиры (начальники), нарушившие своими приказами (распоряжениями) установленный порядок учета, хранения, использования, расходования, перевозки имущества или не принявшие необходимых мер к предотвращению его хищения, уничтожения, повреждения, порчи, излишних денежных выплат, что повлекло причинение ущерба, несут материальную ответственность в размере причиненного ущерба, но не более одного оклада месячного денежного содержания и одной месячной надбавки за выслугу лет.

Содержание названных законодательных норм в их взаимосвязи указывает на то, что материальный ущерб, возникший в воинской части вследствие ненадлежащего исполнения обязанностей как работником, с которым заключен договор о полной материальной ответственности, так и его командирами (начальниками) – военнослужащими, не принявшими необходимых мер к предотвращению утраты имущества, взыскивается в долевом порядке исходя из установленной степени ответственности каждого из них.

Поскольку по решению командира воинской части на военнослужащих этой же части Ш. и Б. возложена обязанность по частичному возмещению ущерба, вызванного недостаточей вещевого имущества, удержанная с них сумма не может быть повторно взыскана с М. В ином случае размер взысканий в счет возмещения причиненного ущерба превысит прямой действительный ущерб, что не основано на законе.

Следовательно, суду необходимо было установить не только реальную сумму причиненного государству материального ущерба, но и размер суммы, взысканной с Ш. и Б. в счет частичного возмещения указанного ущерба, и только после этого решить вопрос о размере подлежащей взысканию суммы ущерба с М. Однако этого по делу сделано не было.

Из представленных в суд и исследованных в судебном заседании материалов также осталось неясным, в связи с чем была уменьшена сумма материального ущерба в размере 954 648 руб. 07 коп., установленная по результатам инвентаризации вещевого имущества воинской части, до 610 490 руб. 47 коп., и учтены ли при этом суммы, подлежащие взысканию с Ш. и Б. в счет частичного возмещения указанного ущерба.

Кроме того, в соответствии со ст. 246 ТК РФ размер ущерба, причиненного работодателю при утрате и порче имущества, определяется

по фактическим потерям, исчисляемым исходя из рыночных цен, действующих в данной местности на день причинения ущерба, но не ниже стоимости имущества по данным бухгалтерского учета с учетом степени износа этого имущества.

Между тем в материалах дела отсутствуют данные об учете степени износа утраченного вещевое имущество, а суд первой инстанции это обстоятельство не проверил. Изложенные нарушения оставлены без внимания и судом апелляционной инстанции.

Определение № 205-КГ17-1

По уголовным делам

41. Учет судом положительных данных о личности осужденного при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств исключало назначение ему за совершенное преступление максимального наказания.

По приговору Московского гарнизонного военного суда от 30 марта 2017 г. Х. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30 и ч. 2 ст. 205⁵ УК РФ, к лишению свободы на срок 10 лет в исправительной колонии строгого режима.

Судебная коллегия по делам военнослужащих, рассмотрев дело по апелляционной жалобе осужденного, приговор изменила, смягчила назначенное Х. наказание за совершенное им преступление до 9 лет 6 месяцев лишения свободы.

Принимая такое решение, Судебная коллегия исходила из следующего.

Х. признан виновным в приготовлении в октябре 2016 г. к участию в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, то есть в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30 и ч. 2 ст. 205⁵ УК РФ, санкция которой предусматривает лишение свободы на срок от десяти до двадцати лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового.

В соответствии с ч. 2 ст. 66 УК РФ срок или размер наказания за приготовление к преступлению не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ за оконченное преступление.

Следовательно, максимальный срок наказания Х. за приготовление к участию в деятельности террористической организации не может превышать 10 лет лишения свободы.

При назначении наказания суд учел состояние здоровья и материальное положение Х., а также то, что в быту, на работе и по месту жительства он характеризуется положительно. Обстоятельства, отягчающие наказание Х., по делу не установлены.

При таких данных назначенное осужденному максимальное наказание по своему размеру является несправедливым вследствие чрезмерной суровости.

Апелляционное определение № 201-АПУ17-20

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОЛЛЕГИЯ

42. Поведение судьи обоснованно признано недопустимым, не соответствующим требованиям нормативных актов, определяющих правовой статус судьи, умаляющим авторитет судебной власти, расценено как причинившее ущерб репутации судьи и несовместимое с дальнейшим осуществлением судьей своих полномочий.

Дисциплинарная коллегия оставила без удовлетворения жалобу Баешко на решение квалификационной коллегии судей Краснодарского края от 30 сентября 2016 г. о досрочном прекращении его полномочий судьи Курганинского районного суда Краснодарского края за совершение дисциплинарного проступка и решение Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации от 25 января 2017 г.

Дисциплинарная коллегия в своем решении указала, что совет судей Краснодарского края направил в квалификационную коллегия судей обращение о привлечении судьи Баешко к дисциплинарной ответственности по результатам проверки информации начальника Управления МВД России по г. Краснодару.

Квалификационная коллегия судей Краснодарского края пришла к выводу о том, что изложенные в обращении совета судей Краснодарского края факты, свидетельствующие о совершении судьей Баешко дисциплинарного проступка, несовместимого со статусом судьи, нашли подтверждение.

Решением Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации решение квалификационной коллегии судей Краснодарского края оставлено без изменения.

Доказательствами, исследованными в судебном заседании Дисциплинарной коллегии, подтверждено, что 26 апреля 2016 г. после 24 часов автопатруль отдела полиции (Прикубанский округ) Управления МВД России по г. Краснодару в связи с поступившим сообщением от граждан о том, что шумят в гаражах, прибыл на место происшествия. Прибывшие на место происшествия сотрудники полиции попросили присутствующих предъявить документы, удостоверяющие их личности. На

это один из граждан (как впоследствии выяснилось – Баешко) отреагировал грубой нецензурной бранью, стал оскорблять сотрудников полиции, на замечания не реагировал, документы предъявлять отказался, стал размахивать руками и ногами. На законные требования прекратить противоправные действия не реагировал, замахивался на сотрудников полиции, провоцируя драку. К нему были применены специальные средства, и он был доставлен в отдел полиции.

В отделе полиции Баешко не прекратил противоправные действия и на протяжении двух часов отказывался предъявлять документ, удостоверяющий личность.

Находясь в фойе отдела полиции, Баешко нанес удар головой старшему участковому Чайке в область лба, после чего нанес сержанту Белоусову несколько ударов ногой в область туловища.

Сотрудниками полиции были составлены рапорты о нанесении им телесных повреждений. По данному факту зарегистрирован материал проверки КУСП от 26 апреля 2016 г. № 12650.

Дисциплинарная коллегия согласилась с мнением квалификационной коллегии судей о том, что действия сотрудников полиции по доставлению Баешко в отдел полиции для установления его личности и разбирательства соответствовали требованиям закона, поскольку он отказался представиться сотрудникам полиции на месте, не выполнял законных требований полицейских и не сообщал им о наличии у него статуса судьи.

Дисциплинарная коллегия обратила внимание на то, что в силу пп. 1–5 ст. 12¹ Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации» за совершение дисциплинарного проступка, то есть виновного действия (бездействия) при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужебной деятельности, в результате чего были нарушены положения названного закона и (или) кодекса судейской этики, что повлекло умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи, на судью может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде замечания, предупреждения, досрочного прекращения полномочий судьи.

Поведение судьи Баешко в ночь на 26 апреля 2016 г. квалификационной коллегией судей Краснодарского края обоснованно признано недопустимым, не соответствующим требованиям нормативных актов, определяющих правовой статус судьи, умаляющим авторитет судебной власти, расценено как причинившее ущерб репутации судьи и несовместимое с дальнейшим осуществлением судьей своих полномочий.

Решение о досрочном прекращении полномочий судьи Баешко является мотивированным.

Обсуждая вопрос о виде дисциплинарного взыскания, квалификационная коллегия судей Краснодарского края оценила поведение судьи, его отношение к содеянному, приняла во внимание характер и степень тяжести совершенного им дисциплинарного проступка

и наступивших последствий, а также данные, характеризующие его, и по результатам тайного голосования пришла к выводу о необходимости применения к Баешко дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения полномочий судьи, поскольку допущенные им нарушения несовместимы с высоким званием судьи, подрывают доверие к нему как к представителю судебной власти и не дают оснований рассчитывать на то, что это доверие будет восстановлено при дальнейшем выполнении им служебных обязанностей.

Решение по делу № ДК17-28

43. Очевидно неправомерное принятие к производству суда общей юрисдикции корпоративного спора, относящегося к ведению арбитражного суда, и применение несоразмерных мер обеспечения иска, приведшее к вмешательству в хозяйственную деятельность коммерческого предприятия, свидетельствуют о совершении судьей действий, несовместимых с высоким статусом судьи, умаляющих авторитет судебной власти и причинивших ущерб репутации судьи.

Дисциплинарная коллегия оставила без удовлетворения жалобу Зульбугаровой на решение квалификационной коллегии судей Тюменской области от 10 февраля 2017 г. о досрочном прекращении ее полномочий судьи Тобольского районного суда Тюменской области за совершение дисциплинарного проступка.

В решении коллегия указала, что дисциплинарный проступок Зульбугаровой выразился в грубом и очевидном нарушении норм процессуального закона, а именно в том, что судья неправомерно приняла к производству суда не подлежащее разрешению судами общей юрисдикции в порядке гражданского судопроизводства исковое заявление Г. к генеральному директору ОАО «Проектный институт «Южпроекткоммунстрой» о взыскании материального ущерба, а также приняла по этому делу, относящемуся к корпоративным спорам, явно несоразмерные заявленным требованиям и нарушающие права акционеров ОАО «Проектный институт «Южпроекткоммунстрой» обеспечительные меры, заключавшиеся в приостановлении полномочий генерального директора, предусмотренных уставом общества и учредительными документами, что привело к вмешательству в хозяйственную деятельность акционерного общества и причинению действительного материального ущерба в размере 6 708 153 руб.

Принятие к производству суда общей юрисдикции корпоративного спора, относящегося к ведению арбитражного суда, и применение несоразмерных мер обеспечения иска, приведшее к вмешательству в хозяйственную деятельность коммерческого предприятия, свидетельствуют о совершении судьей действий, несовместимых с

высоким статусом судьи, умаляющих авторитет судебной власти и причинивших ущерб репутации судьи.

Суд апелляционной инстанции признал, что судом первой инстанции в нарушение ст. 15 ГК РФ, ст. 71 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», гл. 28¹ АПК РФ, ст. 22 ГПК РФ 30 марта 2016 г. был принят к производству корпоративный спор, неподведомственный суду общей юрисдикции.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ судья Зульбугарова обязана была отказать Г. в принятии искового заявления и не принимать решения об обеспечительных мерах, однако в нарушение указанных норм приняла исковое заявление к производству суда, а затем и обеспечительные меры.

Давая оценку принятым судьей Зульбугаровой обеспечительным мерам, суд апелляционной инстанции в определении от 10 августа 2016 г. указал на их незаконность ввиду неподведомственности суду общей юрисдикции спора по иску Г., а также на то, что принятые судом первой инстанции обеспечительные меры являются несоразмерными заявленным Г. требованиям. Они не только нарушают права акционеров ОАО «Проектный институт «Южпроекткоммунстрой», но и фактически сводятся к незаконному вмешательству суда в хозяйственную деятельность предприятия, что законодательством не допускается и является самостоятельным основанием для отмены мер по обеспечению иска.

Учитывая изложенное, Дисциплинарная коллегия Верховного Суда Российской Федерации находит обоснованным вывод квалификационной коллегии судей Тюменской области о наличии в действиях судьи Зульбугаровой дисциплинарного проступка, выразившегося в грубых нарушениях норм процессуального законодательства при принятии к производству суда искового заявления Г. к генеральному директору ОАО «Проектный институт «Южпроекткоммунстрой» К. и обеспечительных мер.

Допущенные судьей Зульбугаровой нарушения являются виновными и исключительными. Они не могут рассматриваться как ошибки в толковании и применении норм права (как судебная ошибка), поскольку носят очевидный характер, грубо нарушают права участников процесса, свидетельствуют о пренебрежительном отношении судьи Зульбугаровой к соблюдению требований закона и не дают оснований рассчитывать на добросовестное и профессиональное выполнение Зульбугаровой служебных обязанностей в будущем.

Дисциплинарная коллегия обратила внимание на то, что в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 января 2003 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникших в связи с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации», а также в нескольких постановлениях

Президиума Верховного Суда Российской Федерации по конкретным делам, опубликованных официально для всеобщего сведения и доведенных до сведения всего судейского корпуса, указывается на отсутствие у суда общей юрисдикции права принимать к производству подобного рода дела и применять по ним обеспечительные меры, вмешиваясь тем самым в деятельность хозяйствующих субъектов.

Судья Зульбугарова в силу своих должностных полномочий обязана была знать практику Верховного Суда Российской Федерации по спорам с участием акционеров и хозяйственных обществ, тем более что, как усматривается из справки о работе и из характеристики судьи Зульбугаровой, с 2013 года она рассмотрела свыше 700 гражданских дел, то есть имеет соответствующий опыт.

Принимая во внимание, что принятое судьей Зульбугаровой судебное постановление по делу, относящемуся к ведению арбитражного суда, по которому были незаконно приняты обеспечительные меры, отменено вследствие грубых нарушений норм процессуального закона, Дисциплинарная коллегия Верховного Суда Российской Федерации приходит к выводу, что действия судьи Зульбугаровой повлекли искажение принципов гражданского судопроизводства, дискредитируют судебную власть, причиняют ущерб репутации судьи и несовместимы со статусом судьи, в связи с чем оснований для отмены решения квалификационной коллегии судей Тюменской области по доводам жалобы административного истца ввиду их несостоятельности Дисциплинарная коллегия не усматривает.

Дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи соразмерно тяжести совершенного судьей Зульбугаровой дисциплинарного проступка.

При этом квалификационной коллегией судей Тюменской области учтены данные о личности Зульбугаровой, ее служебная характеристика, стаж работы в должности судьи, профессиональный уровень, судебная нагрузка на судью, не превышающая средние показатели по судам области, характер допущенных нарушений и степень нарушения прав и законных интересов участников процесса.

Решение по делу № ДК17-25

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

ВОПРОС 1. На какие организации распространяются требования ст. 38, 39 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (далее – Закон о средствах массовой информации) о предоставлении сведений о своей деятельности по запросам редакций средств массовой информации?

ОТВЕТ. В соответствии с Конституцией Российской Федерации каждому гарантировано право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, получать достоверную информацию о состоянии окружающей среды (ч. 4 ст. 29, ст. 42).

В развитие указанных конституционных положений абзацами первым, вторым ст. 38 Закона о средствах массовой информации гражданам предоставлено право на оперативное получение через средства массовой информации достоверных сведений о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений, их должностных лиц. Государственные органы, органы местного самоуправления, организации, общественные объединения, их должностные лица предоставляют сведения о своей деятельности средствам массовой информации по запросам редакций, а также путем проведения пресс-конференций, рассылки справочных и статистических материалов и в иных формах.

Согласно ст. 39 названного закона редакция имеет право запрашивать информацию о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений, их должностных лиц. Запрос информации возможен как в устной, так и в письменной форме. Запрашиваемую информацию обязаны предоставлять руководители указанных органов, организаций и объединений, их заместители, работники пресс-служб либо другие уполномоченные лица в пределах их компетенции.

По смыслу ст. 38, 39 Закона о средствах массовой информации, требования указанных норм права о предоставлении сведений о деятельности по запросам редакций средств массовой информации распространяются на все организации, независимо от их организационно-правовой формы, в том числе коммерческие и некоммерческие юридические лица (ст. 48, 50 ГК РФ), организации, осуществляющие свою деятельность без образования юридического лица (например, простые товарищества).

ВОПРОС 2. Возможно ли наложение предусмотренного ч. 1 ст. 332 АПК РФ судебного штрафа за неисполнение судебного акта на лицо, на которое в силу закона возложено исполнение данного акта, в том числе на банк и иную кредитную организацию?

ОТВЕТ. Согласно ч. 1 ст. 16 АПК РФ вступившие в законную силу судебные акты арбитражного суда являются обязательными для органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов,

организаций, должностных лиц и граждан и подлежат исполнению на всей территории Российской Федерации.

Неисполнение судебных актов в силу ч. 2 ст. 16 АПК РФ влечет за собой ответственность, установленную АПК РФ и другими федеральными законами.

Нормы об ответственности за неисполнение судебного акта арбитражного суда содержатся в ст. 332 АПК РФ, в соответствии с ч. 1 которой за неисполнение судебного акта арбитражного суда органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными органами, организациями, должностными лицами и гражданами арбитражным судом может быть наложен судебный штраф по правилам гл. 11 АПК РФ в размере, установленном федеральным законом.

На основании ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве) в случаях, предусмотренных федеральным законом, требования, содержащиеся в судебных актах, актах других органов и должностных лиц, исполняются органами, организациями, в том числе государственными органами, органами местного самоуправления, банками и иными кредитными организациями, должностными лицами и гражданами. В частности, с учетом положения ч. 1 ст. 8 Закона об исполнительном производстве, исполнительный документ о взыскании денежных средств или об их аресте может быть направлен в банк или иную кредитную организацию непосредственно взыскателем. В свою очередь, банк или иная кредитная организация, осуществляющие обслуживание счетов должника, в соответствии с ч. 5 ст. 70 Закона об исполнительном производстве незамедлительно исполняют содержащиеся в исполнительном документе или постановлении судебного пристава-исполнителя требования о взыскании денежных средств, о чем в течение трех дней со дня их исполнения информируют взыскателя или судебного пристава-исполнителя.

Таким образом, исходя из приведенных законодательных положений, установленная в ч. 1 ст. 332 АПК РФ процессуальная ответственность может применяться в отношении любого лица, на которое в силу закона возложено исполнение судебного акта арбитражного суда, в том числе и в отношении банков и иных кредитных организаций.

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с

Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; статьи 3–33). Согласно пункту «b» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

Практика международных (межгосударственных) органов, контролирующая исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными договорными органами.

В сфере административных правоотношений

Вопросы выдворения

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека¹

Сообщение: *А.Х.С. против Дании*. Сообщение № 2473/2014. Решение принято Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 28 марта 2017 г.

Тема сообщения: невыдворение (non-refoulement); произвольный арест и задержание.

Вопрос существа: пытки; произвольный арест и задержание.

Правовые позиции Комитета: пункт 12 [3] замечания общего порядка № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государство-участник Пакта, в котором он ссылается на «обязательство государств не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять каким-либо иным образом лицо со своей территории, когда имеются серьезные основания полагать, что существует реальная опасность причинения невозместимого вреда такого, как предусмотренный в статьях 6 и 7 Пакта». Комитет... указывает, что такая

¹ Комитет по правам человека действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (далее – Пакт) и Факультативного протокола к указанному Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства – продолжателя Союза ССР признаёт компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под её юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

опасность должна существовать лично для человека и что при рассмотрении вопроса о весомости оснований для установления наличия реальной опасности причинения невозместимого вреда применяется высокий порог². Комитет также ссылается на свою правовую практику, отмечая при этом необходимость должным образом учитывать оценку, проводимую государством-участником, и указывая, что рассмотрение или оценка фактов и доказательств для определения такой опасности, как правило, должны производиться органами государств – участников Пакта, если только не будет установлено, что такая оценка носила явно произвольный характер либо была равнозначна очевидной ошибке или отказу в правосудии³ (пункт 7.5 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что Совет⁴ тщательно изучил жалобу автора и проанализировал его личные и семейные обстоятельства. Он признал, что ни автор, ни его семья никогда не участвовали в какой-либо политической деятельности, что автор не привел убедительных причин конфликта с семьей своей жены, что его заявления по ряду ключевых моментов были противоречивы и неконкретны и что он не представил внятного и логичного объяснения причин, по которым он якобы подвергался преследованиям со стороны ХАМАС. На основе личных собеседований с автором Совет пришел к выводу о том, что заявления автора о его конфликте с ХАМАС в период его работы в университете были недостоверны, что его утверждения о потенциальных нападениях со стороны членов семьи его жены не вызывают доверие и что автору не будет угрожать реальная и личная опасность преследований со стороны ХАМАС в случае его возвращения в Газу. Комитет также принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что оно проанализировало общее положение в Газе на основе постоянно обновляемой справочной информации о стране и не нашло признаков того, что в случае его возвращения в нее автору будет угрожать какая-либо опасность. Автор не пояснил, по каким причинам решение Совета по своему характеру будет являться явно необоснованным или произвольным. Соответственно, Комитет приходит к выводу о том, что автор должным образом не обосновал свою жалобу, согласно которой его принудительная высылка будет равнозначна нарушению статьи 7 Пакта, и признает ее неприемлемой согласно статье 2 Факультативного протокола (пункт 7.6 Решения).

² См. сообщения № 2007/2010, *X против Дании*, Соображения от 26 марта 2014 г., пункт 9.2; № 692/1996, *A.P. Дж. против Австралии*, Соображения от 28 июля 1997 г., пункт 6.6; и № 1833/2008, *X против Швеции*, Соображения от 1 ноября 2011 г., пункт 5.18.

³ См. сообщение № 1957/2010, *З.Х. против Австралии*, Соображения от 21 марта 2013 г., пункт 9.3.

⁴ Датский Апелляционный совет по делам беженцев (далее – Совет).

Выводы Комитета: считать сообщение неприемлемым согласно статье 2 Факультативного протокола (пункт 8 Решения).

Вопросы предоставления гражданства

Практика договорных органов ООН

Комитет по ликвидации расовой дискриминации⁵

Сообщение: *Бьенон Пьетри против Швейцарии*. Сообщение № 53/2013. Мнение принято Комитетом по ликвидации расовой дискриминации (далее – Комитет) 5 декабря 2016 г.

Тема сообщения: право на гражданство без дискриминации; эффективная защита и средство правовой защиты от любых актов расовой дискриминации; обязательство государства-участника принимать меры против расовой дискриминации.

Вопрос существа: дискриминация по признакам национального или этнического происхождения и инвалидности.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает о том, что в его компетенцию не входит оценка толкования национальными органами фактов и национального законодательства, за исключением случаев, когда принятые решения являются явно произвольными или иным образом равносильны отказу в правосудии⁶ (пункт 7.5 Мнения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что решение об отклонении его ходатайства о натурализации, принятое членами муниципального собрания, представляет собой акт расовой дискриминации, поскольку оно было продиктовано его этническим происхождением. В этом контексте заявитель ссылается на выступление одного из членов муниципального собрания, который негативно отозвался о его национальном или этническом происхождении. Комитет... принимает к сведению утверждения заявителя о том, что дискриминационные последствия были замечены общественностью, средствами массовой информации и неправительственными организациями и что натурализация его матери и сестры не дает оснований делать вывод об отсутствии расовой дискриминации в его случае.

⁵ Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации (далее – Комитет) действует на основании Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г. Российская Федерация является участником Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (далее – Конвенция), а также признает компетенцию Комитета на получение индивидуальных сообщений получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

⁶ См. сообщение № 40/2007, *Эр. против Дании*, Мнение, принятое 8 августа 2007 г., пункт 7.2.

Комитет... принимает к сведению утверждение заявителя о том, что предъявляемые в контексте натурализации требования в отношении интеграции не были должным образом соотнесены ни с наличием у него инвалидности, ни с той враждебностью, с которой он столкнулся.... Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что на заседании муниципального собрания 27 марта 2009 г. было выдвинуто несколько доводов против удовлетворения ходатайства заявителя, в том числе упоминались ложные сведения, приведенные им в предыдущем ходатайстве, тот факт, что он не состоял членом ни одной ассоциации инвалидов и не работал в специализированной мастерской для инвалидов, и сделан вывод о том, что он не удовлетворяет критериям интеграции в местную общину. Комитет...отмечает, что три инстанции, пересматривавшие данное решение, в том числе два суда, пришли к заключению о том, что члены муниципального собрания привели доводы против его натурализации, не связанные с его происхождением, а, следовательно, не представлявшие собой расовую дискриминацию. Комитет... отмечает, что Верховный суд признал, что решение заявителя отойти от общественной жизни вполне объяснимо ввиду того неприятия, с которым он столкнулся со стороны отдельных жителей общины в первую очередь из-за того, что он был инвалидом и передвигался на инвалидной коляске⁷, но что у заявителя все равно оставались возможности интегрироваться, несмотря на инвалидность, и что предъявляемые требования были соразмерны его обстоятельствам (пункт 7.3 Мнения).

Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что Верховный суд в достаточной степени не учел, что его инвалидность явилась отягчающим обстоятельством и усугубила решение муниципального собрания об отказе в удовлетворении его ходатайства о натурализации на основании его происхождения, и ввиду этого не изучил вопрос о том, может ли это быть приравнено к двойной дискриминации. Комитет... принимает к сведению утверждение заявителя о том, что дискриминационные высказывания одного из членов собрания повлияли на решение об отказе ему в натурализации и что Суду следовало переложить бремя доказывания на общину Оберрит, с тем чтобы убедительно доказать, что отказ в удовлетворении его ходатайства о натурализации не был мотивирован расовой дискриминацией или двойной дискриминацией... Комитет принимает к сведению утверждения государства-участника о том, что заявления о двойной дискриминации по признаку происхождения и инвалидности не удовлетворяют пороговому условию приемлемости, что заявитель обращался в национальные органы власти и суды с отдельными жалобами на дискриминацию по признаку происхождения и дискриминацию по признаку инвалидности, не проводя между ними какой-либо связи, и что на заседании муниципального

⁷ См. решение Верховного суда от 12 июня 2012 г., пункты 3.1, 3.4 и 4.4.

собрания, состоявшемся 27 марта 2009 г, не прозвучало ни одного замечания по поводу инвалидности заявителя (пункт 7.4 Мнения).

Комитет отмечает, что национальные органы власти и суды в обоснование своих решений ссылались на тот факт, что заявитель не мог претендовать на натурализацию по причинам, не связанным с предполагаемой дискриминацией по признаку его албанского происхождения, в частности потому, что он не сумел интегрироваться в местную общину. В данном случае Комитет считает, что из информации, представленной сторонами, не следует, что отказ в удовлетворении ходатайства заявителя о натурализации был основан на дискриминационных критериях, связанных с его национальным или этническим происхождением... Комитет считает, что в данном случае факт дискриминации по признаку национального или этнического происхождения доказан не был. Что касается утверждений автора о дискриминации по признаку инвалидности, то Комитет считает, что в соответствии со статьей 1 Конвенции он некомпетентен рассматривать отдельное утверждение о дискриминации по признаку инвалидности⁸. В силу вышеизложенного Комитет приходит к выводу о том, что факты, представленные заявителем, не свидетельствуют о нарушении пункта d) iii) статьи 5, рассматриваемого как отдельно, так и в совокупности с подпунктами а) и с) пункта 1 статьи 2 Конвенции (пункт 7.6 Мнения).

Что касается утверждения заявителя о нарушении статьи 6 Конвенции, то Комитет отмечает, что национальные суды рассмотрели его жалобу на дискриминацию и, изучив протоколы заседания муниципального собрания и другие элементы доказывания, пришли к выводу о том, что решение об отказе в удовлетворении его ходатайства о натурализации не было продиктовано дискриминационными мотивами. Комитет... отмечает, что Верховный суд рассмотрел оба утверждения заявителя, касавшихся как дискриминации по признаку национального или этнического происхождения, так и дискриминации по признаку инвалидности. Комитет... отмечает, что, хотя заявитель и не согласен с аргументацией Суда, в информации, имеющейся в распоряжении Комитета, нет ничего, что указывало бы на то, что решение Верховного суда представляет собой нарушение Конвенции. Ввиду этого Комитет не может сделать вывод о том, что было нарушено право заявителя на защиту и средства правовой защиты от расовой дискриминации, закрепленное в статье 6 Конвенции (пункт 7.7 Мнения).

Выводы Комитета: представленные... факты не свидетельствуют о нарушении государством-участником каких-либо положений Конвенции (пункт 10 Мнения).

⁸ См. сообщение *А.В.Р.А.П. против Дании*, пункт 6.3, в котором Комитет заключил, что он правомочен рассматривать утверждения о двойной дискриминации, но что отдельные утверждения о дискриминации по признакам, отличным от изложенных в статье 1 Конвенции, являются неприемлемыми *ratione materiae*.

***В сфере рассмотрения дел об административных
правонарушениях***

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе № 926/08 «*Карелин против России*» (вступило в силу 6 марта 2017 г.), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция) в связи с несоблюдением судами принципа беспристрастности суда при рассмотрении дела об административном правонарушении в отношении *Карелина М.Ю.* ввиду отсутствия в процессе стороны обвинения как в первой, так и в апелляционной инстанции.

Заявитель утверждал, что отсутствие стороны обвинения в деле в отношении него об административном правонарушении повлекло за собой нарушение статьи 6 Конвенции.

Европейский Суд напомнил, что «внешние признаки в суде могут иметь важное значение в судебных разбирательствах, например, для оценки соблюдения требования объективной беспристрастности или ради сохранения доверия, которое суды в демократическом обществе должны внушать обществу... При проведении такой оценки основное внимание должно быть уделено правомерности причины опасаться, что конкретный судья не является беспристрастным, и может ли это опасение быть объективно обосновано» (пункт 52 постановления).

Суд подчеркнул, что «тесная взаимосвязь между различными гарантиями и процессуальными методами, указанными в статье 6 Конвенции, и тем, каким образом они комбинируются для того, чтобы дополнять друг друга в контексте рассматриваемого дела в целях обеспечения принципа справедливости, являющегося основополагающим принципом. Поэтому представляется возможным, что отсутствие органа власти, представляющего обвинение, и, как следствие, его отсутствие в заседаниях судов первой и второй инстанций, могут иметь влияние на то, каким образом предъявляются и подтверждаются обвинения и доказательства в суде, и наоборот» (пункт 59 постановления).

Европейский Суд отметил, что «согласно КоАП РФ производство начинается внесудебными властями... КоАП РФ наделяет прокуроров широкими дискреционными полномочиями возбуждать производства по делу об административном правонарушении, а также, после возбуждения, принимать в них участие. Другими словами, КоАП РФ не требует присутствия прокурора на судебном слушании и не предполагает никаких особенных последствий в случае отсутствия прокурора на таком заседании. Суд отклоняет утверждение Властей, что согласно статье 29.4 КоАП РФ суд первой инстанции имеет возможность потребовать присутствия прокурора. Эта норма содержит исчерпывающий перечень

лиц, присутствие которых может потребоваться в судебном заседании... и на рассматриваемый момент прокурора в этом списке не было» (пункт 61 постановления).

Суд установил, что «роль полиции состояла в том, чтобы составить «протокол об административном правонарушении» и передать его в суд. Нельзя сказать, что на этом этапе разбирательства полиция выступала в качестве «органа правосудия», участвующего в «предъявлении обвинения в уголовном преступлении»... [Н]ельзя сказать, что должностное лицо, ответственное за составление протокола об административном правонарушении или другого протокола, связанного с делом... рассматривалось как сторона разбирательства. Отмечается, что этот сотрудник не может подавать ходатайства в суд первой инстанции, что является неотъемлемой чертой справедливого судебного разбирательства; а также не может обжаловать решение, вынесенное судом. Однако он может быть вызван для предоставления разъяснений... Таким образом, рассматриваемый сотрудник полиции не являлся «органом власти, представляющим обвинение» или «стороной обвинения», то есть не был должностным лицом, уполномоченным выступать против лица, в отношении которого велось производство по делу об административном правонарушении, а также представлять и защищать обвинение от лица государства перед судьей. Следовательно, ... в этом деле, возбужденном в соответствии с КоАП РФ, действительно не было стороны обвинения» (пункты 62, 64–65 постановления).

Европейский Суд отметил, что «протокол об административном правонарушении послужил основой для рассмотрения судьей дела, когда было впервые предъявлено «обвинение» (пункт 66 постановления).

Суд принял во внимание точку зрения Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, состоящую в том, что «протокол о правонарушении мог использоваться или использовался как доказательство. Однако в данном случае текст судебного решения не свидетельствует о том, что протокол о правонарушении, как таковой, рассматривался как доказательство, призванное подтвердить вину обвиняемого... [С]одержащаяся в нем информация могла рассматриваться в качестве доказательства, относящегося к установлению фактических данных. Суд второй инстанции сослался на протокол об административном правонарушении как на устанавливающий «тот факт, что правонарушение имело место»... Протокол об административном правонарушении сопровождался подтверждающими доказательствами... Лицо, в отношении которого велось производство по делу, имело возможность оспаривать информацию протокола об административном правонарушении, по сути с формальной или процессуальной точки зрения, во время рассмотрения дела судьей... [В] соответствии с КоАП РФ требовалось слушание дела... и таковое в настоящем деле состоялось в судах первой и второй судебных заседаний... [Н]а стадии разбирательства

в судах первой и апелляционной инстанции[й] в отношении заявителя состоялись открытые слушания. Во время них не присутствовал никто, кто мог бы оппонировать заявителю» (пункты 66–67 постановления).

Суд подчеркнул, что «вопрос о беспристрастности был поднят заявителем в связи с устным и открытым слушанием, состоявшемся в ходе этого дела...[О]тсутствие стороны обвинения имело влияние на юридическую силу презумпции невиновности во время судебного разбирательства и, косвенно, на вопрос о беспристрастности суда первой инстанции, и наоборот...Пункт 2 статьи 6 Конвенции защищает право человека «считаться невиновным, до тех пор пока его виновность не будет установлена в законном порядке». Презумпция невиновности будет нарушена в том случае, когда на практике или ввиду применения действующего законодательства (например, правовой презумпции) бремя доказывания переносится со стороны обвинения на сторону защиты» (пункты 71–72 постановления).

Европейский Суд установил, что «суд первой инстанции не имел иного варианта, кроме как взять на себя задачу предъявления – и, что более важно, [–] нести бремя подтверждения...обвинения в ходе слушания дела» (пункт 73 постановления).

Суд отметил, «КоАП РФ предусматривает, что суд первой инстанции может сам решать, требовать ли дачи устных показаний, или истребовать дополнительные документы, или назначать экспертизу. Власти указали, что такое решение может приниматься, «помимо прочего, на основании запроса лица, против которого ведется производство по делу». Из этого следует, что это также может означать тот факт, что такие решения могут приниматься судом первой инстанции по собственной инициативе» (пункт 74 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «в тех случаях, когда слушание дела оценивается как благоприятный фактор (например, из-за того, что есть угроза возможного наказания в виде содержания под стражей, как в настоящем деле) для судебного определения «уголовного обвинения» лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, и в тех случаях, когда, получив адекватную возможность присутствовать на судебном заседании, сторона защиты не отказалась от нее в установленном порядке, присутствие на суде стороны обвинения, как правило, целесообразно, чтобы избежать законных сомнений, которые иначе могут возникнуть, в отношении беспристрастности суда» (пункт 76 постановления).

Суд отметил, что «[в] отличие от гражданских дел, в которых сторона может отказаться от возможности присутствовать на слушании дела, в уголовном или приравненном к нему деле, ситуация может отличаться, т. к., хотя судья и является главным блюстителем закона при судопроизводстве, в деле с государственным обвинением обычно именно задачей государственного органа власти является изложение и

обоснование уголовного обвинения с целью состязательного спора с другой стороной или с другими сторонами по делу» (пункт 77 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «производство по жалобе в суде второй инстанции было инициировано заявителем. На тот момент должностное лицо, которое возбудило дело об административном правонарушении, не было уполномочено обжаловать решение суда первой инстанции по делу об административном правонарушении, тогда как прокурор имел такое право вне зависимости от того, участвовал ли он в заседании суда первой инстанции» (пункт 78 постановления).

Суд отметил, что «проблема, связанная с неучастием в деле органа власти, представляющего обвинение, может быть иной при рассмотрении жалобы, когда суд второй инстанции проверяет по просьбе лица, в отношении которого принято постановление по делу об административном правонарушении, законность и обоснованность вынесенного решения... [П]осле того как... «обвинение[е]» было «определено» в порядке, лишенном недостатков, рассмотренных выше, а лицо, в отношении которого было вынесено постановление по делу об административном правонарушении, подало жалобу только по вопросам права, роль обвинения могла быть воспринята как менее обязательная, в том числе и в том, что касается принципа беспристрастности» (пункт 81 постановления).

Суд установил, что «законом был определен такой объем производства по жалобе в соответствии с КоАП РФ, который бы предоставил суду второй инстанции возможность заново оценить имеющиеся доказательства, изучить дополнительные доказательства и проверить дело в целом, вне зависимости от того, есть ли такой запрос в жалобе... [С] точки зрения закона, суд второй инстанции имел право действовать таким образом, который мог бы устранить некоторые недостатки, негативно повлиявшие на справедливость производства по делу в суде первой инстанции» (пункт 82 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «учитывая широкий установленный законом объем проверки дела по жалобе, требование беспристрастности должно также соблюдаться и в разбирательствах, проводимых в суде второй инстанции... [О]тсутствие стороны обвинения в производстве по жалобе в суде второй инстанции также являлось серьезным недостатком. Таким образом, производство по делу в суде второй инстанции не устранило вопрос о беспристрастности, возникший при рассмотрении дела в суде первой инстанции... Следовательно, было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении требования беспристрастности» (пункты 83–84 постановления).

Условия содержания в местах лишения свободы

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе № 44694/13 *«Колесникович против России»* (вынесено 22 марта 2016 г., вступило в силу 12 сентября 2016 г.), которым установлено нарушение статей 3 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция) в связи с необеспечением заявителю надлежащей медицинской помощи во время его содержания в следственном изоляторе и отсутствием у заявителя эффективных средств правовой защиты от соответствующих нарушений.

Заявитель жаловался, ссылаясь на статью 3 Конвенции, что власти не приняли никаких мер для защиты его здоровья и благополучия и не предоставили ему надлежащую медицинскую помощь.

Он также утверждал, что в его распоряжении не было эффективного средства правовой защиты в отношении жалобы на нарушение его прав на защиту от жесткого обращения с ним, как того требует статья 13 Конвенции.

Европейский Суд установил, что «до задержания заявитель неоднократно проходил лечение в гражданских больницах...В период содержания под стражей состояние его здоровья ухудшилось» (пункт 72 постановления).

Суд отметил, что «после задержания заявителя властям сразу стало известно о его многочисленных проблемах со здоровьем... Тем не менее, они лишь ограничились установлением отсутствия противопоказания для содержания заявителя под стражей. В течение первых двух лет содержания под стражей медицинский надзор за заявителем не осуществлялся. Власти обратили внимание на его проблемы со здоровьем только после того, как состояние его здоровья ухудшилось до такой степени, что заявитель не мог больше принимать участия в слушаниях» (пункт 73 постановления)

Европейский Суд обратил внимание на довод заявителя о том, что «в ряде случаев власти не выдавали ему назначенных лекарственных препаратов. Принимая во внимание тот факт, что на момент рассматриваемых событий заявитель находился под контролем властей и, следовательно, являлся особенно уязвимым, Суд считает, что бремя доказывания факта выдачи заявителю лекарственных препаратов лежит на властях. В соответствии с российским законодательством, каждая доза назначенных медикаментов должна быть зафиксирована в медицинской карте заключенного...Тем не менее, власти не представили документов о принятии заявителем лекарственных препаратов» (пункт 74 постановления).

Суд подчеркнул, что «[о]бстоятельства дела свидетельствуют о том, что лечение заявителя не было направлено на сокращение частоты рецидивов. Его лечение не являлось предусмотрительным и, следовательно, не являлось эффективным...[В]ласти не создали условий, необходимых для соблюдения назначенного лечения, в частности, не обеспечили выдачу заявителю необходимых лекарственных препаратов

под надзором и наблюдением медицинского персонала тюрьмы и соблюдение предписанного режима, что является важным элементом эффективного лечения заболевания» (пункты 76-77 постановления).

Суд также отметил, что «[Г]оспитализация была необходима для постановки корректного диагноза и назначения надлежащего лечения... [П]отребовалось несколько месяцев для перевода заявителя из следственного изолятора в больницу, расположенную в том же городе» (п. 78 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «неоказание властями необходимой медицинской помощи заявителю в его тяжелом состоянии представляет собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в значении статьи 3 Конвенции» (п. 80 постановления).

Относительно исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты и предполагаемого нарушения статьи 13 Конвенции... Суд отметил, что «[З]аявитель жаловался на плохое состояние здоровья и бездействие властей в отношении его проблем со здоровьем в суд в рамках уголовного судопроизводства по его делу; кроме того, он подавал в суд иск против администрации тюрьмы... Это явно представляло собой попытки привлечь внимание властей к состоянию своего здоровья» (пункт 63 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «предложенные властями средства правовой защиты не являлись эффективным средством правовой защиты, которое могло бы быть использовано для предотвращения предполагаемых нарушений или их продолжения с предоставлением заявителю надлежащего и достаточного возмещения в связи с его жалобами на нарушение статьи 3 Конвенции... [З]аявитель не располагал эффективным внутригосударственным средством правовой защиты в отношении своих жалоб на нарушение статьи 13 Конвенции» (пункты 65–66 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе № **52526/07** «*Макшаков против России*» (вынесено 24 мая 2016 г., вступило в силу 24 августа 2016 г.), которым отклонена жалоба *Макшакова Н.В.* на якобы имевшие место ненадлежащие условия содержания в лечебном исправительном учреждении.

Вместе с тем, установлено нарушение статьи 3 и статьи 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция) в связи с необеспечением заявителю, страдающему туберкулезом, медицинской помощи с учетом состояния его здоровья и отсутствием у него эффективных средств правовой защиты от соответствующих нарушений.

Европейский Суд установил, что «основным вопросом при оценке условий содержания под стражей является... площадь [личного протсранства], предоставляемая в заключении... Заявитель утверждал, что

содержался в стесненных условиях...где каждому заключенному предоставлялось 3,6 кв. м личного пространства...Власти оспорили доводы заявителя, утверждая, что ему всегда предоставлялось более 4 кв.м личного пространства. Они подкрепили свои доводы справками, выданными администрацией следственных изоляторов, выдержками из журналов о перемещении заключенных, фотографиями и показаниями других заключенных» (пункт 60 постановления).

Оценив представленные сторонами доказательства, Европейский Суд принял документы, представленным властями, и отклонил утверждение заявителя о переполненности камер в период его содержания под стражей.

Суд посчитал, что «нехватки спальных мест в камерах не было и что в распоряжении заявителя имелось как минимум 4 кв. м личного пространства. Нельзя сказать, что общий размер его камер был настолько мал, что ограничивал свободу передвижения заключенных сверх тех пределов, которые допускаются статьей 3 Конвенции...Окна в камерах...пропускали достаточно дневного света в камеру. Оконную форточку...можно было открыть для доступа свежего воздуха. Камеры были дополнительно оборудованы источниками искусственного света и вентиляцией, функционирующими должным образом...[В] камерах размещался обеденный стол. С одной стороны туалет отделяла высокая перегородка, с другой стороны была установлена дверь, в результате чего получалась кабинка, которая полностью скрывала находившегося внутри нее заключенного. В камерах была холодная проточная вода, и раз в неделю заключенные могли принимать душ. В карцерах, где заявитель находился в одиночном заключении, санузел был отделен занавесками...[З]аявителю ежедневно предоставлялось время для упражнений во дворе в течение часа. Он также мог передвигаться между помещениями медицинского блока во время прохождения стационарного лечения (пункты 61–64 постановления).

Несмотря на то, что Европейский Суд признал, что некоторые аспекты условий содержания заявителя под стражей не соответствовали Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными, Европейским пенитенциарным правилам и рекомендациям Комитета по предупреждению пыток, он не посчитал, что «условия содержания под стражей заявителя достигли минимального уровня жестокости, необходимого для того, чтобы характеризовать обращение с ним как бесчеловечное или унижающее достоинство по смыслу статьи 3 Конвенции» (пункт 65 постановления).

Таким образом Суд заключил, что «нарушения статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания заявителя под стражей в больнице СИЗО допущено не было» (пункт 66 постановления).

Тем не менее, Европейский Суд также пришел к выводу, что «заявитель не имел в своем распоряжении эффективных средств правовой

защиты в отношении своей жалобы, касающейся условий его содержания под стражей в больнице СИЗО...Соответственно...было допущено нарушение требований статьи 13 Конвенции (пункты 70–71 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что власти не приняли никаких мер для защиты его здоровья и благополучия и не оказали ему надлежащей медицинской помощи в нарушение статей 3 и 13 Конвенции.

Европейский Суд установил, что «[заявитель] заболел туберкулезом во время содержания под стражей...[Д]анное обстоятельство...само по себе не подразумевает нарушения статьи 3 Конвенции при условии, что заявитель проходил лечение» (пункт 93 постановления).

Суд отметил, что «у заявителя диагностировали туберкулез в 2006 году... [П]отребовалось более семи лет, чтобы взять его под контроль» (пункт 94 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «осознает субсидиарный характер своих функций и учитывает необходимость проявлять осторожность при принятии на себя роли суда первой инстанции, устанавливающего факты, когда это не представляется неизбежным с учетом обстоятельств конкретного дела» (пункт 95 постановления).

Европейский Суд отклонил доводы властей о том, что «конфликтное поведение заявителя подрывало эффективность его терапии...[З]аявитель прервал свое лечение в первый раз в июне 2008 года,...то есть более чем через полтора года начала терапии, которая оказалась неэффективной и не улучшила состояние заявителя. Поэтому он считает, что решение заявителя прервать лечение было не более, чем правомерной попыткой привлечь внимание властей к низкому качеству медицинской помощи. Принимая во внимание, что перерыв длился менее месяца, Европейский Суд не согласен с тем, что перерыв мог существенным образом повлиять на качество лечения заявителя» (пункт 100 постановления).

Европейский Суд заключил, что «власти не представили достаточных доказательств, на основании которых он мог бы прийти к выводу о том, что длительный период болезни заявителя туберкулезом был вызван другими обстоятельствами, а не неправильным подходом к лечению болезни. О неспособности российских властей обеспечить надлежащий медицинский уход заявителю явно свидетельствует и отсутствие лекарственной терапии на начальной стадии лечения и незаконченная лекарственная терапия на последних стадиях. Неспособность властей провести тест на лекарственную чувствительность могла негативно повлиять на реальную вероятность успешности лечения заявителя. В результате заявителю были причинены продолжительные психологические и физические страдания, унижающие его человеческое достоинство. Непредоставление властями необходимой медицинской помощи заявителю составляло бесчеловечное и унижающее достоинство обращение по смыслу статьи 3 Конвенции» (пункт 101 постановления).

В отношении нарушения статьи 13 Конвенции, Суд отметил, что «[с] учетом серьезных проблем со здоровьем заявителя, а также степени серьезности его утверждений о том, как власти на них реагировали, Европейский Суд по[считал], что он [заявитель] небезосновательно жаловался на ненадлежащее качество медицинской помощи, оказываемой ему во время нахождения под стражей, и что власти были обязаны предоставить ему эффективное средство правовой защиты для разрешения его жалоб. Принимая во внимания обстоятельства настоящего дела, а также изложенную выше прецедентную практику, Суд не видит оснований для отступления от своих предыдущих выводов по этому вопросу. Европейский Суд при[шел] к выводу, что предложенные властями средства правовой защиты не являлись эффективным средством правовой защиты, которое могло бы быть использовано для предотвращения предполагаемых нарушений или их продолжения с предоставлением заявителю надлежащего и достаточного возмещения в связи с его жалобами на нарушение статьи 3 Конвенции» (пункт 88 постановления).

Соответственно, Суд отклонил возражения властей о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты и пришел к выводу о том, что было допущено нарушение статьи 13 Конвенции (пункт 89 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобам № 11215/10 и № 55068/12 «*Долгов и Силаев против России*» (вынесено и вступило в силу 4 октября 2016 г.), которым отклонена жалоба *Долгова В.И.* на якобы имевшее место необеспечение ему надлежащих условий содержания в исправительной колонии.

Вместе с тем, установлено нарушение российскими властями статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция) в связи с необеспечением *Силаеву С.А.* надлежащих условий содержания в исправительной колонии.

Европейский Суд отметил, что «учреждение, в котором содержался первый заявитель, не было переполненным, и в распоряжении первого заявителя имелось не менее трех квадратных метров площади камеры... Количество спальных мест было достаточным для заключенных, и нельзя сказать, что общие размеры камер являлись настолько небольшими, что приводили к ограничению свободы передвижения заключенных ниже границы, допустимой согласно статье 3 [Конвенции]... Туалет был отделен от остального пространства камеры и был оборудован дверью; это обеспечивало некоторую уединенность при его использовании. После удаления металлических ставней с окон доступ к естественному освещению и воздуху также являлся достаточным» (пункт 25 постановления).

Суд не смог прийти к выводу о том, что «условия содержания первого заявителя, хоть далеко не надлежащие, достигли границы

жестокости, требуемой для характеристики обращения в качестве бесчеловечного или унижающего достоинство согласно значению статьи 3 Конвенции. Следовательно, не имело место нарушение этого положения в отношении первого заявителя» (пункт 25 постановления).

Что касается второго заявителя, который находился в течение более чем двенадцати лет в камерах без водопровода и канализации, Суд пришел к выводу, что «отсутствие доступа к надлежащему санитарному оборудованию[ю], особенно в течение такого продолжительного периода времени, и, как следует из обстоятельств дела, без надежды на улучшение условий в ближайшем будущем, самого по себе достаточно для обнаружения нарушения статьи 3 [Конвенции]...Такие условия унижали человеческое достоинство заявителя и приводили к возникновению у него чувства отчаяния и неполноценности, способных унижить его...Следовательно, в отношении второго заявителя имело место нарушение статьи 3 Конвенции» (пункт 26 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе № 78774/13 «*Топехин против России*» (вынесено 10 мая 2016 г., вступило в силу 17 октября 2016 г.), которым отклонена жалоба *Топехина В.А.* на якобы имевшее место необеспечение ему надлежащей медицинской помощи в следственном изоляторе.

Отклонена также жалоба заявителя на нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция) в связи с якобы имевшим место необоснованно длительным содержанием его под стражей.

Вместе с тем, установлено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с необеспечением *Топехину В.А.* надлежащих условий содержания в следственных изоляторах и транспортировки заявителя до исправительной колонии, пункта 4 статьи 5 Конвенции - в связи с ненадлежащим рассмотрением городским судом жалоб заявителя на постановления о заключении его под стражу.

Заявитель жаловался, ссылаясь на статью 3 Конвенции, на то, что ему не было предоставлено надлежащего лечения в заключении и что условия содержания его под стражей и перевозки в исправительную колонию унижали его достоинство.

Европейский Суд отметил, что он был вынужден провести непосредственную оценку значительного количества медицинских документов в целях определения, были ли соблюдены гарантии статьи 3 Конвенции в настоящем деле (пункт 72 постановления).

Суд подчеркнул, что «Власти предоставили исчерпывающие медицинские документы, включая медицинскую карту заявителя, составленную в заключении, эпикриз, результаты анализов и медицинские заключения. Документы относятся ко всему периоду содержания под

стражей. Заявитель не оспаривал подлинность или качество этих документов» (пункт 73 постановления).

Европейский Суд установил, что «как только органы власти узнали о проблемах со здоровьем у заявителя, они назначили ему схему лечения... Через несколько дней он поступил в тюремную медсанчасть, где прошел необходимые исследования для установления точного и правильного диагноза. Его осматривали разные врачи... [и] ему было предписано комплексное лечение... За этим последовали дальнейшие комплексные освидетельствования... Они были назначены и проведены вовремя и надлежащим образом... Схема приема лекарств заявителем была дополнена по необходимости, и стратегия его лечения вышла далеко за рамки действий, направленных только на обезболивание. Она была направлена на полное восстановление утраченной функции нижних конечностей. Никакие сведения, находящиеся в распоряжении Суда, не доказывали, что предписанное лечение проводилось ненадлежащим образом или прерывалось. Органы власти в местах содержания под стражей продолжили лечение, предоставляя назначенные лекарства и инъекции независимо от места содержания заявителя под стражей, будь то в больнице или в стандартном учреждении содержания под стражей... Они также назначили ему физиотерапию, обеспечивая ему, таким образом, доступ к ключевому компоненту процесса реабилитации» (пункт 75 постановления).

В этих обстоятельствах Европейский Суд не нашел доказательств в поддержку утверждения заявителя о том, что ухудшение его здоровья было обусловлено недостаточным или некачественным лечением и, таким образом, пришел к выводу, что «национальные органы власти обеспечили заявителю необходимое медицинское обслуживание во время содержания под стражей... [В] этой связи не было допущено нарушения статьи 3 Конвенции» (пункты 76-77 постановления).

Относительно условий содержания заявителя Суд отметил, что «стороны предоставили противоречивое описание условий содержания заявителя под стражей в следственных изоляторах... Власти утверждали, что ему оказывалась помощь работниками патронажной службы и заключенными, тогда как он утверждал, что такую помощь ему оказывали только сокамерники, поскольку в учреждениях не было персонала, оказывавшего ему помощь в повседневной жизни» (пункт 82 постановления).

Европейский Суд установил, что в настоящем деле «Власти... не предоставили никаких доказательств, например, журнала регистрации персонала или справок с места работы, показаний лечащих врачей, медицинского персонала, который предположительно оказывал ему помощь, или, по крайней мере, сокамерников заявителя, подтверждающих, что учреждения содержания под стражей, в которых он находился, имели достаточное количество работников патронажной службы и что персонал

обеспечивал ему необходимую помощь в повседневных нуждах. Заявитель, с другой стороны, не только предоставил подробное и логичное описание обстоятельств, но и передал Суду показания своих сокамерников, подтверждающих его заявления...В этих обстоятельствах Суд заключил, что заявитель был оставлен без поддержки со стороны обученного персонала и был вынужден полностью полагаться на помощь своих сокамерников» (пункт 84 постановления).

Суд также отметил, что «неизбежная зависимость заявителя от его сокамерников и необходимость просить о помощи при проведении процедур интимной гигиены поставили его в крайне дискомфортное положение и негативно повлияли на его эмоциональное состояние, затрудняя его общение с сокамерниками, которые могли быть недовольны обременительными обязанностями, которые они невольно были вынуждены исполнять» (пункт 86 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «условия содержания заявителя под стражей ухудшались в связи с непредоставлением ему, как это следует из документов, представленных сторонами, больничной кровати или какого-либо другого оборудования, например, специального распределяющего давление матраса, который мог обеспечить ему, по крайней мере, минимальный уровень комфорта в течение более года содержания под стражей» (пункт 87 постановления).

Таким образом, Суд постановил, что «условия содержания заявителя под стражей в следственных изоляторах могли расцениваться как бесчеловечное и унижающее достоинство обращение...В данном отношении имело место нарушение статьи 3 Конвенции» (пункт 88 постановления).

В отношении условий перевозки Суд отметил, что «заявителя перевозили в исправительную колонию в стандартных железнодорожных вагонах и [в] тюремных фургонах без специального оборудования, установленного с целью обеспечить удовлетворение потребностей лежащего больного с тяжелым заболеванием позвоночника и проблемами с мочевым пузырем. Первая часть поездки заняла девять часов, в течение которых он был прикован к полке железнодорожного вагона. Поездка, которая не доставила бы серьезных проблем здоровому заключенному, имела очевидно негативные последствия для заявителя» (пункт 91 постановления).

Суд также установил, что «в ходе следующей части поездки...[В]ласти не приняли корректирующих мер с целью удовлетворить потребности заявителя в ходе перевозки, с равнодушием отнесясь к его жалобам на острую боль, когда он лежал на жестком полу тюремного фургона или когда его переносили на одеяле, используемом в качестве носилок. Тот факт, что он лежал прямо на полу тюремного фургона, подвергал его вибрациям от дороги в ходе поездки, и в результате он испытывал дополнительную боль» (пункт 92 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «суммарное воздействие физических условий перевозки заявителя и продолжительности поездки было достаточно серьезным, чтобы расцениваться как бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в значении статьи 3 Конвенции... Таким образом, имело место нарушение требований статьи 3 Конвенции в связи с условиями перевозки заявителя в исправительную колонию» (пункты 94–95 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на пункт 3 статьи 5 Конвенции, на нарушение его права на рассмотрение дела в разумный срок и утверждал, что постановления о заключении его под стражу не имели достаточных оснований.

Европейский Суд установил, что «[з]аявитель был арестован 16 июля 2013 г., приговор ему был вынесен 13 января 2014 г. Таким образом, рассматриваемый период составляет чуть менее шести месяцев» (пункт 102 постановления).

Суд подчеркнул, что «[т]яжесть обвинений является одним из факторов оценки потенциальной возможности заявителя избежать правосудия, совершить правонарушение повторно, либо воспрепятствовать правосудию... [Н]есмотря [на] тот факт, что строгость приговора является важным элементом оценки риска того, что обвиняемый скроется от правосудия или повторно совершит преступление, необходимость продления срока лишения свободы не может оцениваться исключительно с абстрактной точки зрения, принимая во внимание только тяжесть преступления. Также продление заключения не должно предвосхищать обвинительный приговор» (пункт 104 постановления).

Суд отметил, что «при продлении срока содержания заявителя под стражей российские суды придавали особое значение угрозе его побега. Оценка этой угрозы была основана на его предыдущем поведении, а именно, на его попытке скрыться и его побеге с января по июль 2013 года; отсутствии у него работы и, таким образом, отсутствии его привязки к месту проживания в г. Москве, а также обнаружении полицией фальшивого паспорта» (пункт 105 постановления).

Европейский Суд согласился с обоснованностью опасений российских судов, что заявитель был способен скрыться. Он установил, что «[п]редоставленные ими доказательства убедительно продемонстрировали, что такая угроза существовала. Заявитель ранее пытался скрыться... и снова продемонстрировал органам власти свое намерение сбежать, когда они обнаружили фальшивый паспорт... Отсутствие у него работы не могло само по себе требовать его содержания под стражей, но могло укрепить выводы российских судов о том, что с его стороны имелась угроза побега» (пункт 106 постановления).

Суд также подчеркнул, что «при решении вопроса о необходимости продления содержания заявителя под стражей российские суды принимали во внимание его состояние после заслушивания лечащих врачей или

исследования других медицинских документов...[С]остояние здоровья заявителя существенно изменилось в октябре 2013 года, когда он утратил способность передвигаться без помощи. В ноябре 2013 года, по-видимому, у него полностью отнялись ноги...[Э]ти обстоятельства снизили риск его побега, [однако] угроза не была полностью устранена, с учетом его изобретательности в случае, когда речь идет о его финансовом положении, а также его способности организовать побег, в том числе с помощью подделки документов...[Р]оссийские суды всесторонне оценили и взвесили риск, о котором идет речь» (пункт 107 постановления).

Европейский Суд заключил, что «заявитель находился в предварительном заключении менее шести месяцев. Внутригосударственные суды провели оценку добросовестности следственных органов и пришли к заключению, что продолжительность расследования была обоснована сложным характером дела...[В] предоставленных материалах дела отсутствуют сведения, демонстрирующие какой-либо существенный период бездеятельности со стороны обвинения или суда...В таких обстоятельствах нельзя сказать, что компетентные внутригосударственные органы не продемонстрировали особой тщательности при проведении расследования по делу заявителя...Соответственно, нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции допущено не было» (пункты 109-110 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на пункт 4 статьи 5, на то, что его жалобы на постановления о заключении под стражу рассматривались с задержками.

Европейский Суд пришел к выводу, что «жалобы заявителя в отношении постановлений о заключении под стражу от 16 июля и от 13 сентября 2013 г. были рассмотрены внутригосударственными судами в течение тридцати четырех и шестидесяти дней соответственно...В этих обстоятельствах...имело место нарушение данного положения» (пункт 115 постановления).

См. также нижеприводимое постановление Европейского Суда по жалобе № 17564/06 «*Садретдинов против России*» (вынесено 24 мая 2016 г., вступило в силу 24 августа 2016 г.), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. в связи с необеспечением *Садретдинову Ф.Х.* надлежащей медицинской помощи в следственном изоляторе.

См. также поступившие в Верховный Суд Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека, содержащие констатацию нарушения положений статьи 3 Конвенции в связи с необеспечением заявителям надлежащих условий содержания в местах лишения свободы. Постановление по жалобе № 42526/07 «*Г. против России*» (вынесено 21 июня 2016 г., вступило в силу 21 сентября 2016 г.), № 28682/07, 24101/08, 7288/09, 18211/09, 32285/09, 42339/09, 73440/10,

58920/11, 68901/11, 37207/12, 37214/12, 59283/12, 62167/12, 74207/12, 46366/13, 56680/13 *«Бадретдинов и другие против России»* (вынесено и вступило в силу 19 июля 2016 г.), № 28625/13, 49945/13, 67302/13, 43672/14 *«Шамраев и другие против России»* (вынесено и вступило в силу 30 июня 2016 г.), № 24056/13, 29927/13 и 61878/13 *«Руденков и другие против России»* (вынесено и вступило в силу 22 сентября 2016 г.), № 10727/07 *«Лавейкин против России»* (вынесено и вступило в силу 10 января 2017 г.), № 18046/12, 11771/14, 2507/14, 2788/14, 3069/14, 3361/14, 5779/14, 42337/14, 51543/14, 51955/14 *«Устинов и другие против России»* (вынесено и вступило в силу 4 мая 2017 г.).

В сфере гражданско-правовых отношений

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе № 63508/11 *«Поняева и другие против России»* (вынесено 17 ноября 2016 г., вступило в силу 24 апреля 2017 г.), которым установлено нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция), выразившееся в непропорциональном вмешательстве в имущественные права заявителей ввиду вынесения судами решений об аннулировании регистрации права собственности заявителей – добросовестных приобретателей на квартиры (со ссылкой на незаконную приватизацию соответствующих жилых помещений предыдущими собственниками), истребовании квартир из их владения, признании права собственности публично-правовых образований на спорное недвижимое имущество и выселении из него заявителей.

Заявители ссылались на то, что они были лишены права собственности на имущество в нарушение требований статьи 1 Протокола №1 к Конвенции.

Рассматривая вопрос приемлемости жалобы, Европейский Суд напомнил, что «понятие «имущество», закрепленное в первом абзаце статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, имеет автономное значение, которое не ограничивается владением материальными благами и не зависит от формальной классификации данного полномочия в национальном законодательстве. Наряду с материальными благами, в качестве «имущественных прав» и, соответственно, «имущества» для целей настоящего положения могут рассматриваться и некоторые иные права и интересы. В каждом случае представляется необходимым рассмотреть вопрос о том, имеется ли у заявителя, с учетом всей совокупности обстоятельств конкретного дела, значительный интерес, находящийся под защитой статьи 1 Протокола № 1» (пункт 34 постановления).

Суд установил, что «в то время, когда первая заявительница была законным владельцем и обладала правом собственности в отношении квартиры, которая составляла ее «имущество» в значении статьи 1

Протокола № 1 к Конвенции, вторая и третья заявительницы не являлись собственниками квартиры и жили там только на основании родственных связей с первой заявительницей, т. е. в качестве ее дочерей» (пункт 35 постановления).

Европейский Суд отметил, что он «не исключает того, что лицо, наделенное правом использования жилого помещения и не являющееся его собственником, может обладать определенным имущественным правом или интересом в отношении указанного помещения, признаваемым в национальном законодательстве, и такой интерес будет рассматриваться в качестве «имущества», находяще[го]ся под защитой статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Однако, по общему правилу, право проживания в конкретном помещении, не находящимся в собственности заявителя, не относится к «имуществу» по смыслу указанного положения» (пункт 36 постановления).

Суд заключил, что «что в своих замечаниях заявители не представили ссылки на какие-либо положения национального законодательства или фактические обстоятельства дела, на основании которых Суд мог бы прийти к выводу о том, что предоставленное второй и третьей заявительницам право проживания в квартире свидетельствует [о] наличии у них «имущества» по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции... Таким образом,... заявители не могут утверждать, что положения указанной статьи применимы в отношении них. Из этого следует, что поданная второй и третьей заявительницами жалоба несовместима *ratione materiae*⁹ с положениями Конвенции по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции и должна быть отклонена в соответствии с пунктом 4 статьи 35 Конвенции» (пункт 37 постановления).

Изучая вопрос исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты, Суд отметил, что «никаких дополнительных мер, предусмотренных российским законодательством, направленных против такого решения, которые теоретически могли бы привести к восстановлению права собственности заявителя, предпринято не было...[В]озможность подачи иска о возмещении убытков при данных обстоятельствах не лишила бы заявителя статуса жертвы для целей жалобы по статье 1 Протокола № 1 к Конвенции. Эта возможность также не могла рассматриваться как необходимая для соблюдения правила исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты по смыслу пункта 1 статьи 35 Конвенции...[Л]юбое возмещение убытков, которое первая заявительница могла бы получить от продавцов квартир, могло быть принято во внимание только для целей оценки пропорциональности вмешательства и морального ущерба, если нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции было бы выявлено судом, и если справедливая

⁹ «Ввиду обстоятельств, связанных с гарантируемыми в договоре правами и свободами», предметный критерий.

компенсация была бы присуждена согласно статье 41 Конвенции» (пункт 40 постановления).

Рассматривая жалобу по существу, Европейский Суд отметил, что «сложность рассматриваемых фактических и правовых вопросов в рассматриваемом деле не позволяет отнести его в одну из категорий, указанных во втором предложении первого пункта или во втором пункте статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции... Таким образом [необходимо рассматривать] ситуацию в свете общего правила, установленного первым пунктом статьи 1 Протокола № 1» (пункт 47 постановления).

Суд также установил, что «[в] отношении законности лишения права собственности первой заявительницы на квартиру и принимая во внимание ее доводы о том, что национальные суды не смогли установить предварительное условие, позволившее городу Москве восстановить право собственности на квартиру, Суд не может исключать возможности, что в настоящем деле могло иметь место существенное нарушение национального законодательства» (пункт 50 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «право первой заявительницы было аннулировано, так как сделка, в результате которой квартира была приватизирована третьими лицами, являлась мошеннической... [О]пределение условий и процедур, на основании которых происходит отчуждение государственных активов в пользу частных лиц, по мнению государства имеющих на это право, и контроль соблюдения этих условий относится к исключительной компетенции государства. К исключительной компетенции государства также относится легализация передачи права собственности на квартиру посредством процедуры регистрации, специально разработанной для обеспечения дополнительной безопасности приобретателя права. При наличии такого большого количества управляющих органов, предоставивших разрешение на передачу права собственности на квартиру, в обязанности первой заявительницы или третьих лиц не входила оценка риска лишения права собственности в связи с недостатками, которые должны были быть исключены посредством процедур, специально для этого разработанных. Заблуждение властей не может оправдать последующее наказание первой заявительницы» (пункт 53 постановления).

Суд отметил, что «первая заявительница была лишена права на квартиру без материальной компенсации, и что государство не предложило ей жилья взамен. В отношении довода Властей, что убытки заявительницы могли бы быть возмещены, если бы она подала иск к продавцам квартиры о возмещении убытков, Суд признает, что данная возможность ей доступна. Вместе с тем, в конкретных обстоятельствах данного дела ясно, что возмещение убытков нельзя перенести на более поздний срок, что касается лица, допустившего мошенничество, так как уголовное расследование длится с 2006 года, а лицо, причастное к совершению преступления не установлено. С учетом того, что рассматриваемые

события произошли в 2004 году, шансов установить лицо, причастное к совершению преступления, на данном этапе практически нет. Довод Властей может толковаться только в качестве предположения того, что заявительница переложит свое чрезмерное индивидуальное бремя на других добросовестных приобретателей квартиры, и Суду сложно понять, как это поможет улучшить баланс между общественным интересом и необходимостью защищать права физических лиц» (пункт 55 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «государственные власти не обеспечили надлежащую экспертную оценку в отношении законности операций с недвижимым имуществом и проверить наличие противоречащих интересов в отношении недвижимого имущества. Вместе с тем, первая заявительница не должна нести риска пересмотра права собственности на квартиру в результате бездействия органов государственной власти при проведении процедур, направленных на предотвращение мошеннических действий при регистрации сделок с объектами недвижимого имущества... [О]шибки или упущения со стороны органов государственной власти должны толковаться в пользу потерпевших лиц. Другими словами, ответственность за последствия ошибки государственного органа должно нести государство, и эти упущения нельзя исправлять за счет лиц, чьи интересы они затрагивают...[Л]ишение первой заявительницы права собственности на квартиру и передача права собственности на квартиру городу Москве являлись для заявительницы непропорциональным и чрезмерным бременем...Соответственно, по настоящему делу было допущено нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции (пункты 56–57 постановления).

См. также поступившие в Верховный Суд Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека, содержащие констатацию нарушения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, выразившееся в непропорциональном вмешательстве в имущественные права заявителей ввиду вынесения судами решений об аннулировании регистрации права собственности заявителей – добросовестных приобретателей на квартиры, истребовании квартир из их владения, признании права собственности публично-правовых образований на спорное недвижимое имущество и выселении из него заявителей.

Постановление по жалобе № 49529/10 *«Николаевы против России»* (вынесено и вступило в силу 6 июня 2017 г.); № 31788/06 *«Аленцева против России»* (вынесено 17 ноября 2016 г., вступило в силу 24 апреля 2017 г.); № 75737/13 *«Андрей Медведев против России»* (вынесено 13 сентября 2016 г., вступило в силу 13 декабря 2016 г.); № 59391/12 *«Анна Попова против России»* (вынесено 4 октября 2016 г., вступило в силу 4 января 2017 г.); № 50775/13 *«Кириллова против России»*

(вынесено 13 сентября 2016 г., вступило в силу 30 января 2017 г.); № 7359/14, 69173/14 «*Лунина и Мухамедова против России*» (вынесено и вступило в силу 13 июня 2017 г.); № 47724/07, 58677/11, 2920/13, 3127/13 и 15320/13 «*Пчелинцева и другие против России*» (вынесено 17 ноября 2016 г., вступило в силу 24 апреля 2017 г.); № 63508/11 «*Ноняева и другие против России*» (вынесено 17 ноября 2016 г., вступило в силу 24 апреля 2017 г.); № 20578/08, 21159/08, 22903/08, 24519/08, 24728/08, 25084/08, 25558/08, 25559/08, 27555/08, 27568/08, 28031/08, 30511/08, 31038/08, 45120/08, 45124/08, 45131/08, 45133/08, 45141/08, 45167/08 и 45173/08 «*Томина и другие против России*» (вынесено 1 декабря 2016 г., вступило в силу 24 апреля 2017 г.); № 18561/10 «*Клименко против России*» (вынесено и вступило в силу 2 мая 2017 г.), № 59291/13, 14636/14 и 14582/15 «*Зимонин против России*» (вынесено и вступило в силу 16 мая 2017 г.).

В сфере социально-трудовых отношений

Практика договорных органов ООН

Комитет по ликвидации расовой дискриминации

Сообщение: *Лоран Габр Габарум против Франции*. Мнение № 52/2012. Мнение принято Комитетом по ликвидации расовой дискриминации (далее – Комитет) 10 мая 2016 г.

Тема сообщения: дискриминация в сфере доступа к занятости, право на равенство перед судами и другими органами, отправляющими правосудие, эффективная защита и эффективные средства правовой защиты от акта расовой дискриминации, перенос бремени доказывания.

Вопрос существа: дискриминация по признаку национальной или этнической принадлежности, перенос бремени доказывания.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела:¹⁰ Комитет принимает к сведению позицию автора, согласно которой работодатель должен был доказать, что он не опирался на какой-то незаконный критерий для оправдания иного обращения с автором по сравнению с его коллегами. Комитет в этой связи напоминает, что от предполагаемых жертв расовой дискриминации не требуется доказывать дискриминационные намерения в их отношении¹¹. В данном случае

¹⁰ Автор утверждает, что государство-участник нарушило статью 2 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года, поскольку, по его мнению, Франция не приняла эффективных мер по криминализации всех форм расистского и ксенофобного поведения и по борьбе с наблюдаемой в обществе «Рено» тенденцией к стигматизации и стереотипизации французов африканского происхождения на основании их цвета кожи или их национального или этно-расового происхождения в нарушение принципов Конвенции.

¹¹ См. Мнение Комитета относительно сообщения № 56/2014, *В.С. против Словацкой Республики*, 4 декабря 2015 г., пункт 7.4.

Комитет отмечает указание апелляционного суда на то, что именно автор должен был доказывать факт недоброжелательного отношения к нему любыми средствами, в том числе путем необходимого сравнения его профессионального положения с положением других. Комитет принимает также к сведению жалобу автора, согласно которой в ходе процесса во внутренних судах, в том числе в апелляционном суде, он представил элементы доказательства, свидетельствующие о применении к нему дискриминационной практики, и что, соответственно, он выполнил свое обязательство представить информацию, необходимую для переноса бремени доказывания. Комитет считает, что тот факт, что суды, в частности апелляционный суд, настоятельно требовали от автора доказать факт наличия дискриминационного намерения, противоречит предусмотренному в Конвенции запрету на любое поведение, имеющее дискриминационные последствия, а также процедуре переноса бремени доказывания, предусмотренной статьей L-1134-1 (прежняя статья L122-45) Трудового кодекса. Поскольку государство-участник само приняло эту процедуру, тот факт, что оно неправильно применяет ее, является нарушением права автора на эффективное средство правовой защиты. Следовательно, Комитет делает вывод, что права автора, предусмотренные в статьях 2 и 6 Конвенции, были нарушены¹² (пункт 7.2 Мнения).

Выводы Комитета: факты...свидетельствуют о нарушении государством-участником статей 2 и 6 Конвенции (пункт 8 Мнения).

В сфере гражданско-процессуальных правоотношений

Практика Европейского Суда по правам человека

См. нижеприводимое постановление Европейского Суда по жалобе № 32013/07 «*Попов против России*» (вынесено и вступило в силу 19 июля 2016 г.), которым установлено, в том числе, нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция) и статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в связи с нарушением права лишённого свободы *Попова Б.А.* на личное участие в судебных заседаниях по его гражданскому делу в районном и краевом судах и чрезмерно длительным исполнением решения районного суда.

В сфере уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

¹² См. сообщения *В.С. против Словацкой Республики*, пункт 7.4, и *Ер против Дании*, пункт 7.4.

Сообщение: *С.Ш. против Казахстана*. Сообщение № 2842/2016. Решение принято Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 28 марта 2017 г.

Тема сообщения: справедливое судебное разбирательство, пытки, незаконное содержание под стражей, дискриминация, неприкосновенность частной жизни, голосование и выборы.

Вопрос существа: справедливое судебное разбирательство, пытки, незаконное содержание под стражей.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что большинство событий, описываемых автором, имели место до 30 сентября 2009 г., т.е. до того, как Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника. Комитет отмечает, что по критерию *ratione temporis*¹³ он не может рассматривать предполагаемые нарушения [Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – Пакт)], имевшие место до того, как Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника, за исключением случаев, когда такие нарушения продолжают допускаться после вступления в силу или когда последствия нарушений также представляют собой нарушение Пакта¹⁴ или являются продолжением нарушения, допущенного ранее¹⁵. В этой связи Комитет отмечает относительно части жалобы автора на незаконное досудебное содержание под стражей сына автора И., что соответствующее разбирательство в национальных судах было завершено до 30 сентября 2009 г. Следовательно, Комитет признает эту часть сообщения неприемлемой *ratione temporis* (пункт 4.3 Решения).

Комитет отмечает..., что автор не исчерпал внутренние средства правовой защиты в том, что касается незаконного обыска его жилья, поскольку он не подал апелляционную жалобу на соответствующее решение в установленные национальным законодательством сроки и не представил объяснений в этой связи¹⁶... Комитет отмечает, что соответствующих жалоб в государственные органы страны или в суды не подавал и сын автора Е. Комитет отмечает..., что И. не исчерпал имеющиеся внутренние средства правовой защиты в отношении условий содержания под стражей и права голоса. Следовательно, Комитет признает сообщение в этой части неприемлемым на основании пункта 2 b) статьи 5

¹³ «Ввиду обстоятельств, связанных с временем», критерий времени.

¹⁴ См., в частности, сообщения № 1367/2005, *Андерсен против Австралии*, решение о неприемлемости, принятое 31 октября 2006 г., пункт 7.3; № 1633/2007, *Аваданов против Азербайджана*, Соображения, принятые 25 октября 2010 г., пункт 6.2; № 2027/2011, *Кушербаев против Казахстана*, Решение, принятое 25 марта 2013 г., пункт 8.2.

¹⁵ См. сообщение № 2027/2011, *Кушербаев против Казахстана*, Решение, принятое 25 марта 2013 г., пункт 8.2.

¹⁶ См. сообщение № 2135/2012, *Ю.З. против Беларуси*, Решение, принятое 3 ноября 2016 г., пункт 7.4.

Факультативного протокола в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты (пункт 4.4 Решения).

Что касается утверждений автора о пытках И. в период его задержания 12 февраля 2009 г. в отделе полиции, то Комитет отмечает, что эти утверждения были расследованы управлением собственной безопасности и рассмотрены судом, в котором проходило разбирательство. Он отмечает также, что автор никак не прокомментировал итоги расследования или выводы суда. Относительно утверждений автора о неправомерном обращении полиции с И. 10 февраля 2016 г. Комитет отмечает, что автор не предоставил информации, свидетельствующей о том, что государственные органы не провели соответствующего расследования, или информации об итогах проведенного расследования. Соответственно Комитет делает вывод о том, что ему не представлено достаточно материалов в обоснование этих утверждений, и считает сообщение в данной части неприемлемым на основании статьи 2 Факультативного протокола в связи с необоснованностью утверждений (пункт 4.5 Решения).

Комитет отмечает утверждения автора о процессуальных нарушениях в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства, а также его утверждения, касающиеся уменьшения срока лишения свободы И. и его досрочного освобождения. Он напоминает, что, как правило, оценка фактов и доказательств по конкретному делу и толкование внутреннего права относятся к компетенции судов государств-участников, если только не может быть установлено, что такая оценка носила явно произвольный характер или была равнозначна отказу в правосудии, либо что суд не исполнил своей обязанности действовать независимо и беспристрастно¹⁷. В отношении настоящего дела Комитет отмечает, что представленные на его рассмотрение материалы не позволяют сделать вывод о том, что оценка судами доказательств носила явно произвольный характер или равнозначна отказу в правосудии. Соответственно Комитет считает сообщение в этой части недостаточно обоснованным и неприемлемым на основании статьи 2 Факультативного протокола (пункт 4.6 Решения).

Комитет отмечает утверждение автора о том, что И. не присутствовал на заседании суда 26 октября 2009 г. по апелляционной жалобе. Вместе с тем Комитет отмечает, что И. был представлен автором сообщения. Поскольку автор никак не пояснил, каким образом его участие в качестве законного представителя сына лишило И. права на справедливое судебное разбирательство, и с учетом особого

¹⁷ См., в частности, сообщения № 1188/2003, *Ридл-Риденштайн и др. против Германии*, Решение о неприемлемости, принятое 2 ноября 2004 г., пункт 7.3; и № 1138/2002, *Аренц и др. против Германии*, Решение о неприемлемости, принятое 24 марта 2004 г., пункт 8.6.

характера апелляционного процесса, Комитет считает утверждение автора о том, что отсутствие И. в ходе слушания по его апелляционной жалобе означает, что судебное разбирательство было несправедливым, недостаточно обоснованным и неприемлемым на основании статьи 2 Факультативного протокола (пункт 4.7 Решения).

Выводы Комитета: признать сообщение неприемлемым по статьям 2 и 5 (2) b) Факультативного протокола (пункт 5 Решения).

Сообщение: *Дмитрий Тянь против Казахстана.* Сообщение № 2125/2011. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 16 марта 2017 г.

Тема сообщения: право не подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению; произвольный арест и задержание; условия содержания под стражей; справедливое судебное разбирательство.

Вопрос существа: пытки; оперативное и беспристрастное расследование; произвольный арест и задержание; справедливое судебное разбирательство; правовая помощь; право на судебное рассмотрение дела в своем присутствии.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению, что утверждения о пытках, выдвинутые автором, относятся к событиям, имевшим место 22 октября 2008 г. и с 25 по 27 октября 2008 г., когда он допрашивался полицейскими сотрудниками соответственно в качестве свидетеля и подозреваемого. Комитет отмечает претензию автора на то, что, поскольку с утра 23 октября 2008 г. он находился под полицейским надзором, он не мог увидеться с медицинским экспертом на предмет обследования после перенесенных им избиений. Комитет также отмечает, исходя из материалов, имеющихся у него в наличии, что 24 и 30 октября 2008 г. автор был обследован медицинскими экспертами, которые не нашли у него на теле никаких следов и не получили от автора никаких жалоб. Автор не оспаривает независимость медицинских экспертов. Комитет также отмечает утверждения автора о том, что расследование его жалоб на пытки со стороны полицейских сотрудников 22 октября 2008 г. не было эффективным. В этом отношении Комитет отмечает, что 9 февраля 2009 г. прокуратура Астаны отменила решение Управления внутренних дел от 29 декабря 2008 г. не возбуждать уголовное расследование против полицейских сотрудников, которые предположительно пытали автора. Комитет отмечает, что резоны, указанные прокуратурой включают неспособность следователей идентифицировать и допросить ряд возможных свидетелей, упомянутых автором. 16 марта 2009 г. после дополнительного расследования Управление внутренних дел отказало в возбуждении уголовного расследования. Комитет отмечает, однако, что решение Управления внутренних дел от 16 марта 2009 г. идентично его решению от 29 декабря

2008 г. и не содержало информации о любых принятых дополнительных следственных мерах. Комитет отмечает доводы отечественных ведомств о том, что утверждения автора о пытках и результаты расследования были рассмотрены судом первой инстанции. Государство-участник, однако, не представило никаких документов в подкрепление своих доводов. Исходя из имеющейся у него информации, Комитет отмечает, что суд первой инстанции не только не рассмотрел утверждения автора о пытках, но и мешал автору говорить о них перед лицом присяжных. В свете вышеизложенного Комитет констатирует, что в силу отсутствия эффективного расследования его утверждений о пытках имело место нарушение прав автора по пункту 3 статьи 2 в сочетании со статьей 7 Пакта (пункт 9.2 Соображений).

Комитет отмечает претензию автора на то, что ему было отказано в праве на участие в слушаниях апелляционного суда 10 ноября 2009 г. В этом отношении Комитет отмечает, что автор ходатайствовал о личном присутствии в суде, а суд, отклоняя его письменный запрос, следовал отечественному закону¹⁸. Комитет...отмечает, что на апелляционных слушаниях автор был представлен четырьмя адвокатами и по крайней мере двое из этих адвокатов представляли его на всем протяжении уголовного разбирательства против него. Комитет находит,... что к настоящему делу применим пункт 3 d) статьи 14, поскольку суд в апелляционном производстве рассматривает дело и с точки зрения факта и с точки зрения права и производит новую оценку по проблеме виновности или невиновности. Комитет напоминает, что пункт 3 d) статьи 14 Пакта требует, чтобы обвиняемые имели право присутствовать в ходе суда над ними, и разбирательства в отсутствие обвиняемых позволительны, только если это отвечает интересам надлежащего отправления правосудия или когда обвиняемые, будучи достаточно заблаговременно уведомлены о разбирательстве, отказываются осуществлять свое право на присутствие¹⁹. Соответственно, в отсутствие адекватного разъяснения со стороны государства-участника Комитет считает, что имеющиеся у него факты вскрывают нарушение пункта 3 d) статьи 14 Пакта. Ввиду этого заключения Комитет постановляет не рассматривать претензии автора по пункту 5 статьи 14 Пакта (пункт 9.3 Соображений).

Комитет далее отмечает претензию автора на то, что суд первой инстанции принял в качестве доказательств его вынужденные признания. Он... отмечает заявление государства-участника о том, что доказательства, рассмотренные судом, были получены законным образом и приняты судом как допустимые. В этом отношении Комитет отмечает, что, как указывает

¹⁸ Согласно пункту 2 статьи 408 Уголовно-процессуального кодекса, присутствие осужденного на слушаниях в суде второй инстанции возможно, только если прокурор требует для этого лица более тяжкого наказания.

¹⁹ См. Замечание общего порядка № 32 (2007) Комитета о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство, пункт 36.

информация в материалах дела, суд первой инстанции не рассматривал то, как полицейскими сотрудниками были получены четыре признания. Ничто в материалах дела не указывает на то, что суд учел, что, когда автор писал признания, он находился под полицейским контролем в центре содержания под стражей и что, поговорив со своими адвокатами, он отрекся от признаний. В этом свете Комитет заключает, что были нарушены права автора по пункту 1 и по пункту 3 г) статьи 14 Пакта (пункт 9.4 Соображений).

Выводы Комитета: информация...вскрывает нарушение государством-участником прав автора по пункту 3 статьи 2, рассматриваемой в сочетании со статьей 7 Пакта, и по пункту 1 и пунктам 3 d) и g) статьи 14 Пакта (пункт 10 Соображений).

Комитет против пыток²⁰

Сообщение: *Эннама Асфари против Марокко*. Решение № 606/2014. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 15 ноября 2016 г.

Тема сообщения: пытки во время содержания под стражей.

Вопрос существа: жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания; обязательство государства-участника проводить беспристрастное расследование; запрет использования в качестве доказательства показаний, полученных под пытками; защита от всех форм запугивания за сообщение об актах пыток.

Правовые позиции Комитета: любое лицо, лишенное свободы, должно иметь возможность пользоваться оперативной и независимой юридической и медицинской помощью и должно быть в состоянии связаться со своей семьей в целях предупреждения пыток²¹ (пункт 13.2 Решения).

[В] статье 13 [Конвенции] предусмотрено также, что каждое государство-участник должно принимать меры по обеспечению защиты истца и свидетелей от любых форм плохого обращения или запугивания в связи с его жалобой или любыми свидетельскими показаниями (пункт 13.6 Решения).

[В]озмещение должно непременно охватывать весь нанесенный ущерб и включать реституцию, компенсацию, а также меры, призванные

²⁰ Комитет против пыток действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. Российская Федерация является участником указанного международного договора и в качестве государства – продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции.

²¹ Замечание общего порядка № 2 (2007) об имплементации статьи 2 государствами-участниками.

гарантировать невозможность повторения нарушений, при обязательном учете обстоятельств каждого дела²² (пункт 13.5 Решения).

Конвенции обусловлена абсолютным запретом пыток и поэтому предполагает обязательство каждого государства-участника проверять, не были ли заявления, используемые в рамках находящегося в его компетенции разбирательства, получены с применением пыток²³ (пункт 13.8 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает утверждение заявителя о том, что физическое насилие, которому он подвергся во время ареста, допроса в полицейском участке, а затем в жандармерии в Эль-Аюне, а также обращение с ним во время его перевозки самолетом в целях получения от него признаний представляют собой акты пытки по причине их тяжести. Комитет отмечает, что в ходе слушаний его дела 12 ноября 2010 г., 12 января 2011 г. и 12 августа 2011 г. заявитель жаловался на обращение, которому он подвергся, однако следственный судья не принял во внимание его утверждения и травмы и не запросил проведения медицинского освидетельствования. Комитет также принимает к сведению утверждения заявителя о том, что такое насилие, ставшее причиной его мучительных страданий на протяжении нескольких месяцев, представляет собой нарушение статьи 1 Конвенции. Комитет отмечает..., что согласно замечаниям государства-участника в ходе упомянутых слушаний ни заявитель, ни его адвокат не пожаловались на применение пыток... Принимая во внимание тот факт, что, по словам заявителя, он не получил доступа ни к одной из этих гарантий, и при отсутствии убедительной информации со стороны государства-участника, ставящей под сомнение эти утверждения, Комитет считает, что, согласно представленным данным, физическое насилие и травмы, которым подвергся заявитель во время его ареста, допроса и содержания под стражей, представляют собой пытку по смыслу статьи 1 Конвенции (пункт 13.2 Решения).

Комитету предстоит также определить, является ли тот факт, что судебные власти не начали расследования по представленным им заявителем утверждениям о пытках, нарушением государством-участником его обязательств по статье 12 Конвенции. Комитет принимает к сведению утверждения заявителя о том, что он 12 ноября 2010 г., имея на лице видимые признаки пытки, следы побоев и кровь, предстал перед военным следственным судьей, который не зафиксировал эти факты в протоколе; впоследствии заявитель недвусмысленно сообщал о пытках, которым он подвергся, следственному судье 12 января и 12 августа 2011 г.; те же утверждения прозвучали в военном трибунале в присутствии

²² См. *Бендиб против Алжира*, пункт 6.7.

²³ См. сообщения № 419/2010, *Ктити против Марокко*, Решение, принятое 26 мая 2011 г., пункт 8.8; и № 193/2001, *П.Е. против Франции*, Решение, принятое 21 ноября 2002 г., пункт 6.3.

Прокурора; и ни разу Прокурор не начал немедленного расследования. Комитет отмечает довод заявителя о том, что подача жалобы в Кассационный суд не может считаться полезным и эффективным средством правовой защиты, поскольку Суд выносит решение о правовой стороне и на основании материалов переданного ему дела, а именно деяний, в совершении которых обвиняют заявителя. Комитет отмечает также доводы государства-участника о том, что заявитель не выдвигал утверждений и не ставил вопроса о применении пыток перед компетентными властями. Он отмечает, что 27 июля 2016 г. Кассационный суд принял решение по ходатайству, поданному заявителем и другими осужденными по этому делу в феврале 2013 года, о передаче дела в Апелляционный суд Рабата по гражданским делам. Комитет также принимает к сведению информацию, представленную государством-участником 4 ноября 2016 г., согласно которой слушания дела заявителя в Апелляционном суде были назначены на 26 декабря 2016 г. Кроме того, Комитет отмечает, что, согласно поступившей к нему информации, предмет кассационной жалобы, которая рассматривалась на протяжении более трех лет, заключался в оценке правильности применения марокканских правовых норм в такого рода деле и не касается утверждений о применении пыток, которые являются предметом рассмотрения настоящей жалобы и по которым в течение почти шести лет не начато никакого расследования. Кроме того, имеющаяся информация не позволяет ему сделать вывод о том, что Рабатский апелляционный суд будет вправе выносить решения по выдвинутым заявителем утверждениям в применении пыток, в частности потому, что Апелляционному суду не было дано никаких указаний по проведению расследований в отношении утверждений о применении пыток. Имеющаяся в распоряжении Комитета информация свидетельствует о том, что Кассационный суд вернул дело в Апелляционный суд, чтобы тот вновь принял по нему решение, в силу того, что военный трибунал не представил явных доказательств того, что заявитель отдавал приказы или подстрекал какую-либо определенную сторону или лиц к совершению преступных деяний, а также его преступного умысла, что при отсутствии указанных элементов делает решение недействительным. В этих обстоятельствах Комитет считает, что вероятность того, что Апелляционный суд рассмотрит утверждения о применении пыток, весьма мала (пункт 13.3 Решения).

Комитет отмечает также, что запроса о проведении медицинского обследования военный следственный судья так и не сделал, хотя заявитель продемонстрировал явные признаки применения физического насилия, и никакого расследования по этому поводу не проводилось. Кроме того, военный трибунал не учел утверждений заявителя о фактах применения пыток при принятии решения о его осуждении, а государство-участник отрицает, что такие утверждения были представлены в ходе разбирательства. Комитет также подчеркивает, что государство-участник

весьма значительно превысило разумные сроки для отправления правосудия по этому делу: прошло почти шесть лет после тех событий и представления первых утверждений о пытках, а никакого расследования не было начато. Кассационная жалоба никоим образом не изменила эту ситуацию, и заявитель по-прежнему находится под стражей исключительно на основании его признательных показаний, подписанных по принуждению. В свете вышеизложенного Комитет считает, что отсутствие какого-либо расследования утверждений о применении пыток в деле заявителя несовместимо с обязательством государства-участника согласно статье 12 Конвенции принимать меры к тому, чтобы его компетентные органы проводили быстрое и беспристрастное расследование, когда имеются достаточные основания полагать, что был совершен акт пытки (пункт 13.4 Решения).

В этих обстоятельствах государство-участник также не выполнило своего обязательства по статье 13 Конвенции, в соответствии с которым оно обязано гарантировать заявителю право на предъявление жалобы, предполагающее, что власти надлежащим образом отреагируют на эту жалобу, проведя быстрое и беспристрастное расследование²⁴... Комитет отмечает, что заявитель стал объектом угроз в результате иска марокканского Министерства внутренних дел и что его адвокат был арестован и выслан из Марокко в марте 2016 года, когда он должен был представлять своего клиента в ходе разбирательства сообщения об актах пыток, которым тот подвергся. Государство-участник не представило какой-либо информации, которая могла бы опровергнуть эту часть сообщения. Комитет приходит к заключению, что факты по данному делу представляют собой нарушение также и статьи 13 Конвенции (пункт 13.5 Решения).

Что касается утверждений заявителя в связи со статьей 14 Конвенции, то Комитет напоминает о том, что это положение признает право жертвы пыток на справедливую и адекватную компенсацию и налагает на государства-участники обязательство обеспечить получение жертвой соответствующего возмещения за весь нанесенный ущерб... В данном случае Комитет отмечает утверждения заявителя о физических и психологических страданиях от последствий пережитого насилия. Комитет отмечает..., что то обстоятельство, что военный следственный судья не распорядился о проведении медицинского освидетельствования, не позволило заявителю воспользоваться мерами по реабилитации, компенсации, медицинскому уходу и обеспечению гарантий неповторения преступления. Комитет считает, что отсутствие немедленно начатого оперативного и беспристрастного расследования лишило заявителя

²⁴ См. сообщение № 376/2009, *Бендиб против Алжира*, Решение, принятое 8 ноября 2013 г., пункт 6.6. См. также *Паро против Испании*, *Бланко Абад против Испании* и *Буабдалла Лтаиф против Туниса*.

возможности воспользоваться своим правом на компенсацию в нарушение статьи 14 Конвенции²⁵ (пункт 13.6 Решения).

Заявитель утверждает..., что он является жертвой нарушения статьи 15 Конвенции по причине его осуждения на основании признательных показаний, полученных под пыткой. Комитет отмечает утверждение заявителя о том, что он ни в чем не признавался, а был принужден подписать документ неизвестного ему содержания (пункт 13.7 Решения).

Комитет отмечает, что, по мнению заявителя, признания, которые он подписал под пыткой, использовались в качестве основания для его обвинения и оправдания его содержания под стражей на протяжении более шести лет; и что через своего адвоката он на различных этапах разбирательства по его делу безуспешно пытался оспорить доказательственную силу признательных показаний, подписанных им под пыткой. Комитет отмечает также, что суд не принял во внимание утверждений заявителя о применении пыток во время его осуждения на основании его признаний и отрицает, что эти утверждения были представлены в ходе разбирательства²⁶. Комитет считает, что государство-участник было обязано проверить содержание утверждений заявителя. Не предприняв никаких проверок и используя такие показания в ходе судебного разбирательства против заявителя, государство-участник явно нарушило свои обязательства по статье 15 Конвенции. В связи с этим Комитет напоминает, что в своих заключительных замечаниях по четвертому периодическому докладу о Марокко (см. CAT/C/MAR/CO/4, пункт 17) он выразил обеспокоенность в связи с тем, что согласно сложившейся в государстве-участнике следственной практике признательные показания зачастую служат доказательствами, на основании которых можно возбудить преследование в отношении какого-либо лица и вынести обвинительный приговор, что создает предпосылки для применения пыток и жестокого обращения по отношению к подозреваемым²⁷ (пункт 13.8 Решения).

Касаясь жалобы на несоблюдение статьи 16 Конвенции, Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что обращение, которому его подвергали в ходе судебного разбирательства, включая антисанитарные условия его содержания под стражей в течение первых месяцев пребывания в тюрьме Сале в Рабате, равносильно бесчеловечному

²⁵ См. сообщение № 514/2012, *Нийонзима против Бурунди*, Решение, принятое 21 ноября 2014 г., пункт 8.6.

²⁶ Эти сообщения были сделаны в присутствии свидетелей и зафиксированы в протоколах, которые заявитель приобщил к своему сообщению в Комитет. Тем не менее просьба адвоката заявителя, обращенная к военному следственному судье в ходе судебного слушания 8 февраля 2013 г., по возможности допросить составителей протоколов допросов с целью выяснения обстоятельств получения признательных показаний была отклонена.

²⁷ См. сообщение № 503/2012, *Нтикараера против Бурунди*, Решение, принятое 12 мая 2014 г., пункт 6.6. См. также *Нийонзима против Бурунди*, пункт 8.8.

и унижающему достоинство обращению. Комитет... принимает к сведению утверждения о том, что заявитель провел ночь, прикованный наручниками к большой двери, обрамленной стальной решеткой, охранники пинали его ногами и оскорбляли всякий раз, когда он хотел поменять позу, а его доступ к врачу, адвокату и жене был ограничен в течение нескольких недель. Заявитель... утверждает, что начиная с 18 ноября 2010 г. был помещен в одиночную камеру на четыре месяца и в течение трех месяцев оставался в камере без разрешения на прогулку, имея возможность общаться с другими заключенными только через окно. Не имея какой бы то ни было соответствующей информации от государства-участника по этому вопросу, Комитет приходит к выводу, что представленные факты указывают на нарушение государством-участником своих обязательств по статье 16 Конвенции²⁸ (пункт 13.9 Решения).

Выводы Комитета: факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статей 1 и 12–16 Конвенции (пункт 14 Решения).

Право на свободу и личную неприкосновенность

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобам № 35919/05 и № 3346/06 «*Бирулев и Шишкин против России*» (вынесено 14 июня 2016 г., вступило в силу 14 сентября 2016 г.), которым отклонена жалоба заявителей на пункт 1 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция) в связи с якобы имевшим место необоснованным содержанием под стражей.

Вместе с тем, установлено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с незаконным задержанием *Шишкина М.М.* и *Бирулева А.В.* сотрудниками органов внутренних дел в отсутствие надлежащей регистрации задержания.

Одновременно исключена из списка подлежащих рассмотрению дел жалоба *Шишкина М.М.* на необеспечение ему надлежащих условий содержания следственном изоляторе и ненадлежащим рассмотрением жалоб заявителя на постановление о заключении под стражу в связи с принятием условий односторонней декларации российских властей.

Российские власти «признали нарушение статьи 3 и пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с бесчеловечными и унижающими условия его [Шишкина М. М.] содержания в следственном изоляторе...и в связи с чрезмерно длительным пересмотром...постановления о задержании...и заявили о своей готовности выплатить ему 6 415 евро в качестве справедливой компенсации. Кроме того, они просили Суд исключить жалобу из списка подлежащих рассмотрению дел согласно статье 37 Конвенции» (пункт 35 постановления).

²⁸ См. *Нийонзима против Бурунди*, пункт 8.8.

Заявитель «отклонил предложение Властей, посчитав предлагаемую ему сумму слишком низкой, и настаивал на рассмотрении других его жалоб» (пункт 36 постановления).

Европейский Суд установил, что «Власти не оспаривают конкретные утверждения, выдвинутые вторым заявителем, и недвусмысленно признают факт нарушения статьи 3 и пункта 4 статьи 5 Конвенции, о которых тот утверждает...Что же касается предполагаемого возмещения, которое должно быть представлено второму заявителю, Власти обязались выплатить ему 6 415 евро в качестве компенсации материального ущерба и морального вреда, а также судебных расходов и издержек...[П]редложенная сумма примерно соответствует той, которая была бы присуждена [Европейским Судом] за те же нарушения Конвенции» (пункты 40-41 постановления).

Суд пришел к выводу о необходимости «исключить данную жалобу из списка подлежащих рассмотрению дел в части бесчеловечных и унижающих достоинство условий содержания второго заявителя под стражей...и в части чрезмерно длительного судебного пересмотра постановления о заключении под стражу» (пункт 44 постановления).

Оба заявителя также жаловались на то, что их задержание и первоначальное заключение под стражу в качестве подозреваемых было несовместимо с пунктом 1 статьи 5 Конвенции.

В отношении первого заявителя, Суд установил, что «20 июня 2005 г. приблизительно между 3:00 и 18:00 часами первый заявитель находился под контролем сотрудников милиции без надлежащего оформления данного задержания» (пункт 51 постановления).

Что касается *Шишкина М.М.*, Суд отметил, что «второй заявитель продолжал находиться в отделении милиции в течение не менее восьми часов без составления какого-либо протокола задержания или официального признания его процессуального статуса» (пункт 52 постановления).

Суд также установил, что «11 апреля 2005 г. второй заявитель находился на охраняемой территории отделения милиции, по крайней мере, с 15:10 до момента его заключения под стражу, которое произошло примерно в 23:35 часа, когда он был допрошен и подвергнут применению других процессуальных мер. Действительно, было бы нереалистично полагать, что в течение этого периода он мог по своей воле покинуть отделение милиции» (пункт 54 постановления).

Европейский Суд также отметил, что «утверждение Властей о том, что второй заявитель находился в отделении милиции в качестве свидетеля, представляется не заслуживающим доверия. Преступление было совершено неизвестными лицами, однако Власти не привели никаких объяснений относительно того, почему второй заявитель был доставлен в отделение милиции вскоре после возбуждения уголовного дела. Равным образом, Власти не пояснили, почему он незамедлительно подвергся ряду

процессуальных мер, в частности, процедуре опознания. По мнению Суда, представляется очевидным, что с момента его задержания и до составления протокола задержания 11 апреля 2005 г. в 23:35 второй заявитель *де-факто* рассматривался сотрудниками милиции в качестве подозреваемого. Таким образом, Суд приходит к выводу, что его пребывание в отделении милиции в период с 15:10 до 23:35 11 апреля 2005 г. представляло собой лишение свободы» (пункт 55 постановления).

Суд напомнил, что «отсутствие протокола задержания или постановления о заключении под стражу применительно к сроку лишения свободы само по себе должно считаться серьезным упущением... [Н]егласное содержание лица под стражей является полным отрицанием фундаментальных гарантий, содержащихся в статье 5 Конвенции, а также представляет собой наиболее серьезное нарушение данного положения. Отсутствие записей о задержании с указанием даты, времени и места задержания, фамилии задержанного, а также причин задержания и фамилии лица, производившего задержание, следует считать несовместимым с самой целью статьи 5 Конвенции» (пункт 56 постановления).

Европейский Суд установил, что «[х]отя в случае с обоими заявителями протоколы задержания в конечном итоге и были составлены, указанные в них даты и время задержания заявителей расходились с фактическими датами и временем их задержания. Содержание заявителей под стражей в отделениях милиции... не было зарегистрировано либо признано в какой-либо процессуальной форме. Тот факт, что их задержание не было должным образом оформлено, достаточен для того, чтобы Суд посчитал, что их задержание... противоречило требованиям, выраженным косвенным образом в статье 5 Конвенции в отношении надлежащей регистрации фактов лишения свободы» (пункт 57 постановления).

Что касается второго заявителя, Суд также отметил, что «положения как Конституции Российской Федерации (статья 22), так и УПК РФ (статьи 10, 92, 94 и 108) требуют вынесения судебного решения для любого содержания под стражей сверх сорока восьми часов с момента фактического задержания, который должен быть точно отражен в протоколе задержания. В настоящем деле постановление о заключении под стражу было вынесено городским судом в 18:25 13 апреля 2005 г., то есть в течение сорока восьми часов с момента подготовки протокола задержания в 11:35 11 апреля 2005 г.» (пункт 58 постановления).

Однако Суд указал на то, что «в протоколе задержания указано неверное время фактического задержания второго заявителя, и к тому времени, когда его заключение под стражу было надлежащим образом оформлено, он уже находился под стражей в отделении милиции в течение более трех часов. Городской суд был проинформирован об этом факте стороной защиты, но не стал его рассматривать при вынесении

постановления о заключении под стражу, и не принял его во внимание каким-либо иным образом. Отсюда следует, что постановление о заключении под стражу не соответствовало процедуре, предусмотренной УПК РФ, и поэтому являлось незаконным» (пункт 59 постановления).

Европейский Суд заключил, что «отсутствие надлежащей регистрации факта лишения второго заявителя свободы 11 апреля 2005 г., и, следовательно, несоблюдение установленного законом срока для санкционирования такого заключения под стражу по решению суда, противоречило гарантии «законности», предусмотренной статьей 5 Конвенции. Следовательно, имело место нарушение данной статьи» (пункт 60 постановления).

В отношении законности постановлений о заключении под стражу, Суд отметил, что «по настоящему делу заявители были заключены под стражу до предъявления им обвинений...[О]дна лишь ссылка на «исключительные обстоятельства» как на единственное основание для досудебного содержания под стражей лица, подозреваемого в совершении уголовного преступления, но которому пока не предъявлено обвинение, рассматривается Судом как расплывчатая и непредсказуемая, что приводит к возможности беспрепятственно действовать на свое усмотрение и к произволу» (пункт 66 постановления).

Суд подчеркнул, что «[с]татья 100 УПК РФ ясно дает понять, что лицо, подозреваемое в совершении уголовного преступления, может быть заключено под стражу лишь в случае наличия оснований, четко изложенных в статье 97, а также с учетом обстоятельств, перечисленных в статье 99 УПК РФ... Таким образом, статью 100 УПК РФ следует толковать в контексте данных положений, равно как и статью 108 УПК РФ, в которой содержатся общие положения, касающиеся возможности содержания подозреваемых и обвиняемых под стражей» (пункт 67 постановления).

Что касается первого заявителя, Европейский Суд отметил, что «районный суд, базировал свою оценку на риске того, что первый заявитель, ранее осужденный за угон автомобиля, продолжит заниматься преступной деятельностью, на том основании, что он был задержан за рулем угнанного автомобиля лишь спустя три дня после условно-досрочного освобождения» (пункт 69 постановления).

Что касается второго заявителя, Суд подчеркнул, что «национальные суды ссылались в основном на то обстоятельство, что он был опознан потерпевшей, и что к тому моменту не все преступники были найдены. В обоих случаях национальные суды также приняли во внимание тот факт, что заявители являлись безработными и уже имели судимость» (пункт 69 постановления).

Европейский Суд отметил, что «в том случае, если бы задержание заявителей основывалось исключительно на тяжести преступлений,

которые они якобы совершили, законность их содержания под стражей могла бы быть поставлена под сомнение» (пункт 69 постановления).

Суд также напомнил, что «отсутствие явной ссылки на определенные положения национального законодательства или использование определенных терминов само по себе не означает, что постановление о заключении под стражу является незаконным» (пункт 70 постановления).

Кроме того, Суд отметил, что «областной суд отдельно рассмотрел довод второго заявителя о том, что термин «исключительные обстоятельства», содержащийся в статье 100 УПК РФ, представляет собой дополнительный критерий, который должен был быть соблюден в отношении задержания подозреваемых (в отличие от обвиняемых). Суд пояснил, что данное выражение должно было подчеркнуть особенность ситуации заключенного под стражу подозреваемого в отличие от обвиняемого, в том смысле, что вышеуказанная мера пресечения должна автоматически отменяться в том случае, если подозреваемому не будут предъявлены обвинения в течение установленного законом десятидневного срока... Суд не усматривает оснований для сомнения в толковании соответствующего положения национальными судами; кроме того, Суд также не усматривает каких-либо элементов, демонстрирующих, что власти действовали недобросовестно или пренебрегли надлежащим применением соответствующего законодательства» (пункт 71 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «ничто в настоящем деле не демонстрирует, что применение соответствующего национального законодательства в делах заявителей являлось настолько произвольным или необоснованным, что привело к незаконности их заключения под стражу... Соответственно, нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции по настоящему делу допущено не было» (пункты 72-73 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе № 17564/06 «*Садретдинов против России*» (вынесено 24 мая 2016 г., вступило в силу 24 августа 2016 г.), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция) в связи с необеспечением *Садретдинову Ф.Х.* надлежащей медицинской помощи в следственном изоляторе, пункт 3 и пункт 4 статьи 5 Конвенции - в связи с необоснованно длительным содержанием заявителя под стражей, а также ненадлежащим рассмотрением его жалобы на постановления о заключении под стражу.

Одновременно исключена из списка дел, подлежащих рассмотрению, жалоба заявителя на необеспечение ему надлежащих условий содержания в следственном изоляторе Москве и чрезмерную длительность содержания его под стражей в связи с принятием условий односторонней декларации властей.

Заявитель жаловался на нарушения статьи 3 конвенции в связи с условиями содержания под стражей, а также пункта 3 статьи 5 конвенции в связи с необоснованным содержанием под стражей. Власти представили свою одностороннюю декларацию с целью разрешения вопросов, касающихся названных нарушений. Заявитель не ответил на предложение властей.

Европейский Суд был удовлетворен тем, что «власти не оспаривали эту часть утверждений заявителя и открыто признали нарушение статьи 3 в связи с условиями его содержания под стражей, а также пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи с его предварительным заключением под стражу во время второго раунда слушаний по уголовному делу против него» (пункт 53 постановления).

Власти также обязались выплатить заявителю 4 400 (четыре тысячи четыреста) евро в качестве справедливой компенсации. Европейский Суд отметил, что «предлагаемая сумма не является необоснованной по сравнению с суммами, присуждаемыми Европейским Судом в аналогичных делах» (пункт 54 постановления).

Суд заключил, что «будет целесообразным прекратить производство по части жалобы, касающейся бесчеловечных и унижающих достоинство условий содержания заявителя под стражей в следственном изоляторе... и отсутствия соответствующих и достаточных оснований для его содержания под стражей в ходе предварительного следствия» (пункт 57 постановления).

Заявитель также утверждал, ссылаясь на статью 3 Конвенции, что не получал надлежащей медицинской помощи во время нахождения под стражей.

Суд установил, что «записи в медицинской карте заявителя, сделанные фельдшером следственного изолятора, были неполными и не отражали фактическое состояние здоровья заявителя» (пункт 72 постановления).

Европейский Суд отметил, что «при своем поступлении в следственный изолятор заявитель сообщил медицинским работникам о своей инвалидности... Однако, это не заставило администрацию следственного изолятора выяснить причину инвалидности; также это не побудило их запросить прежнюю информацию о состоянии здоровья заявителя несмотря на тот факт, что это было явно рекомендовано сделать... Заявитель был помещен в обычный следственный изолятор. На протяжении нескольких месяцев после задержания заявителя состояние его здоровья находилось под наблюдением, в основном, фельдшера следственного изолятора, который по неизвестным причинам абсолютно игнорировал состояние здоровья заявителя... [X]отя записи, сделанные врачами скорой помощи, были приложены к медицинской карте заявителя, медицинские работники следственного изолятора не приняли содержание этих записей во внимание» (пункт 73 постановления).

Европейский Суд заключил, что «серьезное упущение российских властей в том, что они не выявили потребности заявителя в медицинской помощи и не предоставили ему медицинскую помощь соответствующего уровня во время его содержания под стражей. В результате неспособность властей предоставить заявителю медицинскую помощь, в которой он нуждался, подвергла его длительным психологическим и физическим страданиям, унижающим его человеческое достоинство. Эта неспособность властей представляла собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение по смыслу статьи 3 Конвенции» (пункт 75 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что длительность его содержания под стражей в ходе предварительного следствия не соответствовала требованию «разумного срока», установленного в пункте 3 статьи 5 Конвенции. Рассматриваемый период составляет более одиннадцати месяцев.

Суд напомнил, что «[в]сякий раз, выявляя нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции, Европейский Суд отмечал слабость аргументации российских судов, распорядившихся о продлении срока содержания заявителей под стражей. От дела к делу он указывал на следующие основные недостатки в аргументации судов: ссылку на тяжесть обвинений как на основное оправдание вероятности того, что заявитель скроется от правосудия; подозрение в отсутствие какой-либо доказательной базы в том, что заявитель может воздействовать на свидетелей или использовать свои связи в государственных органах для препятствования отправлению правосудия; неспособность тщательно изучить возможность применения другой, менее суровой меры пресечения, такой как освобождения под залог; а также совместное продление срока содержания под стражей заявителя и его сообщников без надлежащего рассмотрения личных обстоятельств каждого из обвиняемых» (пункт 84 постановления).

Европейский Суд отметил, что в настоящем деле «российские суды... постоянно ссылались на тяжесть предъявленных обвинений и вероятность того, что заявитель скроется или будет препятствовать отправлению правосудия, основывая свои опасения на тех же предположениях, что и в делах, ссылки на которые приведены выше... [П]ри принятии доводов следствия о том, что заявитель способен уклониться от правосудия или воспрепятствовать ему, суды не уделяли внимания важным и насущным обстоятельствам, поддерживающим ходатайства заявителя об освобождении и снижающим вероятность того, что он скроется от правосудия или вступит в сговор. Такие обстоятельства... включали в себя слабое здоровье заявителя, его сильные связи с сообществом и отсутствие каких-либо доказательств того, что он когда-либо пытался связаться с жертвами или свидетелями в ходе разбирательства по уголовному делу. В данных обстоятельствах Европейский Суд не может не сделать вывод о том, что российские суды

не оценили личную ситуацию заявителя и не привели подтверждающиеся доказательными выводами конкретные обоснования в пользу его содержания под стражей» (пункт 85 постановления).

Суд пришел к выводу, что «не сославшись на конкретные факты, имеющие отношение к делу, или не рассмотрев возможность применения альтернативных «мер пресечения», власти продлевали срок содержания заявителя под стражей по основаниям, которые не могут считаться «достаточными». Таким образом, власти не смогли обосновать продление лишения заявителя свободы почти на один год... Следовательно, имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи с содержанием заявителя под стражей» (пункты 86–87 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на пункт 4 статьи 5 Конвенции на ненадлежащее рассмотрение его жалобы на постановления о заключении под стражу.

Европейский Суд установил, что «городской суд отказался рассматривать кассационные жалобы [заявителя], заключив, что они не подлежали обжалованию, так как были вынесены в ходе производства в суде первой инстанции» (пункт 94 постановления)

Суд пришел к выводу, что «было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с тем, что кассационные жалобы заявителя на постановления, отказывающие в удовлетворении ходатайств об освобождении, не были рассмотрены» (пункт 95 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе № 32013/07 «*Попов против России*» (вынесено и вступило в силу 19 июля 2016 г.), которым установлено нарушение пунктов 1 и 5 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция) в связи с незаконным содержанием Попова Б.А. под стражей в отделении полиции, а также в связи с отказом национальных судов в предоставлении компенсации за соответствующее нарушение.

Установлено также нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в связи с нарушением права лишеного свободы Попова Б.А. на личное участие в судебных заседаниях по его гражданскому делу в районном и краевом судах и чрезмерно длительным исполнением решения районного суда.

Заявитель жаловался, ссылаясь на статью 5 Конвенции, на незаконность своего содержания под стражей в отделении полиции, а также на то, что национальные суды отклонили его исковое заявление о возмещении вреда.

Европейский Суд напомнил, что «различие между лишением свободы и ограничением свободы является лишь различием степени или интенсивности, а не природы или сущности... Защита от произвольного задержания, закрепленная в пункте 1 статье 5 Конвенции, применяется к

лишению свободы любой продолжительности, сколь бы кратковременным оно ни было» (пункт 19 постановления)

Суд отметил, что «по словам заявителя, сотрудники милиции воспрепятствовали его попытке выйти из кабинета во время допроса и велели ему оставаться внутри и ждать возвращения следователя... В своих заявлениях власти не утверждали, что заявитель мог свободно покинуть отделение милиции, по крайней мере, до того момента, пока ему не было разрешено это сделать. Кроме того, они не представили какого-либо документа, содержащего подробный отчет о произошедшем в отделении милиции во время нахождения в нем заявителя. После того как был установлен тот факт, что заявитель не мог свободно покинуть отделение милиции, вопрос о том, прибыл ли он туда добровольно или же он был туда доставлен, который также был поднят государством-ответчиком, становится непринципиальным... Тот факт, что российские власти считали, что заявитель не являлся задержанным по смыслу российского законодательства, не означает, что он не был лишен свободы в соответствии с положениями Конвенции» (пункт 20 постановления).

В данных обстоятельствах Суд посчитал установленным тот факт, что «в рамках настоящего дела имелся элемент принуждения, который, несмотря на кратковременный срок задержания, свидетельствовал о лишении свободы по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции» (пункт 20 постановления).

Европейский Суд заключил, что «заявитель ответил на вопросы сотрудников милиции и повиновался их приказам... Кроме того, сторонами не оспаривается тот факт, что заявитель не являлся официально подозреваемым или обвиняемым в совершении какого-либо преступления... Совершенно очевидно, что лишение заявителя свободы... не могло быть осуществлено «с целью доставления [его] в компетентный судебный орган по обоснованному подозрению в совершении преступления» по смыслу подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции... Следовательно, лишение свободы не имело никакой законной цели в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции и являлось произвольным... [Б]ыло допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции» (пункты 21–22 постановления).

Европейский Суд также напомнил, что «право на получение компенсации, закрепленное пунктом 5 статьи 5 Конвенции, возникает в случае установления Судом или национальными судами, прямо или по существу, нарушения одного из других четырех пунктов данной статьи» (пункт 23 постановления).

Суд пришел к выводу, что «заявитель не обладал осуществимым правом на получение компенсации за лишение его свободы, что, как было установлено, являлось нарушением статьи 5 Конвенции... Таким образом, по настоящему делу было допущено нарушение пункта 5 статьи 5 Конвенции» (пункты 24–25 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что его право на справедливое судебное разбирательство в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции было нарушено в связи с отказом национальных судов обеспечить его фактическое участие в гражданском процессе, стороной которого он являлся, в том числе – в кассационных слушаниях.

Европейский Суд отметил, что «в рамках обоих разбирательств заявитель выразил желание присутствовать на...слушании лично. Но...ему было отказано в предоставлении разрешения на личное присутствие в зале суда со ссылкой на отсутствие какой-либо правовой нормы, делающей его присутствие обязательным... Европейский Суд отверг данный подход как чрезмерно формалистический, поскольку отсутствие законодательства о присутствии заключенных на слушаниях не может являться достаточным основанием для лишения их права на личное присутствие в зале суда... Вопреки утверждению властей о том, что заявитель мог бы эффективно представить объяснения по своему делу в судах, поскольку он был надлежащим образом проинформирован о дате проведения слушаний, одного лишь информирования заявителя о сроках кассационного слушания было явно недостаточной в ситуации, когда текущее состояние национального законодательства в действительности не позволяло ему лично присутствовать в зале суда» (пункт 29 постановления).

Суд отметил, что «[в] настоящем деле суды...не проверяли, требовал ли характер соответствующих гражданских споров дачи показаний лично заявителем, и имело ли его непосредственное присутствие в зале суда существенное значение для обеспечения справедливости судебного разбирательства в целом. Таким образом, кассационный суд отказал заявителю в праве лично присутствовать на слушаниях вне зависимости от существования соответствующих разбирательства, и не известил его данным решением в достаточной мере заблаговременно» (пункт 30 постановления).

Европейский Суд также подчеркнул, что «эффективное участие заявителя в... слушаниях также могло быть обеспечено путем [имеющихся] процессуальных механизмов, таких как, например, средства видеосвязи или проведение выездного заседания...[С]уды вообще не рассматривали данные варианты, и приступили к слушанию соответствующего дела, по сути, не информируя заявителя о возможных способах компенсировать его отсутствие в зале суда. В результате заявитель не смог принять решение о дальнейшем плане действий по защите своих прав и был лишен возможности эффективно представить свои объяснения по делу в...судах, в нарушение статьи 6 Конвенции» (пункт 31 постановления).

Суд пришел к выводу, что «отказав заявителю на основании недостатков отечественного законодательства в предоставлении возможности присутствовать на кассационных слушаниях в рамках гражданского процесса, стороной которого он являлся, и не став

рассматривать соответствующие процессуальные механизмы, позволявшие обеспечить заслушивание доводов заявителя, национальные суды не выполнили свои обязательства по обеспечению соблюдения принципа справедливого судебного разбирательства, закрепленного в статье 6 Конвенции... Следовательно, по настоящему делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции» (пункты 32–33 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции на чрезмерную длительность исполнения решения районного суда.

Европейский Суд установил, что «[в]ласти не оспаривали тот факт, что несвоевременное исполнение судебного решения... было несовместимым с нормами Конвенции» (пункт 36 постановления).

Таким образом, Суд пришел к выводу, что «неисполнение национальными властями судебного решения, вынесенного в пользу заявителя помешало ему получить денежные средства, право на получение которых он имел в соответствии с окончательным и обязательным для исполнения судебным решением... Соответственно, по настоящему делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1 в связи с несвоевременным исполнением судебного решения» (пункты 37–38 постановления).

См., также, вышеприведенное постановление Европейского Суда по жалобе № 78774/13 «*Топехин против России*» (вынесено 10 мая 2016 г., вступило в силу 17 октября 2016 г.), которым, в том числе, отклонена жалоба *Топехина В.А.* на нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция) в связи с якобы имевшим место необоснованно длительным содержанием его под стражей.

Вместе с тем, установлено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции – в связи с ненадлежащим рассмотрением городским судом жалоб заявителя на постановления о заключении его под стражу.

В Верховный Суд Российской Федерации также поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащих констатацию нарушения Российской Федерацией положений пунктов 3 и 4 статьи 5 Конвенции в части нарушения права лица на разумные сроки нахождения под стражей в ожидании приговора суда, а также в связи с чрезмерно длительным рассмотрением жалоб на постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также о продлении срока содержания под стражей.

Постановления по жалобам № 3400/06, 1134/12, 27903/12, 15155/13, 1454/14, 43335/14, 43527/14, 60371/14, 68060/14, 36550/15, 39181/15, 41633/15 и 51162/15 «*Клепиков и другие против России*» (вынесено и вступило в силу 24 ноября 2016 г.), № 611/15 и 6 других «*Сарбахтин и*

другие против России» (вынесено и вступило в силу 4 мая 2017 г.), № 5403/07, 12097/09, 52460/13, 54286/13, 60823/13, 6503/14 *«Маевский и другие против России»* (вынесено и вступило в силу 24 ноября 2016 г.), № 69863/13 *«Давляшова против России»* (вынесено и вступило в силу 18 октября 2016 г.), № 28484/06, 4613/09, 29899/09, 20064/13, 23850/13, 69323/13 и 76881/13 *«Кирильчук и другие против России»* (вынесено и вступило в силу 3 ноября 2016 г.), № 24967/06, 13708/08, 43584/11, 2906/14, 68255/14, 72879/14 и 77966/14 *«Девятов и другие против России»* (вынесено и вступило в силу 20 декабря 2016 г.), № 72986/10, 5441/11, 21051/11, 32021/14 и 40987/14 *«Хамзин и другие против России»* (вынесено и вступило в силу 6 октября 2016 г.), № 39399/08, 39554/08, 45510/09, 21744/10 и 23272/16 *«Котов и другие против России»* (вынесено и вступило в силу 16 февраля 2017 г.), № 50483/07, 21974/09, 53102/10, 66061/13 и 8351/15 *«Федоров и другие против России»* (вынесено и вступило в силу 16 февраля 2017 г.), № 6116/10, 53833/10, 1164/15, 1405/15, 10164/15 и 42708/15 *«Носенко и другие против России»* (вынесено и вступило в силу 6 апреля 2017 г.), № 32357/05, 49012/13, 42110/15, 1827/16, 8773/16, 16417/16 *«Вихарев и другие против России»* (вынесено и вступило в силу 16 февраля 2017 г.), № 51182/10 и 5 других *«Джабаров и другие против России»* (вынесено и вступило в силу 2 февраля 2017 г.).

Тексты приведенных документов, принятых договорными органами ООН, находятся по адресу:

<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx>.

Неофициальные переводы текстов постановлений Европейского Суда по правам человека получены из Аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя Министра юстиции Российской Федерации.